

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

КЛЕМЕНТЬЕВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

**НЕОЛИТ СРЕДНЕТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
БАССЕЙН Р. КОНДЫ**

Специальность: 5.6.3. Археология (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

в 2-х томах

Том 1. Текст

Научный руководитель

доктор исторических наук Н. М. Чаиркина

Екатеринбург– 2023

Оглавление

Том 1

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	15
1.1. Историография неолита Зауралья и Западной Сибири	15
1.2. История изучения неолитических древностей р. Конды	25
Первый этап: конец 1970-х гг. – первая половина первого десятилетия 2000-х гг.	26
Второй этап: вторая половина первого десятилетия 2000-х гг. – настоящее время.....	33
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА Р. КОНДЫ	38
2.1. Поселение Большая Умытья 2	40
2.2. Поселение Большая Умытья 8	41
2.3. Поселение Большая Умытья 9	43
2.4. Поселение Большая Умытья 57	45
2.5. Поселение Большая Умытья 100	46
2.6. Поселение Большая Умытья 109	64
2.7. Поселение Шоушма 10	66
2.8. Поселение Мулымья 3	69
2.9. Поселение Мулымья 4	74
2.10. Поселение Усть-Тетер 1	76
2.11. Поселение Сумпанья 2.....	79
2.12. Поселение Сумпанья 4.....	80
2.13. Поселение Сумпанья 6.....	83
2.14. Поселение Леуши 7.....	84
2.15. Поселение Чилимка 5	88
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Р. КОНДЫ.....	91
3.1. Культурно-хронологическая схема	91
3.2. Культура кондинского населения в мезолите	92
3.3. Культура кондинского населения в неолите	94
3.3.1. Ранний неолит: мулымьинский культурный тип памятников	95
3.3.2. Средний неолит: умытьинский, шоушминский и сумпаньинский культурные типы памятников, керамические комплексы немнёлского типа.....	103
3.3.3. Холмы.....	125
3.3.4. Поздний неолит: ушьинский культурный тип памятников	127
3.4. Погребальный обряд неолитического населения р. Конды	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	147

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	149
--------------------------------------	-----

Том. 2

<i>Приложение 1. Изученные коллекции археологического материала.....</i>	<i>4</i>
<i>Приложение 2. Характеристика керамических комплексов эпохи неолита.....</i>	<i>5</i>
<i>Приложение 3. Памятники с неолитическими холмами.....</i>	<i>49</i>
<i>Приложение 4. Таблицы</i>	<i>52</i>
<i>Приложение 5. Иллюстрации.....</i>	<i>114</i>
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	207
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	208

ВВЕДЕНИЕ

Концепция неолитической революции Г. Чайлда [1952] во многом определила современные подходы к периодизации каменного века лесной зоны Западной и Северной Европы. В настоящее время под процессом неолитизации европейскими археологами понимается переход мезолитического населения к производящему хозяйству. Культуры с керамикой и присваивающей экономикой определяются как субнеолитические или мезолитические [Пиецонка, 2020. С. 67]. В отечественной историографии критериями неолита лесной зоны традиционно считаются такие признаки как совершенствование каменных орудий труда, распространение гончарства, прядения и ткачества, переход к комплексному хозяйственному укладу охотников-рыболовов, обеспечивавшему относительно стабильный продовольственный запас и возможность ведения оседлого образа жизни [Ошибкина, 1996. С. 6; Кольцов, 2014. С. 14]. Согласно альтернативной точке зрения, в определении понятия «неолит» следует соблюдать единство критериев археологической периодизации Х. Томпсона и Дж. Леббока [Ставицкий, 2014]. Универсальным критерием неолита является внедрение качественно нового материала – керамики, дополняющими – изменения в технологии изготовления орудий. Социально-экономические изменения, обусловленные в эпоху камня природно-географическими факторами, имели локальный характер. По мнению В. В. Ставицкого, для обозначения начала неолитической эпохи в лесной зоне более приемлем термин «керамизация» [Ставицкий, 2014. С. 176].

Определение содержания эпохи неолита севера Западной Сибири соответствует традициям российской археологии. Начало эпохи ассоциируется с рядом инноваций: технологией производства глиняной посуды [Зах, 2009. С. 39], совершенствованием присваивающего хозяйства с возрастающей ролью рыбной ловли, переходом к менее мобильному образу жизни, строительством долговременных поселков, в том числе укрепленных, сооружением культовых холмов [Чаиркина, Пиецонка, 2021]. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири длился почти три тысячелетия – со второй половины VII до середины IV тыс. до н. э. Близость материальной культуры населения среднетаежных районов на правобережье Оби (бассейны рек Тавды, Конды, Северной Сосьвы) и на ее левобережье (Сургутское Приобье, Надым-Пуровское междуречье, бассейн р. Казым), южнотаежных и лесостепных районов (Тюменское Притоболье, Тоболо-Ишимье, Бараба) позволяет предполагать общность культурно-исторического развития западносибирского населения в эпоху неолита.

Ключевыми проблемами изучения эпохи неолита среднетаежной зоны Западной Сибири являются определение времени начала и механизмы процесса неолитизации [Чаиркина, Пиецонка, 2021], автохтонный или миграционный характер культурогенеза [Чернецов, 1968;

Старков, 1980; Ковалева, Зырянова, 2009; Зах, 2012], критерии и основания внутренней периодизации эпохи [Дубовцева, Косинская, 2021].

Материалы археологических памятников Кондинского бассейна, включающие десятки неолитических поселений и несколько могильников (табл. 1), по которым получены радиоуглеродные даты (табл. 2), антропологические и остеологические определения, позволяют охарактеризовать в исторической динамике хозяйство неолитического населения среднетаежной зоны Западной Сибири, составить представление о его духовной культуре, определить направления культурных связей, разработать актуальную культурно-хронологическую схему региона.

Актуальность исследования определяется отсутствием современных обобщающих работ по неолиту Кондинского бассейна. В работе проводится критический анализ и систематизация источников, в научный оборот вводятся материалы раскопок 1980-х и 2000-х гг. Проанализированы традиции домостроения, обработки камня, погребальной практики. Построение концепций культурогенеза традиционно основывается на типологии керамических комплексов или анализе керамических традиций. Для эпохи неолита р. Конды в разные годы выделено несколько *типов керамики* (сумпаньинский, немнёлский, сатыгинский, боборыкинский, кошкинский, умытынский, шоушминский, мулымьинский), *керамические* (сумпаньинская, кошкино-боборыкинская, полуденская, чилимкинская; первая, вторая и третья) и *культурные традиции* (кондинская). Выделение сатыгинского, кошкинского, немнёлского типов керамики проводилось по материалам, лишенным надежного археологического контекста. Одним из направлений работы является установление контекстов и уточнение типобразующих признаков этих типов керамики, оценка их эффективности для определения культурной динамики.

Объектом исследования являются жилищные, производственные и погребальные комплексы эпохи неолита Кондинского бассейна. Они представлены остатками сооружений (жилищ и могил), артефактами (глиняная посуда, каменные орудия и отходы их производства, изделия из глины и кости, украшения), антропологическим и остеологическим материалом.

Предмет исследования – динамика материальной культуры неолитического населения среднетаежных районов Западной Сибири.

Цель исследования заключается в разработке современной концепции развития культуры неолитического населения р. Конды. Решались следующие *задачи*: 1) проанализировать основные концепции развития неолита Зауралья и севера Западной Сибири; 2) провести критический анализ источников, охарактеризовать и систематизировать их; 3) определить хронологические границы неолитической эпохи; 4) дать характеристику основных периодов в изменении материальной культуры неолитического населения; 5) определить место этого

населения в системе археологических образований Западной Сибири и Зауралья.

Территориальные рамки. Выбор района – бассейна р. Конды (рис. 1) – обусловлен высокой степенью охвата территории археологическими исследованиями. Здесь выявлено и изучено наибольшее количество неолитических памятников (рис. 2–7), полнота исследований которых позволяет провести построение культурно-хронологической схемы неолита среднетаежной зоны Западной Сибири. Бассейн р. Конды, левого притока р. Иртыша, находится в южной части севера Западной Сибири – между $59\text{--}61^\circ$ с. ш. и $63\text{--}66^\circ$ в. д. В административном отношении это Кондинский и Советский районы Тюменской области ХМАО – Югры. По физико-географическому районированию бассейн р. Конды расположен на территории Западносибирской равнины, по ландшафтному – в южной и среднетаежной подзоне озерно-болотных низин [Москвина, Козин, 2001].

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала VII тыс. до н. э. до конца IV тыс. до н. э. Их расширение за пределы неолитической эпохи, приходящейся в бассейне р. Конды на интервал с последней трети VII тыс. до н. э. до середины IV тыс. до н. э., обусловлено необходимостью сопоставления основных категорий неолитической культуры с памятниками эпохи мезолита и раннего металла. Такой подход позволяет выявить качественные изменения культуры, определяющие начало и окончание эпохи. Для верификации хронологии неолита р. Конды использовано 112 радиоуглеродных дат (табл. 2): 15 – получено из комплексов эпохи мезолита, 88 – неолита, 9 – раннего металла. Для датирования использован уголь из котлованов сооружений и погребений (78 ед.), керамика (21 ед.), обугленная органика (нагар) на сосудах (9 ед.), кость (2 ед.). Калибровка дат выполнена в программе OxCal v4.4.4, атмосферная кривая IntCal20. В тексте работы калиброванные значения приведены по $\sigma 2$ (вероятность 95,4 %) после радиоуглеродных дат.

Источниками исследования являются археологические памятники, информация о которых содержится в отчетах полевых работ, коллекциях и публикациях. Степень информативности источника зависит от вида и объема работ (разведки или раскопки); от методики его исследования; авторского стиля описания; сохранности и доступности полевой документации и коллекций и т. д. Отдельную группу информации составляют данные антропологического, остеологического, радиоуглеродного анализов.

По отчетам из фондов ИА РАН, Музея археологии УрФУ, Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры получены сведения о более чем 300 археологических памятниках бассейна р. Конды, на которых выявлены неолитические материалы. Из них раскопками изучено 44 (табл. 1, рис. 2–7).

Высоким информационным потенциалом обладает только половина раскопанных памятников. На 22 поселениях изучены жилищные, хозяйственные и погребальные комплексы.

Остатки 57 углубленных и наземных сооружений выявлены на поселениях Сумпанья 2, 4, 6; Геологическое 7, 16; Леуши 7, 9; Канда; Чёртова Гора; Шоушма 10; Большая Умытья¹ 2, 8, 9, 57, 100, 109; Усть-Тетер 1; Мулымья 3 и 4; Чилимка 5 (табл. 3²). Кратковременные стоянки, производственные площадки, кострища и ямы хозяйственного назначения исследованы на памятниках БУМ-8, 100; Лемья 19.1; Геологическое 16 (раскоп III); Убья 3. Погребальные комплексы – на памятниках БУМ-2, 8, 9, 100; Неушья 2.1; Мулымья 3 и 4; Чилимка 5. Применение индивидуальной фиксации материала, промывки / просеивания грунта из заполнения объектов при раскопках памятников БУМ-8, 9, 57, 100, 109; Шоушма 10; Мулымья 3 и 4; Усть-Тетер 1 позволяло минимизировать потери в сборе артефактов, зафиксировать положение предметов в пространстве. Контекст находок определялся при их фиксации *in situ* и при последующем камеральном анализе. Для этих памятников установлены достоверные выборки артефактов из сооружений и погребений, прослежена стратиграфическая позиция разновременных неолитических комплексов.

К числу неолитических памятников с недостаточно надежным археологическим контекстом относятся поселения БУМ-60, 61, 72, 142; Геологическое 3 и 6; Еныя 12; Большая Учинья 23; Волвонча 1; Толум 1; Мулымья 6.3; Мостовое 5; Леуши 1, 3, 14. В процессе изучения разновременных сооружений и / или горизонтов обитания на них собраны коллекции неолитической посуды, но неолитические объекты не выявлены.

Ряд памятников, в том числе эпонимных для археологических культур (сумпаньинской) или типов керамики (немнёлского, чилимкинського), исследовался в 80-е гг. XX в. По методике того времени фиксация археологического материала проводилась условными горизонтами, мощностью от 0,05 до 0,2 м с участков 0,5×0,5 м или 2×2 м. Подобная методика и отчасти отсутствие полевой документации не позволяют верифицировать условия залегания артефактов, что привело, например, к дискуссии о стратиграфической позиции посуды сатыгинского типа поселений Сумпанья 2, 4, 6 [Хлобыстин, 1993; Косинская, 2001; Ковалева, Зырянова, 2008б] либо к неопределенности в отнесении ряда каменных предметов к жилищному комплексу поселения Чилимка 5 [Дубовцева, Клементьева, 2022].

Результаты исследований 22 неолитических памятников опубликованы. Наиболее полно представлены материалы поселений Сумпанья 4 и 6 [Ковалева и др., 1984; Крижевская, Гаджиева, 1991; Хлобыстин, 1993], Еныя 12 [Стефанов и др., 2005], БУМ-9 и 57 [Погодин, Миронов, 2009; Погодин, 2010б], Геологическое 16 [Кокшаров, Зырянова, 2011], Шоушма 10 [Клементьева и др., 2020], Лемья 19.1 [Поселение Лемья 19.1..., 2019] и Чилимка 5 [Собольникова, 1995; Глушков, 2011; Дубовцева, Клементьева, 2022]. Материалы поселений

¹ Далее будет использоваться сокращенное название поселений на р. Большой Умытье – «БУМ».

² В таблице 3 учтено 53 постройки. Не вошли в таблицу постройки на поселениях Канда, Чёртова Гора и Мулымья 4 (сооружение 3).

Леуши 7 [Косинская, 2015], Чёртова Гора [Собольникова, 2001; Сладкова, 2008]; БУМ-2, 8, 100, 109 и Усть-Тетер 1 [Клементьева и др., 2012; Клементьева, Погодин, 2017; Клементьева, Труфанов, 2019], Мулымья 3 [Клементьева, Погодин, 2020б] освещены не в полном объеме.

Методы исследования и понятийный аппарат. На стадии обработки источника, начиная со сбора данных, их критики, интерпретации, описания и заканчивая построением локальных хронологий, применялись традиционные для археологии методы: пространственный анализ, типология в русле формально-классификационного подхода, технико-технологический анализ керамики и эксперимент в русле историко-культурного подхода, технико-типологический и экспериментально-трассологический анализ каменного инвентаря. Неотъемлемую часть исследования составляют данные естественно-научных методов – радиоуглеродного, катодolumинисцентного, изотопного, остеологического и антропологического анализа. Сравнительно-исторический метод использован для изучения культуры в статике и динамике. Основополагающим при этом являлся принцип историзма.

Основными классификационными единицами археологического исследования являются *признак, тип и культура*. С методической точки зрения для выделения типов необходимы достоверная выборка материала, отбор типобразующих признаков, выбор адекватного метода классификации; для выделения культур – статистически устойчивые комбинации типов, происходящие из замкнутых или полужамкнутых комплексов [Бочкарев, 2016. С. 32–34]. С помощью *пространственного анализа* распространения артефактов и взаиморасположения культурных слоев определялись достоверные выборки – замкнутые и полужамкнутые комплексы. Замкнутыми комплексами в работе считаются *погребения*, положение предметов в них позволяет судить об их одновременном захоронении. Как полужамкнутые рассматриваются *жилищные комплексы*. Совокупность артефактов в них связана совместным нахождением и обстоятельствами, говорящими об участии этих артефактов в одном и том же процессе жизнедеятельности общества (функционирование конкретного жилища), который привел к их отложению [Косинская, 2001. С. 61; Классификация в археологии, 2013. С. 54–55]. Выборки из жилищных комплексов и погребений содержат обломки глиняной посуды, изделия из камня, глины и кости, остеологические и антропологические материалы.

Основным маркером культурной динамики, начиная с эпохи неолита, является керамика. В ее изучении использовались *формально-классификационный и культурно-исторический подходы*. Единицей учета являлся сосуд. Количество учтенных в выборках сосудов варьируется от 12 до 215 (табл. 3–16). Качественные («*форма, орнамент*») и количественные («*параметры*») признаки заносились в сводные таблицы по жилищным комплексам. Для описания техник и способов орнаментации керамики использована терминология, принятая в неолитоведении Зауралья и Западной Сибири [Калинина, Гаджиева, 1990; Дубовцева, 2013]. На

основании таблиц составлялись графики количественного распределения сосудов по орнаментальным признакам, определялись размерные группы сосудов, проводились расчеты отношения диаметра сосудов к толщине их стенок и выявлялись типобразующие признаки (табл. 3). Типологические различия керамических комплексов, зафиксированные в морфологических и орнаментальных признаках, соотнесены с культурными традициями производства посуды [Дубовцева, 2021]. Для этого использовались данные технико-технологического анализа керамики, полученные Е. Н. Дубовцевой по материалам разновременных неолитических поселений р. Конды: БУм-100 и 109, Шоушма 10, Леуши 7 и Мулымья 3, Сумпанья 2 и 4, Чилимка 5 (учтено более 200 сосудов, табл. 6–16). Особое внимание уделялось рецептуре формовочных масс и способам конструирования емкостей. Рабочие гипотезы об источниках сырья, способах конструирования и орнаментации посуды проверены экспериментально. По устойчивому сочетанию признаков, зафиксированных методами формально-классификационного подхода и подтвержденных методами культурно-исторического подхода, обосновано выделение мулымьинского, умытшинского и шоушминского *типов керамики*.

Для определения функционального назначения и оценки динамики количественных и качественных параметров керамической посуды перспективно определение объемов емкостей [Карманов, 2018]. Расчет внутреннего объема возможен при условии удовлетворительной сохранности емкостей, доля таких сосудов не превышает 5 % от всех, учтенных в работе (табл. 4, 5). Моделирование внутреннего пространства емкости и вычисление ее объема проводилось в программном продукте AutoCAD на основании двухмерной графической реконструкции археологически целых сосудов. Для определения размерных групп посуды использована шкала качества объема сосудов, разработанная Ю. Б. Цетлиным [2015]. Вариативность объемов в комплексе, по его мнению, связана с наличием индивидуальной или «семейной» посуды.

Анализ каменного инвентаря выполнен А. А. Погодиным и Е. Ю. Гирей с использованием комплексного технико-типологического и экспериментально-трасологического подхода. Определение сырьевого состава комплексов каменного инвентаря – А. А. Погодиным. Для жилищных комплексов поселений Мулымья 3, БУм-8, 9, 57, 100, 109 и Шоушма 10 автором составлены сводные таблицы, составлены сводные таблицы количественного распределения каменного инвентаря по категориям (продукты расщепления / отходы производства / орудия) и сырью (табл. 17–29).

Традиции домостроения прослежены по 54 постройкам (табл. 30). В работе применена градация сооружений по глубине котлована, разработанная для типологии построек Зауралья и Западной Сибири: до 0,3 м – наземные постройки; от 0,3 до 1,5 м – полуземлянки; более 1,5 м – землянки [Борзунов и др., 1993. С. 7]. При сравнительном анализе построек учитывались

форма, размеры и глубина котлована, элементы конструкции (наличие и расположение опорных конструкций и крепи стен, выхода, уступы – плечики) и хозяйственные объекты (очаги, ниши, ямы), использование охры.

Комплексы со сходными типами построек, типами керамики и каменного инвентаря выделены в *культурные типы памятников* (КТП) [Косинская, 2001. С. 62]: мулымьинский, умытынский, шоушминский, сумпаньинский, ушьинский. Необходимость введения понятия «КТП» обоснована Л. Л. Косинской малым объемом источников. Вопрос о переводе мулымьинского, умытынского, шоушминского, сумпаньинского, ушьинского КТП в ранг *археологических культур* (АК) [Классификация в археологии, 2013. С. 124, 125] требует дополнительной проработки. Дискуссионными являются определение ареалов этих культурных образований и соотношение их с культурами сопредельных территорий.

Картографирование КТП бассейна р. Конды и их сравнение по всем категориям материальной культуры с синхронными культурными образованиями сопредельных территорий позволяет говорить об общих исторических и культурных явлениях в Западной Сибири на протяжении всего неолита. Для обозначения общности явлений предлагаем обратиться к концепции *культурно-хронологических горизонтов* (КХГ), которая не противоречит концепции археологических культур и не отрицает ее, но позволяет расширить круг рассмотрения археологических материалов на более высоком таксономическом уровне. Под КХГ понимается географический регион, в котором на определенном хронологическом этапе получают широкое распространение характерные маркеры – археологические артефакты и их комплексы, признаки духовной культуры, в том числе погребального обряда и декоративно-прикладного искусства [Яблонский, 2013. С. 36]. Переходы от одного КХГ к другому и от одной фазы КХГ к другой могут не совпадать по времени в различных регионах. В отличие от археологических культур КХГ не имеет четких географических границ или каких-либо рамок в плане горизонтальном, а в вертикальном плане его границы «плавают» и во многом зависят от хронологических схем того или иного исследователя [Яблонский, 2013. С. 37]. Считаем возможным выделить «КХГ комплексов с плоскодонной керамикой» раннего неолита Западной Сибири (от Среднего Прииртышья до Нижнего Приобья) и «быстринско-умытынского КХГ» среднего неолита для таежной зоны севера Западной Сибири (Северо-Сосьвинская возвышенность, Кондинская и Среднеобская низменности).

В изучении *погребальных памятников* использована схема структурно-аналитического описания, разработанная В. С. Ольховским на материалах евразийских степных погребений раннего железного века и адаптированная А. Г. Марочкиным для изучения погребальных памятников эпохи неолита – энеолита юга Западной Сибири [Ольховский, 1991. С. 181–182; Марочкин, 2014]. Первый уровень описания, представленный погребальным памятником,

включает следующие элементы-признаки: геоморфологическая приуроченность, количество погребений, организация пространства (планиграфия погребений, ориентировка относительно местного ориентира). Второй уровень представлен погребением и характеризуется четырьмя элементами-признаками, образующими структуры: погребальное сооружение, останки умершего человека, погребальный инвентарь, дополнительная структура. По обозначенной схеме составлена база данных погребальных памятников эпох мезолита – неолита бассейна р. Конды. При изучении всех неолитических погребений применялась индивидуальная фиксация материала и просевы грунта. Нередко останки погребенных фиксировались лишь в виде костного тлена, который рассыпался при извлечении из грунта, или по более темному грунту, имевшему очертания костей. В большинстве случаев антропологический материал не был найден. Эта специфика погребальных комплексов севера Западной Сибири определяет необходимость рассмотрения методического вопроса: являются ли ямы без антропологического материала и инвентаря погребениями? По В. С. Ольховскому [1986. С. 70], для признания памятника погребением необходимо наличие как минимум двух из трех групп элементов: погребального сооружения (яма), останков, погребального инвентаря. При наличии двух первых групп элементов (яма и останки) погребение считается безынвентарным. При наличии в могиле только вещей – кенотафом. Ямы без антропологического материала и погребального инвентаря не всегда можно определить как кенотаф, так как это может быть либо неоконченное погребальное сооружение, либо жертвенное сооружение. В анализе погребальных памятников севера Западной Сибири необходимо учитывать условия сохранности: органика, в том числе сырая кость (останки погребенных и изделия), в песчаном грунте сохраняется редко. По включенности ям без останков и погребального инвентаря в планиграфическую структуру могильников, особенностям формы и пропорций, наличию в них охры и / или угля считаем возможным отнесение таких ям к погребениям. Подобная практика применяется в изучении погребальных памятников Северной Европы [Ahola, 2015].

Анализ антропологического материала могильников Большая Умытья 100 и Неушья 2.1 выполнен к. и. н. Д. И. Ражевым и Е. О. Святовой; погребений Мулымья 3 и Мулымья 4 – к. б. н. С. М. Слепченко. Описание погребений БУМ-9 и 100, Неушья 2.1, Мулымья 3 и 4 проведено А. А. Погодиным и к. и. н. А. Я. Труфановым.

Для получения сведений о рационе неолитического населения по костям, найденным на поселениях, определены виды промысловых животных. Остеологический материал обработан к. б. н. П. А. Косинцевым (табл. 31–33). Данные изотопного анализа единичны, получены при исследовании костей человека из погребений БУМ-9 [Kuzmin et al., 2017] и нагару с сосуда поселения Мулымья 3 (табл. 34).

Положения, выносимые на защиту:

1. Население эпохи мезолита среднетаежной зоны Западной Сибири сформировало хозяйственный уклад охотников и рыболовов, обеспечивавший стабильный продовольственный запас для проживания на долговременных поселениях. Неолитическая культура в бассейне р. Конды сложилась на местной мезолитической основе, что прослеживается в преемственности хозяйственного уклада, традиций обработки камня, домостроения и погребальной практики.

2. Начало неолитической эпохи в бассейне р. Конды маркировано появлением глиняной посуды в последней трети VII тыс. до н. э. В этот период на одной территории проживали группы населения, как освоившие керамическое производство, так и незнакомые с ним. Завершение неолита приходится на середину IV тыс. до н. э.

3. В развитии неолитической культуры выделено три периода – ранний, средний и поздний. Периодизация эпохи основана на изменениях традиций керамического производства, камнеобработки и домостроения.

4. Образ жизни неолитического населения бассейна р. Конды являлся неотъемлемой частью культурного пространства лесной зоны Западной Сибири, Зауралья и Восточной Европы. Со второй половины VII тыс. до н. э. распространяются традиции производства глиняной плоскодонной посуды с накольчатым орнаментом: в лесостепной зоне Западной Сибири – барабинская ранненеолитическая культура и боборыкинская АК (памятники оз. Мергень), в горно-лесном Зауралье – сатыгинский тип керамики, в бассейне р. Конды – мулымьинский КТП. С начала VI тыс. до н. э. в среднетаежной зоне Западной Сибири происходит переход на производство округлодонной посуды с волнисто-прочерченным и шагающе-гребенчатым орнаментом. Полагаем, что смена гончарной традиции не была связана с притоком нового населения. Во-первых, на фоне этих изменений наблюдается преемственность в камнеобработке (сохраняются и развиваются технологии изготовления сланцевых шлифованных орудий) и домостроении (двухкамерные полуземлянки). Во-вторых, прослеживается общая (эпохальная) тенденция на обширной территории лесной зоны Евразии. Еще один эпохальный тренд, воспринятый населением р. Конды, – смена волнисто-прочерченного орнаментального стиля на печатно-гребенчатый во второй половине V тыс. до н. э. Его распространение не отразилось на системе хозяйства и территории расселения, а также на традициях камнеобработки, домостроения и погребальной практики.

Научная новизна работы состоит в разработке культурно-хронологической схемы эпохи неолита Кондинского бассейна, базирующейся на мультидисциплинарных исследованиях материалов раскопок 2007–2020 гг. С современных позиций проводится критическая оценка источниковой базы, в научный оборот вводятся материалы раскопок 1980-х и 2000-х гг.

Личный вклад исследователя заключается в изучении 19 археологических коллекций, полученных при исследовании неолитических сооружений и горизонтов обитания на

памятниках БУм-2, 8, 9, 57, 100, 109, 142; Геологическое 7; Лемья 19.1; Усть-Тетер 1; Убья 3; Мулымья 3, 4; Шоушма 10; Сумпанья 4, 6; Леуши 7; Чилимка 5; Угловое 1. Автор принимала участие в раскопках неолитических памятников Усть-Тетер 1, Лемья 19.1, БУм-8 и 100, Убья 3, Мулымья 3 и 4, Угловое 1.

Основные положения работы *апробированы* в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях (Казань, 2014; Тверь, 2015; Аахен, 2017; Белокуриха, 2017; Ханты-Мансийск, 2019; Екатеринбург, 2020; Киль, 2021; Самара, 2022; Душанбе, 2022; Курган, 2022; Тверь, 2023; Самара, 2023). Материалы и положения диссертации отражены в статьях (6 из которых входят в перечень ВАК), коллективной монографии и тезисах конференций.

Научно-практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по древней истории региона, учебных пособий для средних школ и вузов, музейных выставок.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, текстовых приложений, таблиц и иллюстраций. Первая глава посвящена истории исследования эпохи неолита Зауралья и севера Западной Сибири. Во второй главе характеризуются источники по неолиту р. Конды, рассматривается хроностратиграфия неолитических комплексов. В третьей главе приведена культурно-хронологическая схема неолитической эпохи, раскрыто содержание ее периодов, высказано предположение об исторических связях и судьбах неолитического населения р. Конды. В заключении изложены основные выводы исследования. Приложения содержат характеристику проанализированных керамических комплексов, описание памятников с неолитическими холмами, таблицы и иллюстрации. Текстовая часть работы представлена в первом томе, приложения – во втором.

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность Н. М. Чаиркиной за чуткое научное руководство, Е. М. Беспрозованному за многолетнюю поддержку и помощь, за возможность использования в работе коллекции поселения Леуши 7. Приносим благодарность О. Н. Корочковой и Н. К. Стефановой за возможность работы с коллекциями и отчетами, хранящимися в фондах и архивах музея археологии УрФУ, М. Ю. Селяниной и А. Б. Агарковой – за возможность работы в фондах Сургутского краеведческого музея, С. Ф. Кокшарову и Т. Н. Собольниковой – за возможность использования материалов поселений Геологическое 7 и Чилимка 5, профессору Каномата – за проведение радиоуглеродного и изотопного анализов образцов поселения Мулымья 3, А. Я. Труфанова – за ценные методические консультации. Работа не состоялась бы как комплексное исследование без трасологических определений каменного инвентаря Е. Ю. Гири и технико-технологического анализа керамики, проведенного Е. Н. Дубовцевой. Важной частью археологического исследования является иллюстративный

ряд – карты, схемы, планы, фотографии и рисунки артефактов. Они выполнены В. А. Стещенко, Н. Р. Надоевой, А. Н. Тришкиной, С. В. Калугиной, А. В. Ермоловым, А. Я. Труфановым, Ю. С. Долгановой, Т. А. Горбуновой. Автор признательна А. А. Погодину за личную поддержку и помощь, за бесценный вклад в изучение и сохранение археологического наследия севера Западной Сибири.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Изучение эпохи неолита Кондинского бассейна длится более 40 лет. Географическая близость этого района к лесному Зауралью стала объективной причиной того, что на начальном этапе исследования систематизация неолитических древностей р. Конды проводилась по схеме развития зауральского неолита. Со временем стала очевидна, с одной стороны, региональная специфика кондинского неолита, а с другой – его включенность в общеисторические процессы урало-западносибирского региона. Актуальная на современном этапе разработка локальной культурно-хронологической схемы, помимо анализа источников, требует обращения к основным вехам историографии.

1.1. Историография неолита Зауралья и Западной Сибири

Исходными для формирования современных представлений о развитии неолитических культур Урало-Западносибирского региона были концепции В. Н. Чернецова [1968], О. Н. Бадера [1970], М. Ф. Косарева [1974]. Несмотря на то, что их концепции основывались на немногочисленных материалах, как правило нестратифицированных и недатированных комплексов, идеи о механизмах неолитизации и основных критериях периодизации эпохи стали определяющими на многие годы вперед.

В конце 1960-х гг. В. Н. Чернецов выделил три последовательные фазы в неолите Зауралья с ориентировочными хронологическими рамками: козловская, юрьинско-горбуновская и чэстыйгская [Чернецов, 1968. С. 40]. Основными критериями периодизации являлись изменения формы сосудов (постепенное утончение края) и способов их орнаментации (переход от отступающе-накольчатой к печатно-гребенчатой технике). Близость орнаментальных схем посуды козловской фазы и раннекельтеминарской культуры, а также присутствие наконечников стрел кельтеминарского типа на стоянках козловской фазы позволили В. Н. Чернецову говорить о сложении восточноуральского неолита в результате продвижения на север отдельных групп населения раннекельтеминарской культуры [Чернецов, 1968. С. 50–51]. Территория Западной Сибири определялась как ареал урало-сибирской этнокультурной общности, которая ассоциировалась с восточной или праугро-самоедской ветвью уральской (финноугро-самоедской) языковой семьи.

О. Н. Бадер предполагал автохтонный генезис уральского неолита [1970. С. 159]. Переход от мезолита к неолиту, согласно его концепции, происходил у первобытных уральцев под влиянием родственных им южных соседей, от которых была заимствована технология производства глиняной посуды. Вводя понятия «уральский неолит», О. Н. Бадер характеризовал две историко-культурные области: восточноуральскую (или обско-уральскую) и

западноуральскую (или камско-волжскую). В развитии восточноуральской неолитической области он выделял четыре этапа: козловский, полуденский, сосновоостровский и липчинский [Бадер, 1970. С. 158–159]. Содержание этапов принципиально не отличалось от предложенных В. Н. Чернецовым. Каменный инвентарь раннего этапа имел мезолитический (микролитовидный) облик, на последующих этапах сохраняется традиция изготовления орудий на ножевидных пластинах, широко применяется плоская ретушь и шлифовка. В орнаментации посуды на козловском этапе превалировала отступающе-накольчатая техника, на полуденском – волнисто-прочерченная, отступающе-накольчатая и гребенчатая, на сосновоостровском – шагающе-гребенчатая. Вопрос о происхождении гребенчатой орнаментации О. Н. Бадер считал открытым, преобладание ее на сосновоостровской посуде объяснял тесным общением с западноуральским населением и вероятным проникновением людей с Западного Урала, где была распространена гребенчатая керамика [Бадер, 1970. С. 163].

Гипотеза В. Н. Чернецова, по которой предки уральцев – выходцы из Приаралья и Прикаспия, продвинувшиеся еще в мезолите в сторону Урала и расселившиеся затем на запад и восток от Уральского хребта, получила дальнейшее развитие в концепции М. Ф. Косарева [1974]. Исследуя этногенез народов уральской языковой семьи, М. Ф. Косарев, прослеживал ретроспективную линию культурной преемственности от этнографической современности до эпохи неолита [Косарев, 1974. С. 147–160]. Для неолита Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин по особенностям орнаментации посуды он выделял по три культурных ареала: гребенчатый, гребенчато-ямочный и отступающе-накольчатый. Автохтонной на зауральско-западносибирской территории являлась отступающе-накольчатая орнаментальная традиция. С приближением к эпохе металла в этих «симметричных» этнокультурных областях происходила замена отступающе-накольчатой орнаментальной традиции гребенчатой и гребенчато-ямочной. Причинами, определявшими сходство этнокультурного развития Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин, по М. Ф. Косареву, были: 1) сходный генофонд заднесибирского и восточноевропейского населения, истоки которого уходили в мезолитическую эпоху; 2) сходство ландшафтно-климатических условий Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин [Косарев, 1991. С. 18].

Периодизационная схема, предложенная О. Н. Бадером, была уточнена в конце 1970-х гг. В. Ф. Старковым [1980]. Для корректировки хронологии эпохи он привлекал данные палинологии и радиоуглеродного датирования³. Ранний неолит (с конца V тыс. до н. э. до середины IV тыс. до н. э.) характеризовался распространением керамики с волнисто-накольчатым орнаментом и кремневым инвентарем микролитического облика. В развитом

³ В качестве «археологических реперов» для определения времени существования восточноуральской неолитической культуры в 1970-е гг. использовались некалиброванные значения трех ¹⁴C-дат (стоянка Стрелка и нижний слой 6-го разреза Горбуновского торфяника) [Старков, 1980. С. 190].

неолите, занимавшем всю вторую половину IV тыс. до н. э., преобладали керамические комплексы с волнисто-прочерченным орнаментом, в обработке камня увеличивается роль двусторонне обработанных орудий. В позднем неолите, в первой половине III тыс. до н. э., в декоре посуды распространяется гребенчатая орнаментация, в камнеобработке – двусторонне обработанные и шлифованные орудия [Старков, 1980. С. 79]. В. Ф. Старков подверг критике идею В. Н. Чернецова о формировании уральского неолита под влиянием кельтеминарской культуры. Обращая внимание на отсутствие в неолите Зауралья профилированных и ладьевидных форм и разный принцип заполнения орнаментального поля сосудов, он оспаривал тождество неолитической керамики лесного Зауралья и кельтеминарской культуры. В индустрии камня зауральского неолита, по В. Ф. Старкову, практически отсутствуют геометрические микролиты, а наконечники с боковой выемкой относятся к энеолитическому времени. Препятствием для синхронизации культур являлось и недостаточное количество радиоуглеродных дат, особенно для кельтеминарской культуры. В. Ф. Старков пришел к выводу о возможности возникновения лесного зауральского неолита на собственной основе, отличной от южноуральского и закаспийского мезолита [Старков, 1980. С. 18, 19]. С увеличением источников неолитоведения урало-западносибирского региона отчетливее проявлялась специфика культурного развития разных физико-географических районов: горно-лесного Зауралья и Тюменского Притоболья; севера (Кондинская и Среднеобская низменности, Нижнее Приобье) и юга Западной Сибири (Тоболо-Ишимье, Среднее Прииртышье).

В основу современных концепций *неолита Среднего Зауралья* [Выборнов и др., 2014; Мосин, 2016; Шорин, Шорина, 2020] легла двухстадийная схема, разработанная В. Т. Ковалевой в начале 1980-х гг. [Ковалева, 1989]. Схема основана на «параллельном развитии разнокультурных и разноэтнических традиций, отражающих сущность этнических, исторических и миграционных процессов» [Ковалева, Зырянова, 2008а. С. 94].

Аборигенная линия развития зауральского неолита, по мнению В. Т. Ковалевой [1989. С. 21–22], представлена козловской и полуденской культурами. Посуда козловской АК – округлодонная, с внутренними наплывами по краю, украшена от венчика до дна горизонтальными узорами. Преобладает прочерченно-накольчатая техника орнаментации, применение гребенчатого штампа эпизодично, печатно-штампованные узоры не характерны. Каменный инвентарь характеризовался наличием микропластин, ограниченным использованием ретуши, малочисленностью шлифованных орудий. Для определения хронологии козловской АК В. Т. Ковалева использовала ^{14}C -даты поселения Сумпанья 4⁴. Идея изготовления глиняной посуды и ранние приемы ее орнаментации, по мнению автора, были

⁴ Памятник, расположенный в бассейне р. Конды, был включен В. Т. Ковалевой в ареал козловской АК на основании типологического сходства посуды с прочерченным орнаментом.

заимствованы местным мезолитическим населением у населения южных областей [Ковалева, 1989. С. 17, 25]. С расширением источниковой базы и появлением датированных комплексов в Зауралье хронологическая позиция козловской АК и концепция ее генезиса были скорректированы: культура оформилась на основе местного мезолита под воздействием населения из южных областей Восточной Европы [Ковалева, Зырянова, 2007. С. 5], существовала во второй половине – конце VI – начале IV тыс. до н. э. [Ковалева, Зырянова, 2008в. С. 38]. В позднем неолите, в IV тыс. до н. э., козловскую АК сменяет полуденская АК. Камнеобработка этого периода характеризуется отсутствием мезолитических традиций, посуда – округло- и остродонными сосудами, орнаментированными преимущественно гребенчатыми штампами в технике прочерчивания и шагания [Ковалева, 1989. С. 46].

Миграционная линия развития зауральского неолита представлена кошкинской и боборыкинской культурами. В. Т. Ковалева связывала их генезис с притоком в лесное Зауралье населения из Прикаспия, Ближнего Востока и Кавказа [Ковалева, 1989. С. 37; Ковалева, Зырянова, 2008а. С. 94]. Для посуды кошкинской культуры, по В. Т. Ковалевой, характерны стадияльные (закрытые и прямостенные остродонные или округлодонные сосуды с линейно-волнистым орнаментом, выполненным в прочерченно-накольчатой технике) и этнокультурные (плоскодонные сосуды, венчики с карнизиком, частичная орнаментация, сочетание горизонтальной и вертикальной зональности, декорирование внутренней поверхности, сосуды без орнамента) признаки. Одним из признаков южного влияния на формирование кошкинской культуры является наличие техники орнаментации отступающей палочкой, распространенной в джангарской и орловской культурах Северного Прикаспия [Ковалева, 1989. С. 35; Ковалева, Зырянова, 2008а. С. 109]. Каменный инвентарь кошкинской АК архаичен, характеризуется пластинчатой индустрией [Шаманаев, 2001; Ковалева, Зырянова, 2008а. С. 94].

В позднем неолите в Зауралье и Казахстан, по мнению В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой [2007. С. 11], с территории Ближнего Востока и Кавказа через Среднюю Азию переселяются группы раннеземледельческого населения, что приводит к оформлению боборыкинской культуры. Признаком миграций является сохранение в боборыкинской культуре знаковых систем древних земледельцев. Посуда боборыкинской культуры – плоскодонные горшки с отогнутой шейкой, иногда с придонным валиком, реже – округло- и остродонные емкости. В орнаментации распространены прочерченный, нарезной, ямочный способы и прием «отступающей палочки». Некоторые сосуды боборыкинской культуры украшены вытяжными или налепными валиками с насечками или ямочными вдавлениями. Орнаментам свойственны геометризм, сложная структура композиций, горизонтальная и вертикальная зональность [Ковалева, Зырянова, 2016. С. 11–13]. Каменный инвентарь изготовлен из кремнистых пород серого и розового цвета, из черного сланца. Орудия выполнены на пластинах шириной 0,7–1,5

см и отщепах, распространены шлифованные изделия. Специфической категорией находок являются «утюжки» – изделия из глины или мягких пород камня овальной или ромбической формы, с плоским основанием и выпуклой спинкой с желобком посередине [Ковалева, Зырянова, 2007. С. 8]. Ближневосточный след в формировании боборыкинской культуры предполагает и В. Д. Викторова [2002. С. 84].

С расширением источниковой базы зауральского неолита были выделены локальные варианты культур – кокшаровско-юрьинский и евстюнихинский КТП козловской АК и басьяновский КТП боборыкинской АК [Шорин, 2001; Герасименко, 2008], уточнены хронологические позиции культурных образований [Выборнов и др., 2014; Шорин, Шорина, 2020]. Процесс неолитизации в Среднем и Южном Зауралье, согласно современным представлениям начавшийся с середины – третьей четверти VII тыс. до н. э., был скорее результатом культурной диффузии, чем массовых миграций. Технология производства глиняной посуды распространялась по цепочкам экзогамных браков или была принесена в результате инфильтраций небольших групп в местную мезолитическую среду [Шорин, Шорина, 2020. С. 50]. Возможным «источником» новации могло быть раннеолитическое население Волго-Уралья и / или Арало-Каспия [Выборнов и др., 2014. С. 45–46]. Применение историко-культурного подхода к изучению гончарства в сочетании с результатами радиоуглеродного датирования дало основания предполагать, что носители разных традиций керамического производства (в раннем неолите – кошкинской и козловской, в позднем – полуденской и боборыкинской) сосуществовали в одних социумах [Выборнов и др., 2014. С. 45–46; Мосин, 2016. С. 23] и / или взаимодействовали в рамках дуальной (родовой, фратриальной) организации общества [Шорин, Шорина, 2020. С. 51]. В период 5300–5200 кал. л. до н. э., когда происходила трансформация раннеолитических традиций в позднеолитические, сосуществовали все традиции. Исследователями предполагается генетическая преемственность кошкинской и басьяновско-боборыкинской традиций [Мосин, 2016. С. 21; Шорин, Шорина, 2020. С. 51]. Хронологические рамки раннего неолита Зауралья определены А. А. Выборновым, В. С. Мосиным и А. В. Епимаховым в интервале от 6210–5900 до 5300–5200 кал. л. до н. э., позднего – от 5300–5200 до 4450–3950 кал. л. до н. э. [Выборнов и др., 2014. С. 45–46]. А. А. Шорина и А. Ф. Шорин допускают удревнение нижней границы неолитической эпохи до 6600–6250 кал. л. до н. э. [Шорин, Шорина, 2020. С. 52; 2022. С. 11].

Схема развития неолита лесного Тоболо-Ишимья, разработанная В. А. Захом [2005; 2009; 2012; 2018], базировалась на гипотезе о существовании в Западной Сибири трех культурных общностей с различными орнаментальными традициями – отступающе-прочерченной, гребенчатой и гребенчато-ямочной [Зах, 2009. С. 262]. Формирование этих общностей, по В. А. Заху, происходило в неолите вместе с освоением керамического производства, навыки которого

были заимствованы аборигенами у мигрантов из Прикаспия и Приаралья. Причиной миграции явилось ухудшение экологической обстановки в VII тыс. до н. э. – глубокая аридизация климата, повлекшая регрессию Каспийского и Аральского морей. Переселение на север проходило по долинам рек Тобола, Тургая и Ишима либо по долине Урала, а затем по Тоболу. Группы мигрантов, охотников и рыболовов, принесли с собой ряд новаций: технологию керамического производства, строительство круглых углубленных жилищ, изготовление геометрических микролитов (вкладышей), каменных наконечников стрел и тростниковых древков к ним. Культура мигрировавшего населения определяется В. А. Захом как боборыкинская. Он выделяет в ней два этапа – боборыкинский и кошкинский. Посуда боборыкинского этапа плоскодонная и округлодонная, горшковидной, слабопрофилированной и баночной формы. Орнаментами из прочерченных линий (прямых, волнистых, зигзагов) и круглыми неглубокими ямками покрыта, как правило, верхняя треть емкостей. Для боборыкинских комплексов характерно наличие неорнаментированных сосудов. Аборигенное население, постепенно перенимая навыки изготовления глиняной посуды у мигрантов, генерировало собственные – гребенчатую и гребенчато-ямочную – орнаментальные традиции. На кошкинском этапе боборыкинской культуры, в процессе взаимодействия аборигенного населения с пришлым и ассимиляции последнего, происходят изменения форм сосудов (появляются округлые днища, по внутреннему краю формируются небольшие наплывы, по внешнему – карнизики) и орнаментов (увеличивается количество гребенчатых узоров). В более позднее – козловское и полуденковское время внутренние наплывы на сосудах становятся крупнее, а гребенчатые орнаменты постепенно начинают доминировать [Зах, 2012. С. 19]. Сериями радиоуглеродных дат поселений Мергень 3, 6–8 [Piezonka et al., 2020; Еньшин, 2020] время бытования боборыкинской АК определено VII тыс. до н. э. По мнению В. А. Заха и Д. Н. Еньшина, ареал комплексов с посудой боборыкинского облика от Нижнего Приишимья до Барабы и Приобья маркирует направление миграционного потока, приведшего к неолитизации местного населения [Зах, Еньшин, 2015]. По Д. Н. Еньшину, на раннем этапе боборыкинской АК, в первой половине VII тыс. до н. э., связи ранненеолитического населения Нижнего Приишимья с сопредельными территориями отсутствовали или были эпизодическими. Об этом свидетельствуют «чистые» (боборыкинские) керамические комплексы и доминирование местного каменного сырья. На позднем этапе боборыкинской АК, в конце VII тыс. до н. э., устанавливаются устойчивые связи местного населения с населением западных (Среднее Притоболье), юго-западных (верховья Ишима, Тоболо-Исетье) и северо-западных (подтаежная и таежная зоны) территорий. В это время появляются многокомпонентные (кошкинско-боборыкинские) керамические комплексы с синкретичными сосудами [Еньшин, 2021; 2022а; 2022б. С. 34–35]. Предложенная В. А. Захом и Д. Н. Еньшиным схема культурогенеза с

приоритетом боборыкинских древностей над кошкинскими, по мнению А. Ф. Шорина, не выглядит убедительной, требует дополнительного анализа источников [Шорин, 2020. С. 131].

Исследователи каменного века *Среднего Прииртышья* рассматривают появление и развитие неолитических культур с позиции конвергентности исторического процесса [Молодин и др., 2020; Бобров, 2020]. В Барабинской лесостепи выделена раннеолитическая барабинская культура (VII тыс. до н. э. с заходом в VIII и VI тыс. до н. э.) [Молодин и др., 2020]. Особенности раннеолитических памятников этого региона являются отсутствие в комплексах округлодонных сосудов, малочисленность посуды в жилищах, относительно большое количество каменного инвентаря, преемственность мезолитических традиций камнеобработки на микролитической основе, находки на поселениях так называемых «утюжков» [Бобров, 2020. С. 157–158]. Происхождение плоскодонной керамики в таежной и лесостепной зонах Западносибирской равнины в целом и барабинской АК в частности понимается как автохтонное явление, существовавшее на протяжении всего неолита. Некритичное использование понятия «боборыкинская АК» для обозначения культурных явлений раннего неолита, по мнению В. И. Молодина, некорректно, так как искажает суть исторического процесса [Молодин и др., 2020. С. 80–81]. Поздний неолит Среднего Прииртышья характеризуется материалами памятников артынской АК, бытовавшей во второй половине V тыс. до н. э. [Бобров и др., 2017]. Посуда артынского типа округло- и остродонная, украшена орнаментами из простых волнистых узоров, выполненных в отступающе-накольчато-прочерченной технике, и ямок. В индустрии камня преобладает техника расщепления, развита шлифовка для изготовления проколов, топоров, ножей. Формирование и бытование артынской АК, как предполагает В. В. Бобров и его коллеги, зависели не только от процессов внутреннего развития, но и от активного взаимодействия с другими общностями. Отражением северо-западного вектора культурных контактов населения Среднего Прииртышья в позднем неолите является типологическое сходство элементов домостроения и производства посуды артынской АК и быстринской АК Сургутского Приобья [Бобров и др., 2017].

Проблемы периодизации *неолита севера Западной Сибири* в разные годы рассматривались в работах Ю. П. Чемякина [2008; 2011], Л. Л. Косинской [2006; 2014], Е. Н. Дубовцевой [2015; 2021]. По памятникам Сургутского Приобья Ю. П. Чемякиным предложено выделение трех этапов неолита. Ранний этап характеризовался памятниками быстринского типа с тонкостенной керамикой, покрытой волнисто-прочерченным орнаментом, и памятниками каюковского типа с плоскодонной посудой, декорированной в основном отступающей палочкой [Чемякин, 2008. С. 9–15]. Средний неолит – памятниками барсовогорского типа с посудой, украшенной в техниках прочерчивания, отступания и шагания. Ранние барсовогорские памятники рассматривались Ю. П. Чемякиным в контексте полуденской культурно-

исторической общности. Для комплексов «гребенчатой» керамики урочища Барсова Гора в Сургутском Приобье, имеющих поздненеолитический, по мнению Ю. П. Чемякина, возраст, предполагалась связь с памятниками типа Ет-то I на Надым-Пуровском водоразделе, хуторской АК в Прикамье и сосновоостровской АК в Нижнем Притоболье [Чемякин, 2008. С. 19–22].

Разработка культурно-хронологической схемы *неолита севера Западной Сибири* с конца 1990-х гг. проводилась Л. Л. Косинской и была завершена к началу 2020-х гг. в соавторстве с Е. Н. Дубовцевой. К древнему хронологическому пласту северо-таежного неолита Л. Л. Косинская относила памятники амнинского, каюковского, еттовского типов и сумпаньинскую АК, к более позднему – памятники быстринской АК и материалы поселения Чэс-Тый-Яг [Косинская, 2006]. В 2014 г. эта схема была уточнена, в раннем этапе выделены два периода. Наличие в керамических комплексах гребенчатого стиля орнаментации «как самостоятельно, так и в сочетании с инокультурным компонентом – прочерченно-накольчатый» дало основания автору считать наиболее ранними комплексами севера Западной Сибири еттовские, расположенные в Надым-Пуровском междуречье [Косинская, 2014. С. 35]. Л. Л. Косинская не определяет однозначно истоки гребенчатой орнаментальной традиции, но указывает на существование ранних гребенчатых комплексов на Алтае (горизонты VII и VI поселения Тыткескень-2) и в бассейне р. Лены (керамика усть-каренгской культуры, имеющая позднеплейстоценовые даты) [Косинская, 2014. С. 38].

В 2015 г. в рамках историко-культурного подхода Е. Н. Дубовцева предложила выделить в неолите таежной зоны Западной Сибири четыре традиции керамического производства [Дубовцева, 2015б]. Для первой традиции характерна толстостенная плоско- и округлодонная посуда, изготовленная жгутовым налепом на плоскости, украшенная прочерченными и накольчатыми мотивами в сочетании с оттисками гребенчатого штампа. В бассейне р. Конды первая традиция представлена посудой поселений Шоушма 10 и БУМ-8, в Северном Зауралье – керамикой сатыгинского типа Усть-Вагильского холма и поселения Нижнее озеро 3, в Сургутском Приобье – керамикой памятников каюковского типа и поселений Барсова Гора II/9, в Нижнем Приобье – керамикой амнинского типа. Вторая традиция, выделенная на материалах поселения Ет-то I (Надым-Пуровский водораздел), представлена толстостенной округло- и остродонной посудой с наплывом под венчиком. Сосуды изготовлены на плоскости ленточным и лоскутным налепом, орнаментированы длинным гребенчатым штампом в технике штампования и шагания. Третья традиция представлена тонкостенными сосудами, изготовленными на формах-моделях. Емкости полуяйцевидные, ладьевидные, миниатюрные чашевидные с округлым и приостренным дном. В декоре преобладают прочерченные узоры, которые часто сочетаются с наколами, отступанием, шаганием гребенчатым или гладким штампом. Для орнаментации использовались естественные и шнуровые орнаменты.

Характерны декоративные налесты на венчиках. Третья традиция представлена керамикой быстринской АК Сургутского Приобья, чэстыйягского типа бассейна р. Северной Сосьвы, 2-й ДМГ и чилимкинського типа Кондинского бассейна. Четвертая традиция рассматривается как результат смешения второй и третьей традиций. В бассейне р. Конды к ней отнесена посуда сумпаньинской АК, в Сургутском Приобье – барсовогорские и большеларьякские древности.

В 2021 г., сопоставляя керамические традиции с данными ^{14}C -датирования, Л. Л. Косинская и Е. Н. Дубовцева выделили три этапа в неолите севера Западной Сибири. В раннем неолите (6500/6200–5500/5300 кал. л. до н. э.) распространены памятники с первой и второй керамическими традициями; в среднем неолите (5500/5300–4600/4400 кал. л. до н. э.) появляются комплексы с керамикой третьей традиции и с посудой смешанного облика; в позднем неолите (4600/4400–3800/3700 кал. л. до н. э.) процессы смешения доминируют, но состав компонентов и степень их интеграции различаются в каждом культурном типе. На всем протяжении неолита отмечается как существование керамических традиций в «чистом» виде, так и результаты их взаимодействия – «гибридные» комплексы [Дубовцева, Косинская, 2021].

Происхождение неолитических культур севера Западной Сибири объяснялось исследователями как следствие миграций [Васильев, 1987; Глушков, Соболяникова, 1999; Ивасько, 2002; 2008] или культурной диффузии [Косинская, 1997; 2013; Дубовцева, 2021; Чаиркина, Пиецонка, 2021]. Е. А. Васильев, И. Г. Глушков и Т. Н. Соболяникова связывали появление комплексов с тонкостенной волнисто-прочерченной посудой типа Чэс-Тый-Яг и Чилимка 5 с миграциями в таежную зону населения кельтеминарской культуры [Васильев, 1987; Глушков, Соболяникова, 1999]. Л. В. Ивасько предполагала оформление каюковской АК в результате переселения в таежную зону мигрантов из земледельческих регионов Причерноморья и Прикаспия [Ивасько, 2002. С. 24]. Е. Н. Дубовцева объясняет оформление первых трех традиций керамического производства севера Западной Сибири заимствованием технологии с других территорий. Вероятным направлением культурных контактов в раннем и среднем неолите было восточное и юго-восточное: по Оби и Иртышу прослеживается «цепь» поселений раннего неолита с плоскодонной керамикой. Наиболее южными из них являются неолитические комплексы Барабы, а северными – памятники Нижнего Приобья (Амня I, Сартынья I). Этим же путем в среднем неолите проникали в таежную зону Западной Сибири и носители третьей традиции керамического производства [Дубовцева, 2021. С. 200]. Ряд общих черт между керамикой раннего этапа волго-камской АК Прикамья [Лычагина, 2013. С. 54–55], Европейского Северо-Востока [Карманов, 2012] и ранней керамикой Нижнего Приобья и Северного Зауралья, по мнению Е. Н. Дубовцевой, может указывать и на западный вектор «проникновения» такой посуды на территорию севера Западной Сибири [Дубовцева, 2021. С. 200]. Благоприятные климатические условия, сбалансированный и, вероятно, достаточный

объем экологических ресурсов, сложившиеся в раннем неолите региона, в начале атлантического периода голоцена, а также слабая заселенность территории, по мнению Н. М. Чаиркиной и Х. Пиецонки, сделали возможным проникновение в регион новых групп населения, привнесших ряд инноваций – строительство укрепленных поселений со сложной планировкой и традицию изготовления глиняной посуды [Чаиркина, Пиецонка, 2021. С. 12]. Неотъемлемым условием процесса неолитизации был уровень развития хозяйства, при котором рыболовство становится «равноправной с охотой отраслью комплексного хозяйства». Только при этом условии в таежных обществах могла возникнуть готовность восприятия новой технологии – производства керамики [Косинская, 1997. С. 24]. Не отрицая возможности массовых миграций, происходивших в эпоху мезолита, Л. Л. Косинская предполагает, что технология производства глиняной посуды передавалась по «принципу домино» из Средней Азии через Казахстан, Алтай и Верхнее Приобье в Среднее и Нижнее Приобье. Пути коммуникаций и распространения новации были реки Тобол, Иртыш, Обь [Косинская, 1997. С. 18]. Аргументами в пользу того, что в раннем неолите севера Западной Сибири не происходила «смена населения за счет вытеснения или полной ассимиляции аборигенов», являются преемственность мезолитических традиций камнеобработки и отличия каменного инвентаря таежного неолита от степных микролитовидных пластинчатых индустрий с геометрическими микролитами и отсутствием шлифованных орудий.

Подводя итоги обзора историографии неолита Зауралья и Западной Сибири, отметим основные концепции неолитизации региона и подходы к периодизации эпохи. Неолитизация понимается как появление и распространение керамики в среде таежного населения, хозяйственный уклад которого основан на охоте и рыболовстве. Технология керамического производства была принесена мигрантами и распространялась в результате их взаимодействия с местным населением [Чернецов, 1968; Ковалева, 1989; Зах, 2009], являлась результатом конвергентного развития [Старков, 1980; Молодин и др., 2020] или культурной диффузии [Бадер, 1970; Косинская, 2002; Выборнов и др., 2014; Шорин, Шорина, 2020; Дубовцева, 2021; Чаиркина, Пиецонка, 2021]. Предполагаемые «носители» новой технологии – население кошкинской [Ковалева, Зырянова, 2008а] или боборыкинской культур [Зах, 2009]. Исходными ареалами распространения гончарной технологии на север, по мнению ряда исследователей, являются регионы Прикаспия и Приаралья [Ковалева, Зырянова, 2009; Зах, 2009; Выборнов и др., 2014], Барабинской лесостепи [Дубовцева, 2021. С. 200].

Для периодизации эпохи неолита Зауралья и севера Западной Сибири в разное время предлагались трех- и двухчленные схемы. Выделение периодов базировалось преимущественно на изменениях облика посуды (наличие / отсутствие внутренних напылов, увеличение в декоре доли гребенчатых орнаментов [Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Старков, 1980; Ковалева, 1989; Зах,

2012]) или в традициях керамического производства [Дубовцева, Косинская, 2021]. Объективной причиной ограниченного использования или отсутствия характеристик каменного инвентаря для периодизации неолита Среднего Зауралья выступает специфика археологических памятников. В разные периоды каменного века для поселений выбирались одни и те же места. В связи с тем, что накопление материальных остатков происходило в незначительном по мощности культурном слое, стратиграфическое и типологическое разделение каменного инвентаря и других категорий находок разных периодов заселения зачастую невозможно. Особенность неолитических памятников севера Западной Сибири – наличие жилищных комплексов, как однослойных, так и стратифицированных многослойных. Это существенно расширяет возможности исследователей в характеристике культурных образований, выделенных по типологии керамики [Косинская, 2006].

Дискуссионным вопросом неолитоведения Зауралья является хронологическая позиция боборыкинских древностей [Зах, 2009; Ковалева, Зырянова, 2010; Еньшин, 2020; Шорин, 2020]. Практически все неолитические комплексы с плоскодонной посудой, исследованные в Зауралье и Западной Сибири в конце XX – начале XXI в., в той или иной мере рассматривались через призму боборыкинской проблематики – Амня 1 [Морозов, Стефанов, 1993], Геологическое 16 [Кокшаров, Зырянова, 2011], Нижнее озеро 3 [Чаиркина, Дубовцева, 2016]; Усть-Вагильский холм [Панина, 2011], Автодром 2/2 [Бобров и др., 2012]. С накоплением радиоуглеродных дат многие из них были отнесены к раннему неолиту [Piezonka et al., 2020]. Наличие комплексов с поздними датами (Геологическое 16, Автодром 2/2) объясняется длительностью существования традиции изготовления плоскодонной посуды либо несовершенством / погрешностью методов датирования [Дубовцева, 2015а; Бобров, 2020; Молодин и др., 2020; Шорин, 2020].

В последние десятилетия наблюдается тенденция отхода от линейной схемы развития, предполагается возможность сосуществования в определенный хронологический период нескольких традиций керамического производства [Мосин, 2016. С. 22; Шорин, Шорина, 2020. С. 51; Дубовцева, Косинская, 2021].

1.2. История изучения неолитических древностей р. Конды

Систематичное изучение археологического наследия Кондинского бассейна началось со второй половины 1960-х гг. Ведущая роль в нем принадлежала экспедициям ЛОИА АН СССР, УрГУ, ТГПИ, ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». С конца 1970-х по 1990-е гг. были открыты и исследованы первые неолитические памятники, заложены основы культурно-хронологической схемы региона. С 2000-х гг. произошло кратное увеличение источников, исследованных по единой методике и обеспеченных радиоуглеродными датами. Основными направлениями в исследовании неолитических древностей р. Конды сегодня являются их систематизация и

разработка актуальной культурно-хронологической схемы. Условно историю исследования региона можно разделить на два этапа.

Первый этап: конец 1970-х гг. – первая половина первого десятилетия 2000-х гг.

Началом изучения неолита р. Конды по праву считаются раскопки поселений на р. Сумпанье в начале 1980-х гг. экспедициями ЛОИА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина и Л. Я. Крижевской. С 1978 по 1986 г. на поселениях Сумпанья 2, 4 и 6 изучены котлованы трех углубленных построек, получены коллекции керамики и каменного инвентаря, радиоуглеродные даты, выделены *сумпаньинский, кошкинский и сатыгинский* типы керамики.

В 1985 г. Е. М. Беспрозванный исследовал поселение Леуши 7 [Беспрозванный, 1986], в керамическом комплексе которого Е. А. Гаджиева выделила три группы посуды – сумпаньинского, кошкинского и *немнёлского* типов, сделала вывод об одинаковых условиях залегания фрагментов разнотипной посуды [Гаджиева, 1993. С. 67–71].

В 1987 и 1988 гг. С. Ф. Кокшаров на поселении Геологическое 7 изучил котлованы двух жилищ [Кокшаров, 1988; 2009]. Первое жилище было включено в сумпаньинскую группу памятников. Часть посуды, предположительно из верхнего заполнения котлована, определена как немнёлская [Гаджиева, 1993]. Хронологическая позиция второго жилища, содержавшего сосуда с печатно-гребенчатым орнаментом, изначально определялась как поздненеолитическая [Гаджиева, Кокшаров, 1989. С. 144], впоследствии – как энеолитическая. Посуда из него отнесена к *ушьянскому* типу [Кокшаров, 2009. С. 53].

В 1993 г. Е. М. Беспрозванным на многослойном поселении Еныя 12 получена коллекция неолитической посуды, соотнесенная позднее с немнёлским типом [Стефанов и др., 2005]. Исследователями выделено четыре морфологических типа и шесть орнаментальных групп посуды, прослежены взаимосвязанные группы признаков. На основании типологии и аналогий в материалах поселений Леуши 7 и Геологическое 7 предполагалась принадлежность посуды немнёлского типа одному жилищному комплексу [Стефанов и др., 2005. С. 54–65].

В 1987 и 1988 гг. Л. Н. Сладкова, Е. Г. Фильчаков и И. Г. Глушков исследовали неолитические поселения в среднем (Чёртова Гора [Сладкова, 1989; 2008], Канда [Фильчаков, 1989]) и нижнем (Чилимка 5 [Глушков, 1989]) течении р. Конды. По материалам этих памятников Т. Н. Собољникова предложила выделение *кошкинско-боборыкинской* и *чилимкинской традиций керамического производства* [Собољникова, 1998]. В соавторстве с И. Г. Глушковым она высказала предположение о том, что районы верхнего и среднего течения р. Конды в своем развитии тяготели к зауральскому неолиту, в то время как население низовий ориентировалось на южные контакты, в том числе с кельтеминарской культурой. Отмечалась мозаичность неолитических культур Зауралья, связанная с сосуществованием и развитием всех приемов орнаментации на протяжении всего неолита и наличием ряда путей, обеспечивающих

связи Урала в различных направлениях [Глушков, Соболюкова, 1999. С. 120, 121].

В 1993 г. Е. А. Гаджиева защитила кандидатскую диссертацию «Неолит бассейна р. Конды» [1993]. Это исследование стало первым обобщающим трудом по неолиту региона. Для систематизации неолитических древностей она объединила известные к тому времени памятники в три группы – сумпаньинскую, кошкинскую и немнёлскую. Сопоставив их с неолитическими древностями Зауралья, пришла к выводу о неоднородности восточноуральской неолитической культуры и самобытности неолита р. Конды, ранний период которого характеризовался сумпаньинскими памятниками. Вопрос о позднем периоде остался открытым из-за неопределенности хронологической позиции кошкинских и немнёлских памятников [Гаджиева, 1993. С. 86, 87].

В 2001–2003 гг. С. Ф. Кокшаров на поселении Геологическое 16 исследовал два неолитических комплекса. Керамика из раскопа III отнесена к кошкинскому типу, а жилище из раскопа IV – к *боборыкинской АК* [Кокшаров, Зырянова, 2011].

Таким образом, к началу XXI в. по материалам десяти памятников было выделено несколько типов керамики (сумпаньинский, кошкинский, сатыгинский, немнёлский, боборыкинский, чилимкинский) и археологическая культура (сумпаньинская). Рассмотрим источниковую базу выделения и культурно-хронологическую интерпретацию этих классификационных единиц.

Сумпаньинская археологическая культура. По результатам раскопок неолитического жилища на поселении Сумпанья 2 Л. П. Хлобыстин предложил выделить сумпаньинский тип керамики: «На полу найдены каменные орудия и круглодонные горшки, украшенные прочерченными волнистыми линиями, сочетающимися с отрисками шагающей гребенки (условно, сумпаньинский тип керамики)» [Хлобыстин, 1981б. С. 219]. Материалы этого памятника, эпонимного для сумпаньинской АК, кратко представлены в «Археологических открытиях». В 1984 г. опубликованы результаты изучения в 1966, 1978 и 1980 гг. неолитического жилища поселения Сумпанья 4 [Ковалева и др., 1984]. Материалы из раскопа, заложенного в 1984 г. за пределами котлована, в статье представлены не были, хотя они явно составляют единый комплекс. По технике орнаментации керамический комплекс разделен на два компонента: «с прочерченно-накольчатым орнаментом – около 70 % и гребенчато-прочерченным – около 30 %» [Ковалева и др., 1984. С. 37]. Отмечены общие признаки керамики Сумпанья 4 с посудой зауральских памятников Евстюниха, Ташково I и Махтыли козловской культуры раннего неолита. Нахождение в одном жилище керамики с двойной орнаментацией (сумпаньинского типа) с керамикой, крашенной прочерченными узорами, объяснялось сосуществованием прочерченной и гребенчатой орнаментальных традиций в рамках одной эпохи. Хронологическая позиция поселения Сумпанья 4 определялась первой

половиной V тыс. до н. э. [Ковалева и др., 1984. С. 38, 39]. В 1991 г. Л. Я. Крижевская и Е. А. Гаджиева, вводя в научный оборот материалы поселения Сумпанья 6, аргументировали обособление неолитических древностей р. Конды от материалов Среднего Зауралья. Обращалось внимание на несовпадение ареалов козловской АК и памятников сумпаньинской группы, подчеркивались различия в морфологии и орнаментации посуды этих культурных образований. Ареал сумпаньинских памятников был ограничен с севера бассейном р. Северной Сосьвы (поселение Чэс-Тый-Яг), с запада и юга – бассейном р. Тавды. Для козловской культуры характерны сосуды, орнаментированные преимущественно незубчатыми инструментами, в то время как сумпаньинская посуда декорирована зубчатыми и незубчатыми орнаментами [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 97–98]. Авторы констатировали, что в «восточноуральской культурной области намечаются более дробные социальные образования, отвечающие понятию “археологическая культура”», сумпаньинские памятники должны рассматриваться как «единое культурное образование – сумпаньинское» [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 99]. В диссертационной работе Е. А. Гаджиева оперировала таксонами «группа памятников с сумпаньинским типом керамики» либо «памятники сумпаньинской группы» [Гаджиева, 1993. С. 5]. Она отмечала неоднородность памятников внутри сумпаньинской группы: отличительные черты керамики поселения Геологическое 7 (более тонкостенные сосуды без внутренних наплывов и с поясками ямок под венчиком) в большей степени проявляются на поселении Чэс-Тый-Яг [Гаджиева, 1993. С. 81].

В 1997 г. Л. Л. Косинская приводит характеристику сумпаньинской АК с уточнением ареала, признаков керамики и каменного инвентаря. Культура распространена в бассейнах рек Конды и Верхней Тавды. Поселение Чэс-Тый-Яг рассматривалось Л. Л. Косинской как самостоятельное культурное образование. Время существования сумпаньинской АК определялось V тыс. до н. э. Посуда сумпаньинского типа – сосуды полуяйцевидной формы со слабовыраженным внутренним наплывом по венчику. Их поверхность залощена, покрыта узорами из прочерченных линий и шагающей (реже штампованной) гребенки. Характерен ряд ямок или сквозных проколов под венчиком, вертикальное членение орнаментального поля, выступы – «ушки» на венчике. Л. Л. Косинская отказалась от деления керамики из жилищ на группы с «прочерченной» и «двойной – прочерченной и шагающе-гребенчатой» орнаментацией. Каменный инвентарь сумпаньинской АК характеризовался малочисленностью кремневых изделий, преобладанием шлифованных орудий – рубящих, наконечников стрел, ножей [Косинская, 1997. С. 15], наличием изделий из пластин [Косинская, 2006. С. 20].

В разработке актуальной культурно-хронологической схемы неолита Кондинского бассейна понятие «сумпаньинская АК» не использовано. Введение классификационного таксона более высокого ранга – «археологическая культура» – для памятников,

охарактеризованных Е. А. Гаджиевой как *«группа памятников»*, было преждевременным: в количественном отношении и качественном содержании источников к 1990-х гг., когда произошло переименование их в АК, существенных пополнений и изменений не было. Для унификации понятий в данной работе использован термин «КТП».

Сатыгинский тип керамики и боборыкинская АК. Понятие «сатыгинский тип» введено Л. П. Хлобыстиным в 1984 г. для обозначения своеобразной ямчато-валиковой посуды, найденной при раскопках поселений Сумпанья 2, 3, 4 и 6. Обломки плоскодонных сосудов залегали в переотложенном состоянии, в заполнении и за пределами неолитических котлованов вместе с посудой сумпаньинского типа. Л. П. Хлобыстин отнес сатыгинский тип керамики к эпохе бронзы и датировал его первой половиной – серединой II тыс. до н. э. [Хлобыстин, 1985. С. 6–7; 1993. С. 34–35]. Предложенная Л. П. Хлобыстиным культурно-хронологическая позиция сатыгинского типа не была поддержана исследователями. По мнению В. Т. Ковалевой, часть посуды из верхних слоев раскопа 1980 г. Сумпанья 4 принадлежала боборыкинской АК позднего неолита [Ковалева и др., 1984. С. 39], выделение сатыгинского типа не было обосновано и произошло в условиях недостаточной изученности на тот момент боборыкинской культуры [Ковалева, Зырянова, 2008б. С. 144]. Идея Л. Л. Косинской о ранне неолитическом возрасте сатыгинских древностей [Косинская, 2001. С. 70] получила развитие в связи с исследованиями в Северном Зауралье ранне неолитических памятников – поселения Нижнее озеро 3 и святилища Усть-Вагильский холм. По характерным признакам – валикам, рассеченным наколами, и отступающе-накольчатой орнаментации – часть посуды этих памятников была отнесена исследователями к сатыгинскому типу. На основании радиоуглеродных дат комплексы с сатыгинским типом керамики отнесены к раннему неолиту [Чаиркина и др., 2009. С. 174; Панина, 2011. С. 246; Чаиркина, Дубовцева, 2016]. В настоящее время понятие *«сатыгинский тип керамики»* принято исследователями для характеристики ранне неолитических древностей Северного Зауралья [Piezonka et al., 2020]. На территории Кондинского бассейна сатыгинский тип керамики рассматривался в контексте боборыкинской АК [Ковалева, Зырянова, 2010. С. 194–195]. К ней был отнесен единственный жилищный комплекс (Геологическое 16) с посудой, обладающей признаками сатыгинского, по Л. П. Хлобыстину, типа. Поздне неолитический возраст этого жилища подтвержден радиоуглеродным датированием [Кокшаров, Зырянова, 2011]. В процессе систематизации неолитических древностей понятие «сатыгинский тип» керамики нами сохранено для описания материалов поселений р. Сумпанья. Однако его использование для характеристики определенного хронологического периода не представляется эффективным из-за спорной культурно-хронологической позиции и отсутствия надежного археологического контекста.

Соотнесение кондинских материалов с *кошкинским типом керамики* впервые произошло

в начале 1980-х гг. Плоскодонную посуду с накольчатым орнаментом поселений Сумпанья 2 и 3 Л. П. Хлобыстин характеризовал как кошкинскую. По стратиграфическим наблюдениям предполагалось, что она имеет более древний возраст, чем посуда сумпаньинского типа [Хлобыстин, 1981а. С. 5, 8]. Впоследствии «кошkinsкая» керамика Сумпанья 2 была отнесена к сатыгинскому типу [Хлобыстин, 1985. С. 6, 7]. Посуда кошkinsкого типа, собранная на многослойном поселении Сумпанья 3, в заполнении ям и канав, а также в разрушенных и переотложенных слоях, характеризовалась Л. Я. Крижевской как достаточно единообразная: плоскодонная, банкообразной формы, с внутренним наплывом по краю, с толщиной стенок 0,8–0,9 см и красноватым цветом поверхности. Сосуды украшены от венчика до дна горизонтальными узорами из прямых и волнистых прочерченных линий, поясков ямок, поясов «отступающей палочки». Единичны вертикальные узоры – «двойной ряд вертикально стоящих ямок». Специфическими признаками, отличавшими кошkinsкую посуду Сумпанья 3 от более южной керамики этого типа, Л. Я. Крижевская считала «прямость и волнистость венчика» [Крижевская, 1986. С. 10–13], а Е. А. Гаджиева – отсутствие округло- и остродонных емкостей, высокую долю накольчатой техники орнаментации. В группу памятников кошkinsкого типа Е. А. Гаджиева включала поселения Сумпанья 3, Леуши 1 и 7. Для характеристики каменного инвентаря использована коллекция Сумпанья 3, содержащая изделия из массивных пластин серо-зеленого и серого кремня (в том числе острия, концевые скребки, сверла), шлифованные тесло и наконечник, абразивы [Гаджиева, 1993. С. 64, 192, рис. 52 – 4, 7].

С конца 1990-х гг. кондинские материалы использовались в полемике о генезисе кошkinsкой АК. И. Г. Глушков, изучив материалы поселений Чёртова Гора и Канда, поддержал точку зрения В. А. Заха о происхождении посуды кошkinsкого типа в результате синтеза пришлой (боборыкинской) и местной (сосновоостровской, по В. А. Заху, и полуденской, по И. Г. Глушкову) традиций. Посуду из жилища (объект 1) поселения Чёртова Гора он подразделил по орнаментальным признакам на три группы. Во всех группах присутствовали как плоскодонные, так и округлодонные сосуды. В первой группе они были покрыты сплошным печатно- и шагающе-гребенчатым декором; во второй – узорами из прямых и волнистых линий, нанесенных в прочерченной и отступающей техниках; в третьей группе сосуды украшены, как правило, только в верхней части разреженным орнаментом из двойных или тройных волнистых линий, сетки, лесенки, вертикальных зигзагов и волны. Присутствие этих групп в одном жилище интерпретировалось И. Г. Глушковым как отражение процесса взаимодействия двух культурных традиций – местной, гребенчатой (первая группа), и пришлой, боборыкинской (третья группа). Посуда второй группы имела переходный характер и определялась как кошkinsкая. И. Г. Глушков, отмечая отсутствие выраженных типологических характеристик у кошkinsкой посуды, считал ее «содержательно аморфной и

несамостоятельной по отношению к накольчато-«отступающей» и боборыкинской». Применение «расплывчатого» термина «кошкинская группа», по его мнению, было бы более приемлемо для обозначения подобной керамики [Глушков, 1998]. Посуда поселения Канда, представленная округло- и остродонными сосудами с прочерченным, отступающе-накольчатым, шагающе-гребенчатым декором, определялась И. Г. Глушковым и Т. Н. Собольниковой как полуденская. Разреженность орнаментов и ряды наколов по венчику, по их мнению, вызывали кошкинские ассоциации [Глушков, Собошникова, 1999. С. 109].

В. Т. Ковалева считает необоснованной культурно-генетическую схему И. Г. Глушкова. Посуда из нижнего слоя поселения Сумпанья 3 охарактеризована В. Т. Ковалевой как «типично кошкинская», отмечена ее близость по всем признакам среднезауральской посуде и комплексам орловской культуры с накольчатой керамикой. Распространение посуды кошкинского типа на р. Конде объясняется миграцией населения из Среднего Зауралья [Ковалева, 2008]. Своеобразие «северного кошкино» объяснялось Е. А. Гаджиевой и В. Т. Ковалевой более поздним возрастом относительно кошкинской АК Среднего Зауралья, его бытование предполагалось в IV тыс. до н. э. [Гаджиева, 1993. С. 76] или на рубеже V–IV тыс. до н. э. [Ковалева, 2008. С. 133]. И. Г. Глушков, предполагая хронологический приоритет боборыкинской АК, считал памятники кошкинской группы более молодыми или синхронными ей [Глушков, 1998]. Е. Н. Дубовцева, ориентируясь на ^{14}C -даты по керамике Сумпанья 3 (табл. 2: № 79–81), отнесла кошкинский тип посуды на р. Конде ко второй четверти IV тыс. до н. э. [Дубовцева, 2011. С. 237].

Оценивая приемлемость понятия «кошкинский тип» для построения культурно-хронологической схемы неолита р. Конды, необходимо отметить отсутствие датированных комплексов с надежным контекстом: выделение керамики кошкинского типа на р. Конде проводилось по материалам многослойных памятников Сумпанья 3, Чёртова Гора, Канда, Леуши 1. Считаем уместным замечание И. Г. Глушкова о размытости типологических характеристик кошкинской керамики. Ее следствием является отнесение посуды с одинаковыми признаками к разным типам. В качестве примера предлагаем сравнение сосудов кошкинского типа из раскопа III поселения Геологическое 16 [Кокшаров, Зырянова, 2011. С. 187, рис. 2 – 1, 2] и немнёлского типа поселения Еныя 12 [Стефанов и др., 2005. С. 57, рис. 6 – 1, 3]. Керамический комплекс поселения Канда был определен И. Г. Глушковым и Т. Н. Собольниковой как полуденский с кошкинскими ассоциациями [Глушков, Собошникова, 1999. С. 109], В. Т. Ковалевой – однозначно отнесен к кошкинской АК [Ковалева, 2008. С. 128], по мнению Л. Л. Косинской, соответствует посуде немнёлского типа [Косинская, 2006. С. 21]. Спорным, на наш взгляд, является отнесение кошкинской группы памятников к концу неолита только на основании радиоуглеродных дат: на поселениях Леуши 7 и Канда посуда кошкинского типа залегала в одинаковых условиях с посудой сумпаньинского типа [Гаджиева,

1993. С. 73, 74; Ковалева, 2008. С. 128]. Наличие в облике кошкинской керамики амнинских параллелей [Косинская, 2006. С. 21], вероятно, является признаком ее раннего возраста. Качество и количество источников не позволяет охарактеризовать жилища, каменный инвентарь, а порой и керамику кошкинских комплексов. Их хронологическая позиция требует верификации. Понятие «кошкинский тип керамики» для систематизации неолитических древностей в данной работе не применялось.

Немнёлский тип керамики выделен Е. А. Гаджиевой по материалам поселения Леуши 7. Посуда этого типа встречена в верхнем заполнении жилища 1 поселения Геологическое 7, на памятниках, известных по разведкам [Гаджиева, 1993. С. 122; табл. 1], на многослойном поселении Еныя 12 [Стефанов и др., 2005]. Для керамики немнёлского типа характерно разнообразие форм, орнаментальных схем и техник. На поселениях Леуши 7 и Геологическое 7 емкости округлодонные, единичны остродонные, на поселении Еныя 12 есть плоскодонные сосуды. Посуда покрыта оттисками длинных гребенчатых и гладких штампов в технике штампования и шагания, волнистыми линиями в технике прочерчивания и отступания, а также наколами. Значительная часть посуды не орнаментирована. По материалам поселения Еныя 12 было сделано заключение, что «устойчивой корреляции между морфологическими, технологическими и орнаментальными признаками не наблюдается. Во многом совпадает набор орнаментальных групп, встречаются сосуды с сочетанием различных технических приемов декорирования» [Стефанов и др., 2005. С. 64]. Присутствие в немнёлской посуде признаков, характерных для ряда неолитических типов керамики Зауралья и севера Западной Сибири, объяснялось исследователями наличием нескольких компонентов различного происхождения в начальной стадии их слияния [Стефанов и др., 2005. С. 65]. Посуда немнёлского типа, по мнению Е. А. Гаджиевой, бытовала позднее сумпаньинской: в нижнем заполнении сооружения 1 поселения Геологическое 7 залегали фрагменты сумпаньинских сосудов, обломки немнёлских отсутствовали [Гаджиева, 1993. С. 74]. Это наблюдение стало основанием для отнесения немнёлского типа к позднему неолиту [Косинская, 2006. С. 21; Дубовцева, 2015б. С. 209]. Вопрос о залегании посуды немнёлского, сумпаньинского и кошкинского типов на полу жилища поселения Леуши 7 остался открытым.

Размытость типобразующих признаков немнёлского типа керамики и отсутствие надежного контекста являются причинами осторожного отношения исследователей к этому определению. Для уточнения характеристик и условий залегания посуды немнёлского типа изучена коллекция поселения Леуши 7, проведен сравнительный анализ керамики, определенной Е. А. Гаджиевой как немнёлская, с материалами стратифицированных и / или датированных комплексов, исследованных в 2010–2020-х гг. Сделан вывод о залегании посуды с устойчивым сочетанием признаков, определяющим немнёлский тип, в одном контексте с

посудой сумпаньинского, умытынского и шоушминского типов на поселениях VI тыс. до н. э. БУМ-9, Шоушма 10, Мулымья 3 и 4 (см. главу 2).

Чилимкинская неолитическая традиция керамического производства выделена Т. Н. Собольниковой по материалам поселения Чилимка 5 [Собольникова, 1999. С. 118–124]. Посуда характеризовалась кругло- и остродонными тонкостенными банками, однообразием орнаментальных схем, преобладанием прочерченной техники орнаментации, практически полным отсутствием гребенчатых узоров, наличием ряда глубоких ямочек по венчику. Т. Н. Собольникова считала керамический комплекс Чилимки 5 однообразным, замкнутым и однокомпонентным, не имеющим прямых аналогий ни с одной известной в таежной зоне культурной традицией [Собольникова, 1998. С. 113]. Предполагалась его генетическая близость с посудой поселения Чэс-Тый-Яг. Распространение чилимкинской традиции объяснялось кельтеминарским импульсом в финальном неолите – первой половине – середине III тыс. до н. э. [Глушков, Собольникова, 1999]. Объема опубликованной информации оказалось недостаточно для определения культурной специфики неолита в низовьях р. Конды. Для этого потребовалось обращение к коллекции и полевым материалам поселения Чилимка 5. По результатам сравнительного анализа материалов Чилимки 5 с материалами памятников умытынского типа бассейна р. Конды и быстринской АК Сургутского Приобья поселение Чилимка 5 отнесено к среднему периоду неолита и включено в быстринско-умытынский КХГ [Дубовцева, Клементьева, 2022].

Для первого этапа изучения неолита р. Конды необходимо отметить, с одной стороны, относительно слабую изученность территории, малочисленность введенных в научный оборот памятников и эпизодичность их радиоуглеродного датирования, а с другой – создание основы для классификации неолитических древностей р. Конды по типам керамики (сумпаньинский, кошкинский, немнёлский, сатыгинский, чилимкинский), разработку оригинальных культурно-генетических схем. Проблематика исследований ориентирована на определение хронологической позиции и культурной принадлежности керамических типов. Традиции домостроения и камнеобработки, за редким исключением, в публикациях не рассматривались из-за малочисленности источников. В историографии происходит переход от видения неолита р. Конды через призму неолита Зауралья к рассмотрению его в культурном контексте севера Западной Сибири.

Второй этап: вторая половина первого десятилетия 2000-х гг. – настоящее время

С начала 2000-х по 2014 г. происходило интенсивное пополнение источников, существенно изменившее сформированные к началу 2000-х гг. представления о динамике культуры неолитического населения Конды. В 2007 и 2008 гг. А. Е. Цеменков изучил

котлованы неолитических построек и погребения на поселении БУМ-2 (табл. 1: № 1; 30: № 41–43; 40; рис. 9); с 2007 по 2012 г. А. А. Погодин – жилищные и погребальные комплексы на поселениях БУМ-8, 9, 57, 100 (табл. 1: № 2, 3, 4, 8; 30: № 29–37; 40); в 2011 г. С. А. Кружемент раскопал поселения БУМ-109 и Усть-Тетер 1 (табл. 1: № 9, 38); в 2011 г. Н. Е. Трунова – поселение Шоушма 10 (табл. 1: № 42). Изучение памятников большими площадями позволило получить информацию о структуре неолитических поселков и могильников, а применение индивидуальной фиксации археологического материала – установить выборки по жилищным и погребальным комплексам. Большинство жилищных комплексов обеспечено радиоуглеродными датами (табл. 2).

К началу 2010-х гг. исследователи столкнулись с ситуацией, в которой новые материалы не укладывались в рамки разработанных ранее культурно-хронологических схем. В качестве примера приведем культурную атрибуцию поселений БУМ-57 и 9. Памятники, расположенные на одной территории, схожие по пространственной организации поселков, конструкции жилищ, набору каменных орудий и посуды, были отнесены к разным культурным образованиям: поселение БУМ-57 ассоциировалось с поселением Чэс-Тый-Яг [Погодин, Миронов, 2009; Ковалева, Зырянова, 2009. С. 175], а поселение БУМ-9 – с сумпаньинской АК [Погодин, 2010б]. Основанием для соотнесения с чэстыйягским типом явилось наличие сосудов, окрашенных охрой и / или снабженных налечами. Определяющими для атрибуции сумпаньинского типа был высокий процент сосудов с «двойной орнаментацией». Сравнительный анализ керамики поселения БУМ-9 (прил. 2.3; рис. 23–27) и БУМ-57 (прил. 2.4; рис. 31–33) по технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам (табл. 3) обнаружил их сходство между собой, выявил значительные отличия от посуды сумпаньинского типа поселений Леуши 7 (прил. 2.27; рис. 96, 99, 100) и Сумпанья 4 (прил. 2.25; рис. 94–97). Вместе с тем комплексы р. Большой Умыты обладали близкими характеристиками и с посудой чилимкинско-го типа (прил. 2.28; рис. 104–107). Сложность в определении культурной атрибуции новых материалов возникала из-за дефицита информации об эпонимных памятниках, опубликованных в объеме недостаточном для проведения сравнительного анализа (Чилимка 5, Сумпанья 3, 4, 6) или неопубликованных совсем (Сумпанья 2, Леуши 7, Геологическое 7).

В процессе многолетнего научного поиска исследователями неолита севера Западной Сибири были предложены новые подходы для периодизации эпохи. Основным принципом анализа стало частичное абстрагирование от выделенных ранее типов керамики и обращение к обобщающим понятиям – декоративно-морфологическим группам посуды (далее – ДМГ) [Клементьева и др., 2012; Дубовцева, Клементьева, 2014] и традициям керамического производства [Дубовцева, 2015б; Дубовцева, Косинская, 2021]. Под ДМГ подразумевались группы сосудов с общими декоративными (техника орнаментации, орнаментальные мотивы и

композиции) и морфологическими (форма емкости и ее деталей) признаками. Определяющая роль в разработке периодизационных схем отводилась корреляции традиций керамического производства и ДМГ керамики с абсолютными датировками [Дубовцева, Косинская, 2021; Клементьева, Погодин, 2020б]. С появлением новых материалов осуществлялась корректировка периодизационной схемы неолита бассейна р. Конды.

В 2012 г. в качестве инструмента предварительной систематизации керамических комплексов поселений Шоушма 10, Усть-Тетер 1, БУМ-2, 8, 9, 57, 100 и 109 предложено выделение трех декоративно-морфологических групп (*далее – ДМГ*) посуды [Клементьева и др., 2012]. Правомерность их выделения подтверждена технико-технологическим анализом [Дубовцева, Клементьева, 2014]. Керамические комплексы 1-й ДМГ из сооружения 2 поселения БУМ-8, поселений Шоушма 10 и Усть-Тетер 1 характеризовались толстостенной округлодонной посудой, декорированной стержневидными инструментами в техниках отступания, накалывания и прочерчивания. Для комплексов 2-й и 3-й ДМГ характерна тонкостенная округлодонная посуда без наплывов под венчиком, изготовленная на формах-моделях. Характерным признаком обеих групп является наличие под венчиком пояса из отверстий или глубоких ямок. В орнаментации посуды 2-й ДМГ поселений БУМ-9, 57 и 109.1, наземного комплекса 1 и сооружения 16 поселения БУМ-100 преобладают мотивы, выполненные в технике прочерчивания, зачастую они сочетаются с мотивами, нанесенными в технике шагания или отступания. Посуда 3-й ДМГ, представленная на поселениях БУМ-8 и 100, Усть-Тетер 1, покрыта печатно-гребенчатыми узорами. Временной интервал комплексов 1-й ДМГ определялся с рубежа VII–VI тыс. до н. э. до третьей четверти VI тыс. до н. э., комплексов 2-й ДМГ – с последней четверти VI тыс. до н. э. до середины V тыс. до н. э., комплексов 3-й ДМГ – со второй половины V тыс. до н. э. до первой половины IV тыс. до н. э. В последующем комплексы с посудой 1-й ДМГ легли в основу выделения памятников шоушминского типа [Клементьева, Погодин, 2017а], 2-й ДМГ – памятников умытшинского типа [Клементьева, Труфанов, 2019]. Посуда 3-й ДМГ соответствовала ушынскому типу керамики, выделенному А. В. Тупотой и рассматриваемому С. Ф. Кокшаровым в контексте первой стадии энеолита [Кокшаров, 2009. С. 173–178]. Памятники шоушминского и умытшинского типа были отнесены к раннему неолиту, ушынского – к позднему [Клементьева, Погодин, 2017а, б].

Так выглядела «основа» культурно-хронологической схемы неолита р. Конды. Определение места в ней немнёлского, сумпаньинского, кошкинского, сатыгинского и чилимкинских типов керамики происходило по мере накопления и осмысления источников.

В 2019 и 2020 гг. на поселениях Мулымья 3 и 4 удалось изучить котлованы жилищ (табл. 1: № 26, 27; 3: № 19–22) с набором посуды (рис. 59 – 1–5, 8, 17–20; 76 – 1–6, 9, 11, 12, 15), имеющим типологическое сходство с керамикой немнёлского типа поселений Еныя 12,

Геологическое 7 и Леуши 7 (рис. 98 – 1–13, 15), провести стратиграфические наблюдения и радиоуглеродное датирование. Хронологическая позиция немёлского типа керамики определена средним периодом неолита – VI тыс. до н. э. Благодаря исследованиям поселения Мулымья 3 (табл. 1: № 26) появились основания для удревнения нижней границы неолита до последней трети VII тыс. до н. э. [Клементьева, Погодин, 2020б] и корректировки периодизационной схемы. Материалы этого памятника обеспечены надежной стратиграфией и радиоуглеродными датами (табл. 2: № 65–62; рис. 72), содержат информацию о традициях домостроения (табл. 30: № 1–16), производства керамики (прил. 2.12–17; табл. 6, 35; рис. 74, 75) и каменных орудий (табл. 17, 18, 36–39; рис. 79 – 1–19; 80–82). Керамический комплекс поселения Мулымья 3 представлен исключительно плоскодонными емкостями баночной и горшечной формы. Сосуды неорнаментированные и с графическим накольчатым и прочерченным декором, снабжены валиками и налепами, пояском глубоких ямок под венчиком. Практически все признаки мулымьинской посуды присутствуют на керамике сатыгинского типа поселений Сумпанья 2, 4 и 6 [Хлобыстин, 1993] и боборыкинского типа из неолитического жилища поселения Геологическое 16 [Кокшаров, Зырянова, 2011]. Наличие общего типологического ядра керамики мулымьинского и сатыгинского / боборыкинского типов, вероятно, является отражением одной культурной традиции, распространенной на территории Кондинского бассейна с последней трети VII тыс. до н. э. По типологии керамики и каменного инвентаря предложено выделение *мулымьинского КТП* раннего неолита.

В настоящее время в неолите р. Конды обосновано выделение трех культурно-хронологических периодов [Клементьева, Погодин, 2020б]. Ранний неолит характеризуют материалы мулымьинского КТП, средний – умытыинского, шоушминского, сумпаньинского КТП, поздний – ушьинского КТП. Прослежена преемственность в культурном развитии района от эпохи мезолита до эпохи раннего металла, намечены основные векторы связей с культурами сопредельных территорий (см. главу 3). Предложенная в данной работе культурно-хронологическая схема неолита р. Конды частично коррелируется с периодизацией неолита таежной зоны севера Западной Сибири, предложенной Е. Н. Дубовцевой и Л. Л. Косинской [Дубовцева, Косинская, 2021].

* * *

Изучение неолита р. Конды на всех этапах было неразрывно связано с уральским неолитоведением. Материалы кондинских памятников привлекались для решения вопросов зауральского неолита, на Кондинский бассейн распространялись культурологические схемы Зауралья. Объективными причинами этого являются территориальная близость р. Конды к Северному и Среднему Зауралью, включенность кондинского населения в исторические процессы, проходившие в урало-западносибирском регионе в конце каменного века. Для

решения таких общерегиональных проблем, как механизмы процесса неолитизации, критерии периодизации эпохи, происхождение и хронология культурных образований, в разные годы были предложены подходы, основанные на типологии керамики и каменного инвентаря [Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Старков, 1980; Ковалева, 1989; Косинская, 2006], анализе традиций керамического производства и радиоуглеродной хронологии [Выборнов и др., 2014; Мосин, 2016; Шорин, Шорина, 2020; Piezonka et al., 2020; Дубовцева, Косинская, 2021; Дубовцева, 2021], исследовании символических систем в орнаментах на посуде [Ковалева, Зырянова, 2007]. Уникальность археологического наследия р. Конды – в многочисленности неолитических памятников, наличии среди них как многослойных, так и однослойных, в достаточно высокой степени их изученности. Комплексные исследования жилищных и погребальных комплексов позволяют охарактеризовать традиции неолитического населения р. Конды в домостроении и погребальной практике, камнеобработке и производстве посуды.

ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА Р. КОНДЫ

Конда берет начало в болотах на увале Люлимвор, протекает по Кондинской низменности и впадает в р. Иртыш (рис. 2). Ее длина 1097 км, площадь бассейна 73,4 тыс. кв. км. Заболоченность бассейна достигает 70 %, озерность – 5 %. По геоморфологическим и гидрологическим особенностям бассейн р. Конды в некоторой мере условно делят на три части: *верхняя Конда* – от истоков до Турсунтского Тумана, *средняя Конда* – до устья р. Юконды и *нижняя Конда* – до устья р. Конды (рис. 3–7) [Экология..., 1997. С. 134]. Пойма реки в верховьях узкая, в среднем течении расширяется до 12 км, в нижнем – до 20–30 км, сложена супесчано-песчаными и торфянистыми грунтами. Высота поймы – 3–4 м, в ней расположены многочисленные проточные озера – Туманы, в том числе крупные, длиной до 10 км: Турсунтский, Шаимский, Сатыгинский, Леушинский и др. В среднем течении р. Конда принимает крупные притоки – реки Ах и Куму (правые), Мулымью и Большой Тап (левые). Перед впадением в р. Иртыш Конда образует Кондинский Сор, который тянется примерно на 50 км и представляет собой длинное проточное озеро шириной от 5 до 10 км.

В верхнем течении р. Конды выявлено более 100 неолитических памятников. Они расположены преимущественно по берегам притоков р. Конды (реки Эсс, Шоушма, Большая Умытья, Лемья), озер (Арантур, Рангетур) и их притоков (реки Енья, Окуневая) (рис. 3). На р. Большой Умытье, левом притоке верхнего течения р. Конды, неолитические материалы обнаружены на 58 памятниках. В результате раскопок десяти из них выявлены и изучены могильники и одиночные захоронения (БУМ-2, 8, 9, 100); поселки и стоянки (БУМ-2, 8, 9, 57, 60, 61, 72, 100, 109, 142) (табл. 1: № 1–10; рис. 8 – А). На р. Эсс изучены неолитические поселения Геологическое 7 (жилища 1 и 2) и Геологическое 16 (табл. 1: № 15, 16).

В среднем течении р. Конды по локализации неолитических памятников выделено два «микрорайона»⁵. Первый находится в левобережье р. Конды – это междуречье Мулымьи и Большого Тапа (рис. 4). Территория изобилует озерами, некоторые из которых имеют размеры до 3–5 км. Практически все крупные озера и большинство мелких соединены между собой протоками. На сегодняшний день в междуречье известно не менее 50 неолитических памятников. Они расположены по берегам рек Мулымьи, Нерпалки (Большого Тетера), Усть-Тетера, Неушья, Убья; озер Сафроновского, Яковского и др. либо безымянных проток, соединяющих озера. Восемь памятников исследованы раскопами: Мулымья 3, 4 и 6.3, Неушья 2.1, Убья 3, Усть-Тетер 1, Мостовое 5, Толум 1 (табл. 1: № 25, 26–29, 35, 36, 38; рис. 4).

Второй микрорайон приурочен к Евринско-Леушинской озерной системе (рис. 5), включающей реки Евру, Сумпанью, Ах, Канду, Леушинку, Леву и проточные озера

⁵ Выделенные микрорайоны скорее отражают степень изученности территории, чем систему расселения древнего населения.

Сатыгинский, Среднесатыгинский и Леушинский Туманы. В устьях небольших рек изучены поселения и стоянки Сумпанья 2–4, 6, 7, Леуши 1, 3, 7, 9, 13, 14, Канда (табл. 1: № 18, 20, 24, 30–34). В нижнем течении р. Конды неолитические материалы известны по разведочным работам на памятниках Болчары, Пашкин Бор, Чеснок, Алымский Бор (рис. 6, 7). Раскопками исследовано неолитическое поселение Чилимка 5 (табл. 1: № 41).

Картографирование неолитических памятников показывает их концентрацию в верхнем и среднем течении р. Конды и практически полное отсутствие в нижнем (рис. 2–7). Диспропорция в распределении памятников, вероятно, объяснима неравномерностью обследования территорий. Так, по данным Т. Н. Собольниковой, доля памятников археологии в низовьях составляет лишь 15 % от общего их количества в бассейне р. Конды [Собольникова, 2015. С. 276, табл. 1].

Спецификой практически всех археологических работ в бассейне р. Конды является их охранный (противоаварийный) характер. Раскопкам подвергались в первую очередь памятники, находящиеся под угрозой уничтожения или частично разрушенные в результате современной хозяйственной деятельности (лесозаготовка, разработка недр и т. д.). Специфика работ двояко отразилась на качестве источников. С одной стороны, археологические объекты или почвенные слои на момент проведения работ зачастую оказывались поврежденными или разрушенными. С другой – при исследовании археологических памятников большими площадями удалось выявить и исследовать объекты, не выраженные в рельефе современной поверхности (наземные комплексы, погребения). Основу фонда источников составляют материалы исследований ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие», проводившихся в 2007–2020 гг. на реках Большой Умытье, Конде, Мулымье и Усть-Тетере.

В данной главе охарактеризованы наиболее важные для построения культурно-хронологической схемы неолита памятники, сделан акцент на хроностратиграфии неолитических комплексов. В связи с большим объемом информации было решено вынести описание сооружений и комплексов артефактов за рамки основного текста диссертации. Сведения о жилищах и погребениях, о составе каменного инвентаря и остеологических остатков размещены в таблицах. Типологический анализ посуды из жилищных комплексов представлен в текстовых приложениях и графиках, результаты технико-технологического анализа керамики – в таблицах.

* * *

Поселения БУм-2, 8 и 9 расположены в Советском районе Ханты-Мансийского округа – Югры в 60 км к ЮЮВ от г. Советского на высоком правом берегу р. Большой Умытьи (табл. 1: № 1–3; рис. 8 – Б). Памятники открыты С. Ф. Кокшаровым в 1990 г., обследованы в 1994, 2004 и 2009 гг. под руководством А. Е. Старкова, А. Е. Цеменкова, А. А. Погодина.

2.1. Поселение Большая Умытья 2

Памятник многослойный, содержит материалы эпохи неолита и раннего металла, бронзового и раннего железного веков. К эпохе неолита отнесены котлованы *сооружений 1, 3–5 и 7* и, вероятно, два *погребения* (табл. 30, 40; рис. 9 – А).

Сооружение 1 – землянка с глубоким (до 1,8 м)⁶ четырехугольным котлованом размерами 6,0×6,7 м на верхнем уровне фиксации и 5,5×6,0 м в придонной части (табл. 30: № 41; рис. 9 – В, Г). В восточной части сооружения зафиксирован очаг размерами 1,25×1,50 м, под полом – хозяйственная (?) яма размерами 0,9×1,2 м и глубиной до 0,15 м. Котлован окружен по периметру ямами, часть из которых интерпретирована автором исследования как столбовые (ямы 7, 8, 13) и хозяйственные (ямы 9, 10, 11, 14, 16) [Цеменков, 2010. С. 17–24]. *Сооружение 3* – двухкамерная полуземлянка из двух овальных котлованов площадью 8 и 6 кв. м и глубиной 0,5 м, соединенных переходом шириной 1 м и глубиной 0,35 м (табл. 30: № 42). *Сооружение 4* – постройка со слабоуглубленным (до 0,2 м) прямоугольным котлованом площадью 18 кв. м, по западной стенке зафиксирован коридорообразный выход размерами 2,0×0,8 м (табл. 30: № 43). *Сооружение 5* – полуземлянка с овальным котлованом площадью 6,25 кв. м (рис. 9 – А, Г). В сооружениях 1, 3–5 найдена керамика умытынского типа и орудия из камня – шлифованные ножи, наконечники стрел, тесла. Посуда округлодонная, тонкостенная, с прочерченным и шагающе-гребенчатым орнаментом. По фрагментам двух сосудов получены даты 5710±70 ВР (Ki-17977), 4716–4373 кал. л. до н. э. и 3970±160 ВР (Ki-17979) (табл. 2: № 3). Первая дата коррелируется с возрастом поселений быстринско-умытынского КХГ⁷, вторая – некорректна, указывает на временной интервал раннего бронзового века севера Западной Сибири.

Сооружение 7 – полуземлянка с прямоугольным котлованом площадью 6,5 кв. м. По периметру котлована прослежены пристенные канавки глубиной до 0,2 м и шириной 0,1 м (рис. 9 – Б). С комплексом этого сооружения соотнесены фрагменты двух сосудов с прочерченным и отступающе-накольчатым орнаментом (прил. 1.1; рис. 10 49 – 1, 2). По фрагментам сосуда с наlepным валиком получена дата 5880±140 ВР (Ki-17980), 5207–4449 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 4; рис. 10 – 2). В одной из ям, расположенных в 4 м к ССВ от сооружения 7, найден крупный сосуд (прил. 1.2; рис. 10 – 3)⁸ с геометрическим орнаментом, выполненным в прочерченной и отступающе-накольчатой технике. По его фрагментам получена дата 5780±140 ВР (Ki-17984), 4997–4342 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 5). О вероятной принадлежности сосудов из сооружения 7 и ямы, расположенной к ССВ от него, к единому

⁶ Здесь и далее глубина котлована указана от уровня древней дневной поверхности.

⁷ Поселение БУ-57 и сооружение 2 поселения Усть-Тетер 1.

⁸ В отчете о полевых исследованиях и в литературе этот сосуд был отнесен к боборыкинской культуре [Цеменков, 2010. С. 44; Кокшаров, Зырянова, 2011. С. 196, рис. 8]. Основанием для такой атрибуции послужил характерный мотив – треугольники с бахромой, перевернутые вершиной вниз.

комплексу могут свидетельствовать общие признаки в их производстве (примесь органического раствора, уплотнение до блеска внешней поверхности, использование костей в качестве орнаментов, треугольные фигуры в орнаментах). Не противоречат этому предположению и близкие радиоуглеродные даты, позволяющие отнести время существования комплекса к первой половине V тыс. до н. э. Определение типологической принадлежности сосудов затруднено. По таким орнаментальным признакам, как наlepной валик, треугольные фигуры, обращенные вершинами вниз, и пояски ямок, они сопоставимы с посудой раннего неолита Северного Зауралья (сатыгинского типа поселения Нижнее озеро 3) и бассейна р. Конды (мулымьинского типа поселения Мулымья 3), с неолитической посудой поселения Убья 3 [Погодин, 2015].

2.2. Поселение Большая Умытья 8

Памятник многослойный, содержит материалы эпохи неолита и раннего металла, бронзового века и средневековья (табл. 1: № 2; рис. 11). Средний неолитический период представлен жилищным комплексом – сооружением 2 (табл. 30: № 29; рис. 12) с посудой шоушминского и умытйинского типов (рис. 13), поздний – наземным комплексом с посудой ушьинского типа (рис. 14). На территории памятника изучено четыре погребения, предположительно, каменного века [Погодин, 2010а; 2011], собрана большая коллекция неолитической посуды, соотнесение которой с исследованными объектами затруднено. В публикациях отражены предварительные результаты изучения сооружения 2 [Клементьева и др., 2012] и одного из погребений [Клементьева, Погодин, 2020а. С. 134].

Жилищный комплекс среднего неолита

Сооружение 2 – землянка с глубоким, до 2 м, прямоугольным котлованом площадью 77 кв. м (табл. 30: № 29; рис. 12). Пол сооружения горизонтальный, неровный, с уклоном в сторону реки на 0,3 м. Основание пола «легло» на материковую породу – плотную серо-зеленую глину. Вдоль северной и западной стенок котлована прокопаны канавки шириной 0,15–0,3 м. С западной стороны котлована прокопан коридор длиной не менее 6 м и шириной до 2 м. В северо-восточном углу сооружения оформлен искусственный уступ – плечико высотой от пола 0,35 м и шириной до 1,25 м. Его поверхность, скорее всего, была закреплена деревянной обшивкой, которая фиксировалась по обугленным плашкам, предварительно посыпана охрой, а затем обмазана глиной. В северной части котлована выявлена трапециевидная в плане яма размером 2,7×1,4–3,2 м, углубленная в материковую глину на 0,1 м. Ее стенки пологие, дно ровное, маркировано тонкой, до 0,01 м, прослойкой бордовой охры. Очаг в сооружении не зафиксирован. По результатам датирования угля с уступа – плечика 6615±100 BP (SPb-481) и пола 7000±100 BP (SPb-482) сооружение 2 существовало в интервале 6060–5376 кал. л. до н. э.

(табл. 2: № 6, 7).

Выборка по полу сооружения 2 представлена каменными орудиями (табл. 20), керамикой умытчинского и шоушминского типов (рис. 13). Обработка камня проводилась в ударно-контрударной, призматической и абразивной технике. Орудия представлены абразивами, шлифованным ножом и наконечником стрелы, долотовидным орудием на плитке. Концентрация обломков двух сосудов умытчинского типа зафиксирована в заполнении ямы 8 (рис. 12; 13 – 2, 3), над ней обнаружены фрагменты сосуда шоушминского типа (рис. 13 – 5). В южной части котлована, в углублении пола, найден миниатюрный неорнаментированный сосуд (рис. 13 – 1). Посуда умытчинского типа тонкостенная. Внешняя поверхность уплотнена до блеска. Орнаменты, выполненные в прочерченной, отступающе-накользящей и шагающе-гребенчатой техниках, состоят из горизонтальных зон, заполненных прямыми и волнистыми линиями и диагональными отрезками. Под венчиком размещен поясик отверстий. Сосуды шоушминского типа толстостенные. Венчики с плоским и округлым срезами, с внутренним утолщением. Внешняя поверхность покрыта плотным узором, состоящим из трех- и четырехугольных зон, заполненных диагональными отрезками. Зона под венчиком украшена поясом из наколов. В орнаментах посуды шоушминского типа чередуются мотивы, выполненные в технике отступления, прочерчивания и накалывания.

Комплекс позднего неолита

Комплекс изучен в юго-западной части раскопа (рис. 11). На площади более 90 кв. м зафиксирован слой охристого красно-коричневого песка мощностью 0,15–0,3 м, залегающего на погребенной почве, а также в заполнении ям, ямок и пятен. В границах этого слоя выявлены очаги наземного типа и ямы, а также множество углублений – ямок, возможно, оставшихся от какой-то временной столбовой конструкции. Вероятно, площадка была ограничена изгородью, элемент которой фиксировался в виде канавки. Глубина канавки до 0,3 м, длина ее сохранившегося участка до 6 м [Погодин, 2010а. С. 53]. В отчете о полевых исследованиях и в публикации предварительных результатов участок охристого красно-коричневого слоя интерпретирован как западная напольная площадка сооружения 2 [Погодин, 2010а; Клементьева и др., 2012. С. 503]. Однако анализ планиграфии, проведенный при подготовке данной работы, показал, что охристый слой был насыщен фрагментами посуды ушчинского типа (более 330 ед.), в то время как обломки сосудов среднего неолита из сооружения 2 единичны (6 ед.). Предполагается существование здесь поздненеолитической постройки⁹.

Керамический комплекс, соотносимый с этой постройкой, представлен обломками 50

⁹ Размеры и глубина котлована постройки не установлены, так как объект практически полностью разрушен автодорогой.

округлодонных тонкостенных сосудов ушьянского типа, декорированных оттисками гребенчатых штампов и костей животных (прил. 2.2; табл. 3–5; рис. 14–17). По фрагментам одного из сосудов (рис. 14 – 15) получена дата 5240 ± 100 BP (Ki-17447), указывающая на возможное функционирование комплекса в период 4327–3804 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 10). Вычленение комплекса каменных орудий ушьянского времени из переотложенных слоев затруднено как типологически, так и планиграфически. Вероятно, к ушьянскому комплексу относится каменная антропоморфная фигурка¹⁰ (рис. 18 – 10), найденная в одном из очагов совместно с фрагментами посуды ушьянского типа. Скульптурка размерами $33 \times 12 \times 10$ мм выполнена на гальке удлиненной формы округлого сечения. Голова и плечи выделаны пропилами, лицевая плоскость пришлифована. На ней по дуге проделаны округлые углубления, возможно, показывающие глаза и рот (?). В средней части фигурки обозначена «талия». В области ног часть поверхности гальки косо сошлифована, а с противоположной стороны сделан продольный пропил длиной 7 мм.

2.3. Поселение Большая Умытья 9

Памятник многослойный, на нем изучены сооружения среднего неолита и эпохи раннего металла, три разновременных погребения, выявлены горизонты обитания позднего неолита и раннего железного века [Погодин, 2010б; Клементьева и др., 2012. С. 499–500; Клементьева, Погодин, 2017б; Клементьева, Погодин, 2020а. С. 134, 137].

Жилищные комплексы среднего неолита

Сооружение 1 – землянка с прямоугольным котлованом и уступами – плечиками, ориентированная ЮЮЗ–ССВ (табл. 30: № 30; рис. 19 – Б). Глубина котлована достигала 2,7–2,8 м от уровня древней поверхности. Его площадь по плечикам составляла 72 кв. м, по полу – 32,5 кв. м. Плечики располагались на высоте 0,5–0,7 м от пола. Пол относительно горизонтальный, с плавным (не более 0,2 м) уклоном от стенок к центру. Под плечиками и полом отмечены ямки от столбовой конструкции, вдоль стен по уровню плечиков и дну – неглубокие канавки шириной до 0,1 м, маркировавшие основание деревянной крепи песчаных стен. Под полом постройки располагалась яма подпрямоугольной формы размерами $3,7 \times 1,2$ м и глубиной до 1 м. Находки в ней не обнаружены. Очаг и выход в постройке не выявлены.

Площадка вокруг котлована была огорожена. Элементом ограждения являлась канава, прокопанная по периметру, в 6–8 м от края котлована. Ее абрис в плане восьмиугольный, вершины углов находились напротив друг друга. Глубина канавы от древней поверхности от 0,5 до 0,7 м. Площадь «замкнутого» внутри канавы пространства не менее 900 кв. м. С запада и

¹⁰ Скульптурка опубликована, рассмотрена в комплексе ранне-неолитического сооружения 2. Масштаб в публикации неверный [Клементьева и др., 2012. С. 518, рис. 6 – Б: 9].

севера от котлована древняя дневная поверхность посыпана охрой, и на нее легла земля подсыпки: при планировке площадки вокруг постройки земля из котлована была распределена между ним и ограждением, что не позволяло насыпи расплыться. Выровненная искусственная площадка посыпана охрой. В ее восточной, юго-восточной и южной части выявлены наземные кострища мощностью до 0,35 м. Большинство артефактов залегало на площадке – в кострищах и вокруг них. С восточной, напольной, стороны от внешней канавы выкопаны пять внешних ям овальной формы, ориентированных параллельно внешней канаве. Их глубина от уровня древней поверхности достигала 1 м. К северу от сооружения 1 исследована наземная постройка – сооружение 5 (табл. 3: № 31; рис. 19 – А).

По углю со дна сооружения 1 и из ямы под его полом получены даты 6810 ± 70 BP (SPb-2544) и 6766 ± 90 BP (SPb-2543). Время функционирования постройки приходилось на 5846–5516 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 11, 12).

Каменный инвентарь из сооружений 1 и 5 представлен разнообразным набором инструментов, которые использовались непосредственно в камнеобработке и в хозяйстве – для обработки изделий из дерева, кожи, кости (табл. 21; рис. 20 – 10, 11, 14–17; 21 – 2, 8–11; 22 – 24–28). В составе остеологического материала определены кости млекопитающих (северный олень, лось), птиц (глухарь) и рыб (щука, окунь, налим, карповые виды).

Керамика сооружения 1 представлена 191 сосудом, 184 из которых по основным декоративно-морфологическим признакам соответствуют умытчинскому типу керамики (прил. 2.3.1; табл. 3; рис. 23–27), еще 7 – шоушминскому и немнёлскому типам (прил. 2.3.2, рис. 28). На первый взгляд, сосуды шоушминского и немнёлского типов кажутся чужеродными в комплексе, но анализ планиграфии не выявил принципиальных отличий их залегания от локализации фрагментов умытчинского типа. Керамика шоушминского и немнёлского типов найдена как за пределами огражденной площадки, так и внутри нее – в погребенном подзоле, в верхнем заполнении котлована и внешней канаве. Керамический комплекс сооружения 5 (21 сосуд) по основным характеристикам идентичен комплексу сооружения 1: в нем также преобладает посуда умытчинского типа, присутствуют сосуды со смешанными признаками. В орнаментах распространено перекрытие шагающе-гребенчатых мотивов прочерченными.

Погребения

На территории археологического памятника БУМ-9 изучено три разновременных погребения (табл. 40; рис. 19 – Б). В начале VI тыс. до н. э. на мысу, между краем берега и оградой сооружения 1, было совершено грунтовое захоронение – погребение 3 (табл. 2: № 13). В позднем неолите, в третьей четверти V тыс. до н. э., на территории поселения выполнено еще одно захоронение (погребение 1), могильная яма которого прорезала внешнюю канаву сооружения 1 (табл. 2: № 14; 40; рис. 19 – А, Б). Останки, принадлежавшие мужчине 16–26 лет,

залегали на дне ямы в слое розовой охры. С усопшим в могилу положены два отщепа без ретуши и отщеп с краевой ретушью из халцедона, скол со шлифованного орудия, шлифованное тесло, сланцевое кольцо и костяная (?) «погремушка»¹¹ (рис. 19 – В, Г). Отщепы и тесло лежали по центру ямы на дне, каменное кольцо – в ее северной половине, у западной стенки [Погодин, 2010б].

В эпоху раннего металла, предположительно в IV тыс. до н. э., северо-восточный край впадины, образовавшейся на месте руинированного сооружения 1, был прорезан ямой, в заполнении которой найдены фрагменты двух сосудов атымьинского типа эпохи раннего металла [Клементьева, Погодин, 2017в. С. 50–52]. Вероятно, с этим комплексом соотносится погребение 2 (табл. 2: № 15) [Клементьева, Погодин, 2020а].

2.4. Поселение Большая Умытья 57

Памятник находится в Советском районе Ханты-Мансийского округа – Югры в 56 км к ЮЮВ от станции Верхнекондинская (табл. 1: № 4; рис. 8 – А). Поселение выявлено в 1995 г. Л. А. Плешковой, изучено в 2007–2008 гг. А. А. Погодиным [Погодин, Миронов, 2009]. В раскопе площадью 1488 кв. м выявлен жилищный комплекс среднего неолита, состоявший из углубленной постройки и наземной площадки (рис. 29). Неолитический котлован прорезан котлованом постройки эпохи раннего металла с посудой еныйского типа.

Территорию неолитического поселка составляла площадка, окруженная канавой глубиной до 0,5 м, являвшейся конструктивным элементом ограждения (рис. 29). В плане эта площадка состояла из двух пятиугольников с общим основанием, вершины пятиугольников ориентированы на ЗСЗ и ВЮВ. Размер западного участка 22×20 м, восточного – 13×16 м. Северная линия ограждения перестраивалась и была вынесена на 3 м к северу от ранее заложенной канавы. Площадь огражденного пространства не менее 1000 кв. м. На западной площадке локализованы три наземных комплекса. Они фиксировались в виде пятен охристого слоя размерами 5,65×4,75; 8,5×3,5 и 11,0×1,5 м. По их центру располагались линзы бурокоричневого очажного слоя мощностью 0,25 м с включением бордовой охры. Находки залегали в охристом и очажном слоях. На восточной площадке располагалось *сооружение 1* – землянка с прямоугольным котлованом глубиной 2 м (табл. 30: № 32; рис. 29). Пол сооружения был маркирован слоем бордовой охры с углем мощностью до 0,1 м и темно-серым углистым песком с пятнами бордовой охры мощностью до 0,15 м. По южной стенке котлована зафиксирован уступ – плечико шириной 1,3 м и высотой 0,7 м. Не исключено, что и по другим стенкам вдоль углубленной части имелись плечики, которые были разрушены котлованом еныйского

¹¹ В отчете и в публикациях [Погодин, 2010а; Клементьева, Погодин, 2020а] информации об этом изделии нет, так как при транспортировке оно было утрачено. Сведения о предмете сохранились в полевых материалах (фото *in situ*, дневник).

сооружения. Площадь умытйинского котлована по уровню плечиков 74 кв. м, в углубленной центральной части – 35 кв. м. По центру размещался наземный очаг, зафиксированный по прямоугольной линзе черного углистого песка размерами 1,00×0,56×0,20 м. В западной стенке сооружена прямоугольная ниша размерами 2,3×0,5 м. От крепи стенок осталась канавка, от столбовой конструкции – ямки вдоль стен, у очага и с внешней стороны. В 9 м к югу от юго-западного угла огражденного участка изучено наземное сооружение 3 (табл. 30: № 33).

Радиоуглеродные даты – 6030±85 BP (COAH-7639), 6030±80 BP (COAH-7640), 5930±70 BP (SPb-2547), 5846±65 BP (SPb-2546) – получены по углю из котлована сооружения 1 и по фрагментам сосуда умытйинского типа – 5680±80 BP (Ki-15078) (табл. 2: № 16–20). Вероятное функционирование поселка относится к интервалу 5200–4500 кал. л. до н. э.

Находки представлены обломками посуды умытйинского типа (прил. 2.4; табл. 3–5, 41; рис. 30–33), каменными предметами (табл. 22; рис. 20 – 19; 21 – 7), изделиями из кости и глины. Последние, вероятно, являются орнитоморфными скульптурками (рис. 34 – 1, 2). В остеологическом материале определены кости лося и северного оленя.

Посуда поселения БУм-57 первоначально соотносилась с чэстыйгским типом керамики [Погодин, Миронов, 2009. С. 147], позднее памятник был включен в умытйинскую группу [Клементьева, Труфанов, 2019]. Для использования материалов БУм-57 в сравнительном анализе керамических комплексов неолита севера Западной Сибири данных, приведенных в публикации, оказалось недостаточно. Была обработана выборка из 113 сосудов¹² (прил. 2.4; табл. 3; рис. 30–33). Установлено, что по основным показателям посуда поселения БУм-57 наиболее близка комплексам умытйинского типа из наземного комплекса 1 поселения БУм-100 (прил. 2.5; табл. 3; рис. 35) и поселений БУм-109.1 и 109.2 (прил. 2.7, 2.8; табл. 3; рис. 36–40).

Обработка камня проводилась в ударно-контрударной, призматической и абразивной технике. Доминируют изделия из отщепов – скребки, долотовидные орудия, острия и др. Медиальные части пластин без обработки, возможно, использовались как вкладыши составных орудий. В абразивной технике изготовлены наконечники стрел, ножи, тесла и струг. Шлифованные наконечники имели ромбическое, реже линзовидное поперечное сечение. Шлифованные ножи подтреугольной формы. Один из ножей выполнен, вероятно, из наконечника стрелы (рис. 21 – 7). Часть предметов использовалась после фрагментации в качестве абразивов.

2.5. Поселение Большая Умытья 100

Памятник находится в Советском районе ХМАО – Югры в 56,27 км к ЮЮВ от ж/д

¹² Численность сосудов, использовавшихся на поселении, была значительно больше. Судя по опубликованным данным, в комплексе присутствовало не мене 200 сосудов [Погодин, Миронов, 2009. С. 143]. В выборку не были включены мелкие фрагменты.

станции Верхнекондинская (табл. 1: № 8; рис. 3; 8 – А). Он занимает юго-западную часть гривы высотой до 5 м в междуречье р. Большой Умыты и ее правого притока – р. Вершины (рис. 41 – А). Поселение выявлено в 1994 г. А. Е. Старковым, исследовано в 2011–2013 гг. экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» под руководством А. А. Погодина и автора данной работы [Погодин, 2012б, 2014; Клементьева, 2014]. Зафиксировано 8 хронологических этапов освоения и заселения территории памятника. Наиболее ранними являются мезолитические погребения. К среднему неолиту относятся захоронения могильника VI тыс. до н. э. (рис. 42–44) [Клементьева, Погодин, 2020б], жилые и производственный комплексы первой половины V тыс. до н. э. с посудой умытинского типа (рис. 35; 41 – Б; 45–51) [Клементьева и др., 2012]. В позднем неолите, в конце V тыс. до н. э. – начале IV тыс. до н. э., на этой территории функционировал ушынский поселок (рис. 41 – Б; 52) [Клементьева, Погодин, 2017б], было выполнено погребение (рис. 53) [Клементьева, Погодин, 2020б]. Последующие этапы представлены комплексами раннего и позднего бронзового, раннего железного века, средневековья и нового времени [Погодин, Труфанов, 2017].

Погребения среднего неолита

В раскопе изучено 124 погребения¹³. Часть могил была полностью или частично разрушена при строительстве жилищ в более поздние периоды неолита и в бронзовом веке. По углю из 5 погребений – могил 22, 33 и 35, ям 54 и 237 (рис. 42 – Г) – получены радиоуглеродные даты (табл. 2: № 27, 28, 41–43). По результатам датирования, стратиграфическим наблюдениям и особенностям формы могильных ям выделено три погребальных памятника: могильник эпохи мезолита (могилы 18, 31, 35–37); могильник среднего неолита (не менее 118 погребений); погребение на территории поздненеолитического поселка (могила 7) (табл. 42–45; рис. 43, 44, 53–57 [Клементьева, Погодин, 2020б]).

В структуре *могильника среднего неолита* зафиксировано четыре длинных ряда (рис. 43 – Б). «Первый» ряд, частично разрушенный котлованами поздненеолитических сооружений 14 и 25 и современными траншеями, находился в центральной части могильного поля. Сохранилось 21 погребение (табл. 44). Могильные ямы прямоугольной формы расположены друг от друга на расстоянии от 0,25 до 1,4 м. В южной и центральной части ряда они ориентированы СЗ–ЮВ, в северной – З–В. В юго-западной части ряда локализована группа из четырех погребений (могила 21, ямы 51А, 74, 54) с канавками по периметру дна могильных ям. В заполнении всех погребений присутствовала охра. В пяти из них были обнаружены останки и погребальный инвентарь (могилы 1, 4, 6, 10, 12), в двух – останки (могилы 13 и 14), еще в трех – только погребальный инвентарь (могилы 15, 21, 23). В заполнении одиннадцати погребений (ямы 46,

¹³ В публикации, вышедшей в 2020 г, указано, что исследовано 122 могилы [Клементьева, Погодин, 2020б]. В результате анализа полевых материалов в 2023 г. было выявлено еще два мезолитических захоронения.

51А, 54, 62, 69, 74, 105, 108 109, 117, 132) останки и погребальный инвентарь не найдены. Антропологический материал из погребений «первого» ряда не имеет признаков высокотемпературного воздействия. Погребальный инвентарь представлен каменными орудиями: шлифованными теслами (рис. 44 – 20, 23, 24), острием (рис. 44 – 7), стамеской (рис. 44 – 22), ретушированным наконечником стрелы, стругом и ядрищем (рис. 44 – 15, 16, 18); украшениями – пронизками из смолы (табл. 46; рис. 43 – А: 3; 44 – 8–14); перфорированным диском из человеческого черепа (рис. 44 – 21), фрагментом керамики шоушминского типа (рис. 44 – 6). Предполагаемое направление заполнения могильного ряда с ЮЗ на СВ. По углю из ямы 54, находящейся в его юго-западной части, получена дата 7090 ± 60 BP (Ki-17973), 6066–5843 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 41; 44).

«Второй» ряд могил состоит как минимум из 11 погребений (табл. 42, 43, 45). Он параллелен «первому» ряду, расположен к югу от него. Некоторые погребения второго ряда примыкают вплотную к могильным ямам «первого» ряда или прорезают их¹⁴. Часть погребений в середине ряда разрушена котлованом поздненеолитического сооружения 25 и траншеей трубопровода. Могильные ямы прямоугольной формы ориентированы СЗ–ЮВ и расположены друг от друга на расстоянии от 0,4 до 2,5 м. Охра присутствовала в заполнении всех погребений за исключением ямы 88, расположенной в юго-западной части ряда. В двух погребениях найдены останки и погребальный инвентарь (могилы 5 и 22), еще в двух – только останки (могилы 9 и 11Б). Погребальный инвентарь представлен каменным сколом и фрагментом округлодонного сосуда с шагающе-гребенчатым орнаментом (рис. 44 – 19). В семи погребениях (ямы 66, 85, 88, 95, 133, 135, 136) останки и погребальный инвентарь не найдены. Одно из погребений (могила 9), расположенное в южной части «второго» ряда, является парным захоронением. По углю из могилы 22, находящейся в центральной части «второго» ряда, получена дата 6050 ± 80 BP (SPb-1428), 5212–4782 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 43; 45).

«Третий» ряд погребений расположен к югу от «второго». В его состав входили по крайней мере 8 погребений: могилы 11А, 16В, 20 и ямы 90, 91, 106, 110, 120 (табл. 42, 44). Ямы прямоугольной формы ориентированы СЗ–ЮВ. В заполнении всех ям присутствовала охра. Антропологические останки найдены в трех погребениях – могилах 11А, 16В и 20. Интересна стратиграфическая ситуация по погребению 16В. Его могильная яма прорезала восточную часть мезолитического погребения – могилы 35. Погребение 16В являлось более древним по отношению к двум погребениям (могилам 16А и 16Б), впущенным в эту же могильную яму в более поздний период. Тела в могилах 16В и 16Б были положены ногами друг к другу, головами в противоположные стороны. Вероятно, эти могилы являются ярусным захоронением.

¹⁴ Яма 95 прорезает южную часть ямы 62, могила 9 – юго-западную часть могилы 14, могила 22 – юго-восточную часть могилы 23, яма 135 – верхнее заполнение могилы 10.

Позднее на стыке могилы 35 и могилы 16Б была сооружена могила 16А, прорезавшая оба объекта. Погребение 11А впущено в могилу 11Б, расположенную во «втором» ряду. Ямы «третьего» ряда более поздние относительно ям «первого» и «второго» рядов, они имеют меньшие размеры и глубину по сравнению с ранними.

«Четвертый» ряд прослежен по десяти погребениям (могилы 24, 26, 28, 29, ямы 64, 65, 97, 99, 101, 162), расположенным на расстоянии от 0,6 до 2,4 м друг от друга. Два погребения этого ряда, ямы 97 и 101, частично разрушены котлованом умытчинского сооружения 31. Могила 28 перекрывала южную часть могилы 29. В заполнении всех погребений присутствовала охра. В четырех из них обнаружены останки. Кости из могил 26, 28 и 29 имели следы высокотемпературного воздействия. Погребальный инвентарь в могилах «четвертого» ряда не найден (табл. 42, 44).

В юго-западной части могильника рядная структура практически не прослеживается. Здесь локализовано не менее десяти погребений (могилы 17, 19, 27, ямы 75, 92, 94, 96, 111, 122, 126Б). Два из них (ямы 75 и 92) частично разрушены котлованом неолитического умытчинского сооружения 30. Могила 17 прорезает верхнее заполнение мезолитической могилы 18. Северная часть могилы 19 прорезана ямой 126Б, которая в свою очередь разрушена ямой могилы 27. В заполнении всех погребений, за исключением ямы 122, присутствовала охра. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могиле 19. Погребальный инвентарь из могилы 17 представлен ретушированным отщепом, из могил 19 и 27 – обломками посуды шоушминского типа (рис. 44 – 1, 2, 5).

В северной части могильника просматривались ряды, вытянутые по линии ЮЮЗ–ССВ. Они включали 11 погребений (ямы 44А, 59, 60, 71А, 77, 81А, 93, 134 и могилы 3, 8, 34). Часть из них (яма 59, могилы 3 и 4) частично разрушена внешними ямами сооружения 16 среднего неолита. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могилах 2, 3 и 8 (табл. 42, 44), погребальный инвентарь – шлифованное острие – в могиле 34 (рис. 44 – 17).

На восточной и западной периферии могильного поля локализованы короткие ряды погребений, в заполнении которых отсутствовал погребальный инвентарь, останки и охра. В восточной части могильника изучено 11 таких погребений. Шесть из них, ямы 168А, 168, 169, 170, 171, 172, ориентированы СВ–ЮЗ, выстроены в ряд, вытянутый по направлению ССЗ–ЮЮЗ. Еще пять погребений (ямы 167, 181, 184, 185, 240), расположенные в этой же части могильника, не образуют ряда. Они ориентированы СЗ–ЮВ, ССВ–ЮЮЗ и С–Ю. На юго-восточной периферии могильного поля находится группа из трех погребений (ямы 223–225), образующих короткий ряд, ориентированный СЗ–ЮВ. Ямы прямоугольной и овальной формы вытянуты по длинной оси по направлению СВ–ЮЗ. Группа из четырех погребений, ям 40–43,

выстроенных в ряд, локализована на юго-западной периферии могильного поля. Могильные ямы имели прямоугольную форму, ориентированы СЗ–ЮВ.

На южной периферии могильника локализованы погребения, не входившие в рядную структуру: ямы 113, 163, 226, 229 и 229Б, 237. Могилы прямоугольной формы ориентированы СЗ–ЮВ. В их заполнении, за исключением ямы 237, присутствовала охра. Останки и погребальный инвентарь в них не найдены. По углю из ямы 237 получена дата 6079 ± 70 BP (SPb-1110), 5212–4810 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 42).

На северной периферии могильного поля располагалась *могила 25*, захоронение в которой совершено было по обряду кремации.

Таким образом, «ядром» неолитического могильника являются длинные ряды погребений, расположенные параллельно друг другу и ориентированные ЮЗ–СВ. Количество могил в этих рядах – от 8 до 21. На востоке и западе, в 12–20 м от «ядра» могильника, располагались обособленные локации с рядной планировкой, включающей от 3 до 6 ям в ряду. Форма могильных ям прямоугольная (76 %¹⁵), овальная (21 %) и сигаровидная (3 %). Могилы ориентированы СЗ–ЮВ (56 %), ЮЗ–СВ (15 %) и З–В (10 %) (рис. 54). Две трети ям имеют длину от 1,56 до 2,50 м и глубину от 0,15 до 1,40 м (рис. 56, 57). Их стенки вертикальные или слегка наклонные, плавно переходящие к чашевидному в поперечном сечении дну. В четырех ямах по периметру дна выявлены канавки шириной 0,15–0,20 м и глубиной 0,05–0,18 м.

В 76 % могил присутствовала бордовая или красная охра (рис. 44 – А: 1, 2). Абрис охры в плане всегда был четким, в разрезе линза имела очертания уплощенного овала. Слой охры обычно заканчивался на глубине 0,1–0,2 м выше дна могилы. Почвы севера Западной Сибири характеризуются высоким промывным режимом, но, несмотря на эту особенность, охра не расплылась по яме, а сохранила четкие очертания. Этот факт может указывать на помещение тела, засыпанного охрой, в мягкие пелены. Концентрация охры увеличивалась от ног погребенного к голове. Как минимум в пяти могилах охра фиксировалась на двух / трех уровнях в верхнем или среднем заполнении ямы. Не исключено, что таким образом, при отсутствии антропологических останков, могут быть маркированы ярусные захоронения. Примечательно, что погребения без охры располагались на западной, восточной и южной периферии могильного поля. В центральном массиве зафиксировано лишь 9 погребений без охры (рис. 42 – Г). Верхнее и среднее заполнение могильных ям содержало уголь разной степени насыщенности. Включения мелких угольков отмечены на дне могил, на уровне залегания костей без признаков высокотемпературного воздействия.

Останки сохранились плохо: в 29 погребениях обнаружен костный тлен, мелкие фрагменты костей и эмаль зубов (табл. 42). Практиковались ингумация и кремация. При

¹⁵ Здесь и далее от числа захоронений среднего неолита – от 118.

ингумации тела укладывали в выпрямленном положении с вытянутыми вдоль корпуса руками и выпрямленными ногами, лицом вверх или вниз, головой на СЗ (60 %¹⁶), СВ (13 %) и З (13 %) (рис. 42 – В; 55). Преобладают одиночные захоронения. Достоверно к парным относится могила 9, в которой два черепа лежали рядом на одном уровне. Могила 16 ярусная, останки двух умерших лежали головами на СЗ и ЮВ.

Кости с признаками высокотемпературного воздействия обнаружены в семи могилах. Видимо, таких захоронений было больше. Сожженные кости найдены в переотложенных грунтах руинированных построек последующих эпох. Шесть кремированных захоронений находились в южной части могильника, еще одно (могила 25) – на его северной территории (рис. 42 – Д; 58). К сожалению, пространство между основным массивом могил и его северной периферией (?) разрушено землеройным карьером. Захоронения с кремациями обладали общими признаками с погребениями по обряду трупоположения. Они совершены в прямоугольных или овальных ямах, ориентированных СЗ–ЮВ. В могилах присутствовала охра, в ней, преимущественно по центру ямы, залежали кремированные останки (рис. 58). Кремация тел осуществлялась вне территории могильника на открытом пламени при температуре 400–1000 °С. Тело покойника из могилы 25 сожжено вскоре после наступления смерти. В других случаях сжигались скелетированные останки. В двух погребениях (могила 16В и могила 29) кремированные останки и кости без термического воздействия залежали совместно [Ражев, 2013; Святова, 2014].

На могильнике изучены погребения и взрослых, и детей. 14 погребенных умерли после достижения 16–18 лет. В могиле 24 захоронен семилетний ребенок. Зуб ребенка 5–12 лет найден в сооружении 14 позднего неолита – при его строительстве были разрушены могилы на юго-западной части некрополя. Детские останки (до 7 лет) определены и среди кремированных костей разрушенных погребений. Пол установлен у шести погребенных – три женщины и трое мужчин. По мнению Д. И. Ражева, одонтологические признаки – пятибугорковый второй нижний моляр – указывают на присутствие у индивида из верхнего яруса могилы 16 генов «восточного» расового ствола (монголоидов). Состояние его зубной системы хорошее, без заболеваний или маркеров физиологического стресса (болезнь, голод), перенесенных в детстве [Ражев, 2013]. Взрослый индивид из могилы 28 перенес при жизни перелом костей.

Умерших сопровождали каменные орудия, украшения, обломки посуды (рис. 44). Они найдены в 14 погребениях (12 %¹⁷), а в трех могилах – еще и кости животных. Просматривается закономерность в расположении вещей. В область головы уложены тесла (могилы 10 и 15), строгальный нож, пренуклеус (могила 1); у пояса – ретушированный отщеп (могила 17),

¹⁶ Здесь и далее от количества погребений, выполненных по обряду ингумации, – от 22.

¹⁷ От количества погребений среднего неолита – от 118.

наконечник стрелы (могила 1), острие (могила 4); в ногах – нижняя часть глиняного сосуда (могила 22). Посуда фрагментарна, встречается как на дне могил, так и в их заполнении.

Шлифованные инструменты изготовлены из серо-зеленого сланца. Тесла из могил 10 и 15 (рис. 44 – 20, 23, 24) и острие из могилы 34 (рис. 44 – 17) оформлены оббивкой и продольной шлифовкой, стамеска из могилы 21 (рис. 44 – 22) – грубой диагональной шлифовкой. Тесла массивные, трапециевидной в плане формы, в профиле – трапециевидной и линзовидной. Особенностью орудий из могилы 15 является наличие неглубоких продольных желобков на одной из поверхностей. На теслах есть следы утилитарного износа и следы подновления¹⁸, т. е. с умершими клали использовавшиеся ранее, но целые и даже заново заточенные инструменты. Следы подновления имеются на ретушированном наконечнике и пренуклеусе из могилы 1 (рис. 44 – 15, 16). В могилах 16, 22 и 23 обнаружены мелкие отщепы; в могилах 6, 5 и 11 – сколы-чешуйки; в могилах 12 и 25 – обломки шлифованных изделий (рис. 58 – Г: 1, 2). Отнесение чешуек-сколов к погребальному инвентарю сомнительно. Не исключено, что попадание их в яму произошло при возведении деревянных (?) конструкций могилы. Так, на сколе-чешуйке из могилы 6 имеются следы, возникшие во время работы сланцевым теслом.

Украшений немного, но каждое из них индивидуально. У молодого человека, захороненного в могиле 1, это ожерелье из смоляных цилиндрических бусин-пронизок (табл. 46; рис. 43 – 3; 44 – 8–14). Обнаруженная в могиле 12 пластина из эмали резца бобра, вероятно, была деталью, украшавшей костюм. Перфорированный диск из человеческого черепа (рис. 43 – 1, 2; 44 – 21) лежал в области головы похороненного в могиле 12 человека и с ним не связан.

В восьми погребениях найдены обломки глиняной посуды. В могилах 4, 19, 23 и 27 – фрагменты сосудов шоушминского типа (рис. 44 – 1–6), в могилах 1, 3 и 12 – мелкие обломки посуды умытынского типа¹⁹. В ногах погребенного в могиле 22 лежала нижняя половина сосуда с шиповидным дном (рис. 44 – 19). Конструирование емкости на форме-основе и плотный шагающе-гребенчатый орнамент характерны для умытынской традиции изготовления и декорирования посуды. В неолитических материалах р. Конды сосуды с шиповидными днищами, украшенные прочерченным орнаментом, известны на поселениях среднего неолита БУм-9 (рис. 24 – 1), БУм-109.1 (рис. 36 – 3) и Мулымья 4 (рис. 59 – 16).

Жилищные комплексы среднего неолита

Более поздним относительно могильника является горизонт обитания, сформировавшийся в результате строительства и функционирования сооружений 16, 30, 31, 32 и 35 и наземных

¹⁸ Определения выполнены Е. Ю. Гирей.

¹⁹ В нижнем заполнении погребений 1, 3 и 12 присутствовали мелкие (< 1 см) фрагменты сосудов умытынского типа: в погребении 1 – 6 ед., в погребении 3 – 22 ед., в погребении 12 – 2 ед. Намеренное положение их с погребенным не бесспорно: могильные ямы находились вблизи неолитического умытынского сооружения 16, мелкие обломки поселенческой посуды могли попасть в заполнение могил позже, по корневым стволам и ответвлениям норной сети.

площадок (табл. 30: № 34–38; рис. 41 – Б; 46, 47). По типологии посуды эти объекты отнесены к памятникам умытшинского КТП.

Сооружение 16 состояло из котлована и десяти внешних ям по его периметру. К сооружению 16 отнесены еще четыре ямы (84, 121, 137 и 139) и три кострища (1–3), располагавшиеся на площадке поселения за внешними ямами. Котлован прямоугольной формы в плане, ориентирован ЮВ–СЗ, размером не менее 9,2×6,6 м (табл. 30: № 34; рис. 46, 47). Его глубина до 2 м, а конструкций, поддерживающих перекрытие, – не менее 2,5–2,7 м. Стенки котлована относительно вертикальные, дно ровное, горизонтальное. На уровне 0,4–0,45 м от пола, по периметру котлована, оставлены уступы – плечики шириной до 1,2 м. Форма углубленной части котлована в плане имела прямоугольные очертания, вытянутые ЮВ–СЗ, размеры не менее 6,6×5,2 м. У юго-западной стенки оформлено очажное место – четырехугольная конструкция размером 2×2 м, окруженная по периметру канавкой шириной до 0,2 м. Внутри конструкции выделялся коричнево-черный песок, поверх которого залегала овальная в плане линза буро-коричневого очажного слоя размерами 1,30×1,05 м (рис. 47 – 2). В противоположной стене котлована размещался коридор выхода размерами 2,4×1,7 м. Опорная конструкция состояла из спаренных столбов – по углам и стенкам. Внешний столб вкапывался от уровня уступа – плечика, а внутренний – от уровня дна углубленной части. По центру коротких стен размещена одна связка из двух столбов. По длинным стенам установлены по две связки из двух столбов по центру, расстояние между ними – 0,6–0,7 м. Заполнение нижней части котлована однородное – темно-серый песок с вкраплениями бордовой и красной охры. Пол маркирован тонкой (0,01–0,12 м) прослойкой темно-серого песка (рис. 47 – 1, 2).

По периметру котлована, на расстоянии от 2,1 до 3,0 м от него, было выкопано десять внешних ям, очевидно, в строительных целях, с последующим бытовым использованием (рис. 46; 47 – 4–5). Внешние ямы 1, 3, 4, 7–9 размерами до 1,5×2,5 м овальной и подпрямоугольной формы ориентированы длинной стороной вдоль стен котлована. Глубина ям от 0,6 до 1,65 м. К моменту возведения поздненеолитического сооружения 33 внешние ямы сооружения 16 уже обрушились и на них восстановился почвенный профиль. Находки из их нижнего заполнения, вероятно, являются «закрытыми» комплексами. Они представлены обломками и развалами сосудов из сооружения 16, каменными орудиями и костями животных²⁰. В яме 10 лежали кости северного оленя (челюсть, позвоночник, тазовые кости, ребра, кости ног) и лося (лопатка, кости ног, подъязычная кость), в яме 121 – крупные бедренные кости северного оленя, сосуд и абразив; в яме 6 – целый сосуд (рис. 47 – 5; 48 – 15).

К востоку от сооружения 16 на уровне древней дневной поверхности зафиксированы

²⁰ В яме 6 стоял сосуд 326 объемом 3,5 л (рис. 43 – 15); в яме 121 – сосуд 456; в яме 139 – сосуд 69 объемом 11 л (рис. 48 – 16).

линзы буро-коричневого слоя размерами 1,3–1,9×0,7–1,6 м овальной (кострища 2 и 4) или подпрямоугольной (кострище 1) формы. В кострищах найдены дробленая керамика и обломки посуды, в том числе и из сооружения 16. В кострище 1 обнаружены каменные предметы (табл. 25), обломок глиняного изделия, скопления костей рыб (табл. 32).

Комплекс находок сооружения 16 включает предметы: из котлована; внешних ям 1–10; ям 84, 121, 137 и 139; кострищ 1, 2 и 4; участков сохранившейся древней поверхности, а также артефакты²¹, перемещенные за пределы сооружения в поздние эпохи. По месту и глубине залегания находок выделено несколько микрокомплексов каменного инвентаря, претерпевших минимальные перемещения в позднем неолите и бронзовом веке (табл. 23). Первый – находки на полу сооружения: шлифованное тесло (рис. 22 – 16), ретушированный отщеп, пластина, отщепы, абразивы, сколы с участками рабочей плоскости абразива, долотовидное изделие. Второй микрокомплекс – предметы, найденные на площадке между котлованом сооружения 16 и внешними ямами 5 и 6, а также у восточного угла котлована на дневной поверхности: шлифованные ножи (рис. 21 – 1, 3, 5) и заготовка такого ножа, шлифованный наконечник стрелы иволистной формы, отщепы. В ямах найдены отщепы, шлифованные ножи, абразивы, фрагмент трехгранного (?) костяного изделия с пазом.

Обожженная глина из котлована сооружения 16, внешних ям 6, 8 и 10, ямы 84 представлена аморфными кусками размерами от 1,5×0,3 до 4,5×1,7 см. Вероятно, комки глины с отпечатками волокнистого материала (щепа или трава?) – это фрагменты глиняной обмазки, комки, сформованные в жгуты и лепешки, – обломки или заготовки изделий, комки с глубокими вдавлениями пальцев – пробы пластичности глины²².

Коллекция керамики из сооружения 16 содержит не менее 114 сосудов²³ умытынского типа (прил. 2.6; табл. 3–5, 8; рис. 48–51). Значительная часть керамического материала найдена в переотложенном состоянии – в заполнении котлованов сооружений 33 и 29, прорезавших котлован сооружения 16, и за его пределами. На полу сооружения 16 найдены фрагменты более 30 сосудов и целый миниатюрный сосуд (рис. 47 – 3; 48 – 7), в заполнении внешних ям – обломки сосудов из котлована и условно целые емкости (рис. 48 – 15, 16).

Вероятно, к одному поселку с сооружением 16 относились постройки, расположенные вблизи от него, – наземные (сооружения 32 и 35) и углубленные (сооружения 30 и 31), а также многочисленные наземные кострища (рис. 45). Посуда и каменный инвентарь из них идентичны комплексу сооружения 16. Предполагаемая синхронность сооружений 16, 31 и 32

²¹ Это относится в первую очередь к фрагментам посуды.

²² Подобная интерпретация глиняных комков в составе жилищного комплекса предлагается В. Н. Кармановым [2012. С. 441, рис. 10]. В составе глины визуальнo не зафиксирована примесь шамота и охры, характерная для состава формовочных масс неолитических сосудов.

²³ По отчету выделено 116 сосудов, в данной работе выборка представлена 114 сосуда, так как была уточнена планиграфия и сосуды 169 и 301 отнесены к сооружению 31.

подтверждается анализом распространения находок. В наземных кострищах, расположенных вблизи сооружений 16 и 32, 30 и 31, а также на значительном расстоянии от них, найдены мелкие обломки керамики и глиняных изделий, каменные предметы, скопления кусков обожженной глины и пережженные кости. По декоративно-морфологическим признакам керамика из наземных кострищ составляет единый комплекс с посудой из сооружений 16, 30–32 и 35. Особенностью этой посуды является плохая сохранность, обилие мелких фрагментов, а также большее, по сравнению с жилищными комплексами, количество миниатюрных неорнаментированных сосудов. Изделия из глины фрагментированы, представлены аморфными кусками, иногда с отпечатками пальцев или волокнистого материала. Часть из них – это обломки жгутов, шариков или лепешек. В наземных кострищах найдены обломки глиняных брусков треугольной и трапециевидной формы.

Хронологическая позиция сооружений 16, 30–32 и 35 определяется по стратиграфии памятника и радиоуглеродным датам. Стратиграфическая позиция прослежена по котловану сооружения 16, прорезавшего могильные ямы (рис. 46). Этот котлован был частично разрушен сооружением 33 позднего неолита и сооружением 29 позднего бронзового века [Погодин, Труфанов, 2017. С. 64, рис. 3]. На более поздний возраст сооружений 30 и 31 относительно могильника указывает то, что их котлованы прорезают погребения (ямы 75, 92, 97, 101) (рис. 43 – Б). Согласно радиоуглеродным датам, могильник среднего неолита функционировал с 6069–4273 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 41–43), а поселок позднего неолита – с 4324–3381 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 35–40). Из сооружения 16 получены даты по углю – 5610±80 BP (Ki-17963), 4678–4330 кал. л. до н. э., по керамике – 5153±120 BP (SPb-1425), 4260–3696 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 30; рис. 48 – 13). Вторая дата представляется нам некорректной: временной интервал слишком близок ко времени ушьянского поселка или совпадает с ним. Датирование керамики, в том числе умытынского типа, неоднократно показывало более молодой возраст (например, даты наземного комплекса 1 поселения БУМ-100; см. табл. 2: № 33, 34). Полагаем, что хронологическая позиция сооружений с умытынским типом керамики поселения БУМ-100 может быть определена первой половиной V тыс. до н. э.

Стоянка среднего неолита – наземный комплекс 1

В 70 м к ЗСЗ от сооружения 16 изучено локальное залегание керамики, каменных и костяных изделий, кальцинированных костей (рис. 41). Неолитический горизонт обитания практически не отличался по структуре и цвету от слоев естественного почвенного профиля: на фоне темно- и светло-желтого иллювиального песка, на глубине 0,1–0,2 м от современной поверхности, зафиксированы линзы оранжево-серых пятен (прокала или охры), насыщенные мелкими кальцинированными костями, обломками глиняной посуды, каменными и костяными изделиями. Находки залегали полосой 13×4 м по оси ЮВ–СЗ. Мощность культурного слоя

составляла в среднем 0,15 м. В северо-западной части комплекса локализована яма овальной формы размерами 1,5×0,7 м и глубиной до 0,4 м. В 11 м к ЮВ от полосы культурного слоя выявлено пятно охристого песка площадью 3,4 кв. м и мощностью до 0,3 м.

Каменный инвентарь из наземного комплекса 1 (*далее – НК-1*) представлен орудиями, использовавшимися в хозяйственной деятельности: скребки, ножи, наконечники стрел, абразивы (табл. 26; рис. 20 – 1–3; 22 – 20). Для их изготовления использованы гальки и плитки валунно-галечных отложений террас р. Большой Умыты. Расщепление галек осуществлялось в ударной и призматической технике. Скоблящие и колющие инструменты (ретушированные наконечники стрел, скребки) выполнены из кремнистых пород; режущие, строгальные, колющие и рубящие инструменты – из плиток серо-зеленого сланца; абразивные инструменты – из сланцевых плиток и валуна кварцитопесчаника (табл. 26). Наконечники стрел иволистной формы, ретушированные – с линзовидным поперечным сечением, шлифованные – с ромбическим. Абразивные плитки с одной и двумя рабочими плоскостями на широких поверхностях. Профиль рабочих зон слегка вогнутый. Многие предметы обожжены. Ножи и скребки со следами использования, шлифованные наконечники с метательными сколами²⁴.

Изделия из кости кальцинированы. Два относительно крупных фрагмента размерами 4,0×0,7×0,4 и 2,6×0,9×0,3 см, по-видимому, являются обломками костяных колющих орудий игловидной формы. На трех изделиях фиксируются межплоскостные ребра, поперечное сечение орудий ромбическое, треугольное и овальное. В остеологическом материале определены кости млекопитающих, в том числе бобра.

Керамический комплекс содержит обломки 19 сосудов умытынского типа (прил. 2.5; табл. 3, 9; рис. 35). Емкости округлодонные, тонкостенные, украшены прочерченными узорами, иногда в сочетании с шагающе-гребенчатыми оттисками. Наличие сосуда с деформированными и сильно обожженными стенками интерпретировано как результат неудачного обжига посуды²⁵. Вместе с тем наличие отходов от производства каменных орудий, сломанных каменных и костяных орудий, костей животных позволяет интерпретировать НК-1 как кратковременную стоянку, на которой проводилась разнообразная хозяйственная деятельность, в том числе и по производству глиняной посуды.

Определение хронологической позиции этой стоянки по датам, полученным по керамике (рис. 35 – 2, 9), – 3450±150 (Ki-17448), 2100±70 (Ki-17978) (табл. 2: № 33, 34) – некорректно: обе даты не соответствуют хронологии неолита региона. По ряду признаков НК-1 поселения

²⁴ Определения выполнены Е. Ю. Гирей.

²⁵ Е. Н. Дубовцевой было высказано предположение, что вспучивание обмазки и деформация емкостей произошли под воздействием температуры, превышающей 700 °С. Однако в результате эксперимента по обжигу посуды из глины, собранной в пойме р. Большой Умыты (на территории этого же памятника), установлено, что деформация емкостей и вспучивание обмазки могли возникнуть при более низких температурах и быть обусловлены свойствами местной глины. Экспериментальные исследования проводились Е. Н. Дубовцевой в 2013 г.

БУМ-100 близок материалам памятников умытйинского типа – поселений БУМ-9, 57, 109.1 и 109.2 [Погодин, 2010; Погодин, Миронов, 2009; Клементьева, Труфанов, 2019]. Сходство проявляется в территориальной организации поселений: локализация находок в пределах НК-1 напоминает наземные комплексы поселений БУМ-57 и 109.1. Одинаковы техника обработки камня и набор основных типов орудий. Посуда обладает базовыми признаками умытйинского типа: изготовлена на формах-основах, тонкостенная, без внутренних наплывов, декорирована преимущественно в технике прочерчивания, под венчиком расположен поясок отверстий / ямок [Клементьева, Труфанов, 2019]. При сопоставлении керамики НК-1 и сооружения 16 поселения БУМ-100 обнаруживается, что для поселенческой посуды характерны более толстостенные емкости (отношение диаметра к толщине стенок равно 39), под венчиком преобладают глубокие ямки (40 % ямки, 24 % отверстия), орнамент более плотный, присутствуют емкости ладьевидной формы и миниатюрные сосуды. Больше черт сходства прослеживается между керамическими комплексами НК-1 и поселений БУМ-109.1, 109.2 и 57: соотношение размера устья и толщины стенок варьируется в пределах 47,5–50,4; под венчиком проколоты отверстия; края сосуда изнутри и снаружи декорированы отпечатками гребенки; велика доля сосудов с разреженной и неполной орнаментацией (табл. 3). Время бытования поселков БУМ-109.1 и 109.2 определено второй половиной V тыс. до н. э. (табл. 2: № 44–51), сооружения 16 поселения БУМ-100 и жилища на поселении БУМ-57 – первой половиной V тыс. до н. э. (табл. 2: № 16–20, 29, 30). Такой признак, как пропилены на «ушке», известен лишь на сосуде НК-1 и пяти сосудах поселения БУМ-9 (рис. 24 – 4, 6–8). Однако необходимо отметить бóльшую плотность орнаментов на посуде поселения БУМ-9 и высокий удельный вес гребенчатой орнаментации на ней. Поселение БУМ-9 датировано началом VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 11, 12). Полагаем, что хронологическая позиция НК-1 БУМ-100 может быть определена в широком интервале с начала VI до конца V тыс. до н. э. Эта стоянка, вероятно, не связана с деятельностью населения, оставившего сооружение 16 поселения БУМ-100²⁶.

Жилищные комплексы позднего неолита

На поселении БУМ-100 изучено шесть углубленных жилищ (сооружения 14, 17, 25, 27, 28, 33) (табл. 30: № 47–52) и два наземных комплекса (НК1-ПН и НК2-ПН) (рис. 52) с посудой ушьяинского типа (рис. 60). По разрезам котлованов сооружений 14, 25 и 33 прослежена такая стратиграфия: котлованы этих построек прорезают могилы среднего неолита; котлован сооружения 33 впущен в котлован сооружения 16 среднего неолита с посудой умытйинского типа и перекрыт культурным слоем сооружения 29 бронзового века (рис. 46 – Б); котлован сооружения 25 перекрыт котлованом сооружения 34 раннего бронзового века с посудой полымьятского типа. По разрезам котлованов сооружений 17, 27 и 28 признаков перекрытия

²⁶ Предположение основано на декоративно-морфологических особенностях посуды.

ими более ранних объектов не выявлено.

Сооружение 14 и НК2-ПН. Котлован жилища в северной части срезан канавой трубопровода, размеры его сохранившейся части 9,3×6,2 м. Он был выкопан на глубину 1,3 м от древней дневной поверхности. Края котлована ровные, на углах и единично по стенкам наблюдались округлые расширения наружу. Конструкция вписанной в котлован постройки маркирована канавками шириной до 0,2 м, проходившими на расстоянии 0,3–0,4 м вдоль его стен. Расположение ямок от опорных столбов на площади котлована дисперсное – их наибольшее сосредоточение зафиксировано в юго-западной половине сооружения. Пристенное заполнение котлована представлено углистым темно-серым песком мощностью 0,6–0,7 м и шириной от 1,0 до 1,5 м (рис. 52). Возможно, формирование данного слоя связано с наличием в этой части постройки деревянных элементов конструкции – стен и нар. Внутреннее пространство жилища размером 5,6×4,0 м заполнено темно-коричневым и темно-серым охристым песком. В центре постройки располагалось наземное кострище – овальная линза очажного слоя размерами 1,65×1,15 м и мощностью до 0,15 м. К северу и югу в 0,85 и 1,2 м от кострища располагались две приочажные ямы подпрямоугольной формы размерами 1,5×1,4 и 1,50×1,75 м, глубиной до 0,22 м.

Обваловка по периметру котлована (грунт, вынутый при его выкапывании) была окрашена охрой. Она перекрывала горизонт дневной поверхности на момент строительства жилища. Ширина обваловки достигала 3,5 м. На ее внешнем крае, в 2,8–3,0 м к югу от котлована, зафиксированы прямоугольные в плане линзы красно-коричневого охристого песка шириной до 1 м, маркировавшие часть НК2-ПН, связанного с периодом функционирования сооружения 14. В 1,2 м к западу от котлована сооружения 14 изучена яма 51 – прямоугольная в плане с округлыми углами, размерами 2,52×1,56 м, глубиной до 0,45 м. Яма 51 прорезала три могилы: яму 51А, яму 54 и могилу 21 (табл. 44).

Коллекция находок сооружения 14 включает обломки сосудов ушьянского типа (прил. 2.9; табл. 3–5, 16; рис. 60 – 1, 2, 8, 10–15; 61), предметы из камня (табл. 29; рис. 62 – 1, 3, 6, 9–12, 14; 63 – 1, 2, 12, 13; 64 – 1–3, 5–7, 9, 12, 14, 20–24), глины (11 ед., рис. 18 – 8, 9, 11) и кости (22 ед., рис. 18 – 2–6), остеологический материал (табл. 33) из заполнения котлована, околожилищного пространства, НК2-ПН и ямы 51. В котловане предметы залежали преимущественно вдоль стен полосой 1,2–1,5 м. У западной стены лежала шлифовальная плита. Мощность слоя, максимально насыщенного керамикой, достигала 0,15 м на уровне пола. За пределами котлована артефакты локализованы на расстоянии 1,0–1,5 м от его границ, их концентрация отмечена в НК2-ПН²⁷.

²⁷ В НК2-ПН найдены фрагменты как минимум 33 сосудов. Большая часть фрагментов этих сосудов залегала и в котловане сооружения 14. Керамика из НК2-ПН по технологическим, морфологическим и декоративным

Набор каменных изделий из сооружения 14 отражает основные направления хозяйственной деятельности на поселении: изготовление орудий (сырье, ядрища и продукты расщепления, наковальни, пилы, абразивы), обработку дерева (тесла, рубящие орудия) и шкур (скребки, остря), изготовление глиняной посуды (гребенчатые штампы), хозяйственных ножей, наконечников стрел и т. д. Использовалось местное сырье в виде плиток и галек, материалом служил кремень, кварц, кварцит, сланцы. Шлифованные наконечники стрел (14 ед.) иволистной формы с ромбическим сечением (рис. 62 – 6, 9–12, 14) практически все фрагментированы. Два ретушированных изделия на пластинах типологически определены как наконечники стрел кельтеминарского типа (рис. 62 – 1, 3) [Чемякин и др., 2015]. По следам износа, зафиксированным Е. Ю. Гирей, установлено их использование в качестве сверл по твердым абразивным материалам (камню). Шлифованные тесла трапециевидные в плане с прямым или треугольным обухом (рис. 63 – 12, 13). Кромки их лезвий подведены фаской. Половина тесел из сооружения (8 ед.) сломана, представлена обломками лезвий и обухов. Шлифованные ножи изготовлены из плиток серо-зеленого и фиолетово-серого сланца. Они представлены изделиями с треугольным клинком, прямым обухом и прямоугольной рукоятью (рис. 63 – 1, 2). В комплексе два шлифованных ножа-вкладыша трапециевидной и сегментовидной формы размерами 19×9×2 и 23×7×2 мм. Из отщепов выполнены скребки, оформленные крутой ретушью со спинки и с брюшка. Из пластин – остряе, концевой скребок, вкладыши составных орудий. Орудия с комбинированными функциями представлены наковальней-абразивом и пилами-абразивами. Пилы по камню изготовлены из плиток и отщепов. Самая многочисленная группа предметов – абразивы – включает шлифовальную плиту, плитки из зернистых пород и кварца и оселки. Рабочие абразивные зоны прямые, желобчатые и кюветообразные.

В качестве скребков использовались и обломки поселенческой посуды. Керамические скребки (17 ед.) сработаны по периметру, их края имеют пришлифованную поверхность.

В яме 51, расположенной вблизи сооружения 14, найдена глиняная орнитоморфная скульптурка размерами 17×26×19 мм (рис. 18 – 9). Тело смоделировано из куска глины, голова и шея – из изогнутого жгутика. По спине ребром палочки нанесены длинные насечки.

В котловане сооружения 14 также были найдены кальцинированные фрагменты костяных изделий. Среди них – обломки 6 каплевидных подвесок с линзовидным сечением размерами 7,0–13,0×6,0–11,0×0,2–0,4 мм. Поверхность подвесок зашлифована, в верхней части просверлены отверстия для подвешивания (рис. 18 – 2–6).

Объектами промысла, судя по остеологическому материалу из сооружения 14, были лось

признакам не отличается от посуды из котлована сооружения 14, далее вся посуда будет рассмотрена как единый комплекс (прил. 7).

и северный олень, заяц, волк, бобр, соболь, птица и рыба, в том числе щука (табл. 33).

О керамическом производстве на поселении свидетельствуют находки обожженной глины (7 ед.), фрагментов глиняных изделий (6 ед.) и орнаментиров (16 ед.). Кусочки глины – аморфные комки, расплюснутые (рис. 18 – 8) или расформованные в ленты, скатанные в шарики, с отпечатками пальцев (рис. 18 – 11) или щепки (рис. 18 – 12), – вероятно, являлись пробой пластичности сырья или отходами производства. Гребенчатые штампы изготовлены из плиток лимонита, сланцев, сработанных абразивов и обломков шлифованных орудий (14 ед.), из осколков вышедшей из употребления глиняной посуды (2 ед.) (рис. 64 – 1–3, 5–7, 9, 12, 14, 10–24, 27, 28). Инструменты разнообразны по размеру и форме зубцов, количеству рабочих краев и способу их оформления [Клементьева, Погодин, 20176].

Комплекс керамики из сооружения 14 и прилегающего к нему пространства представлен 6956 фрагментами сосудов ушьянского типа, из которых 5582 (80 %) залежали в котловане. Выделено 215 сосудов (прил. 2.9; табл. 3–5, 16; рис. 60 – 1, 2, 8, 10–15; 61), бóльшая их часть (110 ед.) найдена в заполнении котлована. Фрагменты 92 сосудов залежали как в котловане, так и за его пределами; только с внешней стороны сооружения найдены фрагменты 9 сосудов. По технологическим, морфологическим и декоративным признакам они не отличаются от посуды из котлована, составляют единый комплекс. Посуда округлодонная, тонкостенная, украшена печатно-гребенчатыми отпечатками каменных, керамических и костяных штампов, а также костями животных [Клементьева, Погодин, 20176].

Сооружение 25 имело четырехугольный котлован размерами 6,3×5,6 м (табл. 30: № 49; рис. 52, 65). В центре постройки находилась очажная конструкция, состоявшая из наземного кострища и двух приочажных ям. Кострище фиксировалось в виде овальной линзы очажного слоя размерами 1,4×1,1 м. С северо-западной и юго-восточной сторон от него располагались две ямы прямоугольной формы размерами 1,8×1,2 и 1,05×0,92 м и глубиной до 0,5 м. По дну котлована, вдоль его стен, прослежены углубленные участки, пристенная канавка, ямки столбовой конструкции и подина кострища. К сооружению 25 отнесены две прямоугольные ямы, расположенные в 2 м к юго-западу и в 4 м к северу от котлована.

Коллекция находок из котлована сооружения 25, межжилищного пространства и выкида при строительстве сооружения 34 включает фрагменты керамики ушьянского типа (3401 ед.), костяных (10 ед.) и глиняного (1 ед.) изделий, каменный инвентарь (96 ед.), кусочки обожженной глины (2 ед.). В остеологическом материале определены кости млекопитающих и щуки (табл. 34). Каменный инвентарь содержит продукты дебитаж (колотые гальки, контрударное ядрище, отщепы), изделия в технике абразивной отделки (наконечники стрел, ножи, тесла) и сколы с них, ретушированные инструменты на отщепах и плитках. Шлифованные ножи из сланцевых плиток имеют треугольный клинок и дуговидное лезвие

(рис. 63 – 5, 6). У одного из ножей оформлена рукоять, отделенная от клинка заплечиком (рис. 63 – 10). Наконечники стрел листовидной формы – шлифованные (рис. 62 – 2, 7) и с краевым ретушированием продольных сторон (рис. 62 – 4). Шлифованное тесло (рис. 63 – 11) прямоугольной формы с небольшим сужением у обуха. Рабочая часть выделена широкими скошенными плоскостями, лезвие сильно забито и деформировано краевыми сколами. В сооружении 25 найдено 8 орнаментиров. Гребенчатые штампы изготовлены из обломков шлифованного наконечника (рис. 64 – 8), абразивных плиток (рис. 64 – 11, 15, 17) и керамики (рис. 64 – 25, 26). Из обломков посуды сделаны скребки (7 ед.). Большинство костяных предметов, среди которых наконечник гарпуна (рис. 18 – 7) и бусина (бисер) диаметром 3,6 мм (рис. 18 – 1), кальцинировано.

Керамический комплекс из сооружения 25, представленный обломками 84 сосудов ушьянского типа (табл. 3–5; рис. 60 – 7; 66), по технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам идентичен комплексу сооружения 14. Доля сосудов, декорированных каменными и керамическими штампами, составляет 81 %²⁸, костяными – 13 %, костяными штампами – 5 %. Орнаменты из оттисков каменных / керамических штампов и костей имеют высокую плотность, из оттисков костяных штампов – разреженные, основаны на чередовании прямых горизонтальных линий и зигзагов, включают «флажки».

Сооружение 27 имело прямоугольный котлован размерами 5,3×4,3 м (табл. 30: № 50; рис. 52). Его юго-западный край разрушен современной ямой. Пол постройки маркирован прослойкой красно-розовой охры мощностью до 0,1 м. Вдоль северо-северо-западной стены котлована и прилегающих участков смежных стен прерывисто фиксировалась канавка шириной до 0,2 м, по центру котлована – две ямки округлой и овальной формы глубиной 0,12 и 0,26 м. Ямки и канавки заполнены желто-серым, серо-розовым, розово-серым охристым песком с включением белого песка. В котловане и рядом с ним найдена керамика ушьянского типа и каменные предметы (табл. 32; рис. 62 – 5, 8; 63 – 4, 7)²⁹. Керамический комплекс содержит фрагменты 18 сосудов³⁰ ушьянского типа (рис. 60 – 9). Емкости закрытой формы с округлым либо слегка приостренным дном. Некоторые из них с плавным прогибом верхней части. В сооружении 27 преобладают сосуды, декорированные костяными штампами – длинными и узкими, отсутствуют неорнаментированные сосуды.

Сооружение 28 и НК1-ПН. Котлован прямоугольной формы, размерами 3,8×2,8 м и глубиной 0,6 м от уровня древней поверхности (табл. 30: № 51; рис. 52). По центру котлована располагалась овальная линза темно-серо-коричневого песка – остатки наземного кострища. Под полом отмечены элементы конструкции – подина кострища, пристенная канавка глубиной

²⁸ Здесь и далее от общего количества сосудов в комплексе – от 84.

²⁹ Здесь учтены данные из отчета по работам в 2013 г. [Клементьева, 2014].

³⁰ По результатам 2012 г., материал 2013 г. не обработан.

0,06–0,1 м и шириной 0,1–0,2 м. В 0,5 м к ЮЗ от края котлована на погребенном подзоле локализована линза красной охры диаметром до 0,45 м – НК1-ПН. В охристом слое под обломком нижней части перевернутого вверх дном сосуда обнаружены кости северного оленя, соболя и рыб, а также два фрагмента костяных изделий игловидной формы.

Коллекция находок из котлована сооружения 28, межжилищного пространства и НК1-ПН включает 215 предметов. Каменный инвентарь представлен колотой галькой, отщепом, абразивами, двумя орнаментами (рис. 64 – 13, 19), сколом шлифованного орудия (табл. 29). Керамический комплекс – фрагментами 14 сосудов, близких по морфологическим и декоративным признакам посуде из сооружений 14, 25 и 27.

Котлован *сооружения 17* зафиксирован на поверхности в виде четырехугольной впадины с обваловкой размерами 2×2 м и глубиной до 0,2 м (табл. 30: № 48; рис. 52). Валообразная насыпь шириной 2,5–3,2 м и высотой до 0,2 м перекрывала древнюю дневную поверхность. Прямоугольный котлован размерами 2,8×2,4 м был углублен на 0,55 м. В нем найдены фрагменты одного сосуда ушьянского типа – округлодонной, слабопрофилированной емкости с закрытым устьем. Диаметр устья 20 см, толщина стенок до 0,4 см. Под венчиком расположен ряд отверстий. Орнамент, выполненный костяным узким и длинным штампом в технике прокатывания и штампования, состоит из прямых горизонтальных линий. Бордюрная зона выделена вертикальными оттисками, средняя часть тулова – «флажками».

Котлован *сооружения 33* прямоугольный, размерами 8,2×7,8 м и глубиной не менее 1,2 м (табл. 30: № 52; рис. 52). По северному и восточному углам прослежено плечико шириной до 1,5 м. Размеры углубленной части котлована – 7,2×5,6 м. Очаг, обустроенный в овальной яме размерами 2,15×0,95 м, расположен по центру котлована. На участке северо-западной стены, сопряженном с западным углом, выделялась подпрямоугольная ниша размерами 2,3×0,4 м. В западном и южном углу котлована отмечались округлые выступы, видимо, маркирующие места установки опорных конструкций. По северному углу котлована выявлены две ямки от столбов, вдоль северо-восточной стены – канавка шириной 0,12–0,22 м.

В котловане сооружения 33, прорезающего более раннюю постройку (сооружение 16), найдены обломки посуды умытшинского и ушьянского типов, изделия из камня, глины и кости. Комплекс керамики представлен 288 фрагментами не менее чем 10 сосудов ушьянского типа (прил. 2.10; табл. 3–5, 16; рис. 60 – 3–6), найденных как в границах котлована, так и за его пределами, в слоях выкида. Фрагменты двух сосудов, объемом 12,3 и 22,7 л (табл. 4, 5; рис. 60 – 3, 5), залежали в виде скоплений в северном углу сооружения и рядом с очагом. Достоверно с сооружением 33 можно связать два каменных предмета – орнаментир (рис. 64 – 10) и абразив.

На основании сравнительного анализа оттисков на посуде и экспериментальных оттисков орнаментиров предполагается одновременность сооружений 14 и 25 [Клементьева, Погодин,

20176. С. 41, 43]. Не исключено, что функционирование остальных построек происходило не одновременно, а на протяжении длительного времени. По углю из котлована сооружения 14 получены даты 5310 ± 60 BP (Ki-17968), 4324–3988 кал. л. до н. э. и 5170 ± 60 BP (Ki-17969), 4226–3796 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 35, 36); по углю из сооружения 28 – 5096 ± 70 BP (SPb-1114), 4040–3711 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 37); по углю и по керамике из сооружения 33 – 4890 ± 80 BP (SPb-1109), 3942–3386 кал. л. до н. э. и 4927 ± 120 BP (SPb-1424), 3972–3381 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 38, 39). Функционирование ушынских сооружений определено в широком временном интервале 4322–3711 кал. л. до н. э.

Ко времени ушынского поселка, вероятно, относится и оригинальный сосуд (рис. 67), найденный на площадке между сооружениями 27 и 28 в слое, содержащем обломки посуды из этих построек. Техника орнаментации (отступающе-накольчатая при помощи лопаточки с широким плоским краем) и композиция (чередование широких неорнаментированных зон и поясов из параллельных прямых линий, сгруппированных по две или три) этого сосуда соответствует умытыинскому типу керамики, форма емкости (слабопрофилированная, округлодонная) – ушынскому. Использование шамота из обломков ушынской посуды, вероятно, является свидетельством сосуществования в какой-то период времени групп населения, продолжавшего украшать посуду по «умытыинской» традиции, и населения, уже перешедшего на печатно-гребенчатую технику орнаментации. О том, что распространение нового орнаментального стиля длилось продолжительное время, можно судить по сохранению в орнаментах посуды ушынского типа поселения БУМ-8 элементов, выполненных в технике прочерчивания, отступления и шагания.

Погребение позднего неолита

Могила 7 располагалась в 0,5–0,8 м от южной стенки котлована сооружения 25 (табл. 40, 42; рис. 52). Могила удлиненно-овальной формы ориентирована ВСВ–ЮЗЮ, имела размеры в придонной части $2,43 \times 0,55$ м и глубину 0,47 м. В северо-восточной части ямы расчищена часть черепа мужчины 35–60 лет, заполненная костяными подвесками. По центру могилы, предположительно в районе тазовых костей погребенного, найден гребенчатый штамп (рис. 53).

Перекрытие погребения слоем выкида может свидетельствовать о том, что могильная яма была выкопана раньше котлована. Однако не совсем понятно, при строительстве какого сооружения – поздненеолитического (сооружение 25) или раннебронзового (сооружение 34), этот слой образовался. Если это выкид сооружения 25, то погребение в могиле 7 могло быть совершено в позднем неолите на территории ушынского поселка до начала строительства жилища. Если могилу 7 перекрывает слой выкида из сооружения раннего бронзового века, впущенного во впадину руинированного поздненеолитического сооружения, то погребение могло быть совершено на территории ушынского поселка во время его функционирования или

после него. На более позднее по отношению к захоронениям среднего неолита время погребения 7 указывают такие признаки, как ориентация ямы по линии ВСВ–ЗЮЗ, расположение головы погребенного в восточной части ямы, наличие в заполнении гребенчатого штампа и костяных подвесок каплевидной формы. Установлено, что штамп из погребения использовался для декорирования поселенческой посуды [Клементьева, Погодин, 2017б. С. 40–41]. Костяные подвески каплевидной формы, аналогичные изделиям из могилы 7, найдены в заполнении поздненеолитического сооружения 14 поселения Большая Умытъя 100 (рис. 18 – 2–6). Эта категория находок хорошо представлена в сопроводительном инвентаре погребенных эпохи неолита и раннего металла на широкой территории Зауралья и Западной Сибири. Наиболее ранние погребения с костяными каплевидными подвесками исследованы в Барабинской лесостепи в неолитических могильниках конца VI – V тыс. до н. э. Протока [Полосьмак и др., 1989. С. 24] и Венгерово-2А [Молодин и др., 2016. С. 36, 41], поздние – в Нижнем Притоболье на Втором Перейминском могильнике³¹ [Зах и др., 1991. С. 15–18] и могильнике шапкульской культуры Чепкуль 21 [Зах и др., 2005]. Даты из погребений могильника Чепкуль 21 и поселка позднего неолита Большой Умытъя 100 близки и указывают на рубеж V–IV тыс. до н. э. [Клементьева, Погодин, 2017б. С. 47–48]. Вероятно, к этому же времени относится и захоронение в могиле 7.

2.6. Поселение Большая Умытъя 109

Памятник расположен в Советском районе ХМАО – Югры в 58,7 км к ЮЮВ от ж/д станции Верхнекондинская в г. Советском (табл. 1: № 9; рис. 3; 8 – А). Его площадка занимает край правобережной террасы р. Большой Умытъя, в южной части обширного суходольного массива, ограниченного с севера р. Вершиной и безымянным ручьем на юге. Памятник исследован в 2011 г. на площади 3776 кв. м экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» под руководством С. А. Круземента [2012]. Выявлены и изучены однокультурные неолитические сооружения: котлованы двух построек и четыре наземных комплекса (рис. 68 – А). По локализации сооружений, результатам пространственного анализа распределения артефактов и радиоуглеродного датирования установлено, что в раскопе зафиксированы остатки как минимум двух разновременных поселений. Первое, БУм-109.1, представлено сооружением 1 и наземным комплексом 1 (далее – НК-1) (рис. 68 – В); второе, БУм-109.2, – сооружением 2 и наземным комплексом 2 (далее – НК-2) (рис. 68 – Б). Сооружения 1 и 2 удалены друг от друга не менее чем на 110 м. В процессе выделения сосудов и выяснения планиграфии их распространения было установлено, что ни один сосуд поселения БУм-109.1 не встречен на поселении БУм-109.2 и наоборот. По типологии посуды поселения отнесены к памятникам

³¹ Второй Перейминский могильник отнесен исследователями к сосновоостровской культуре, время бытования которой определяется в интервале V – начала IV тыс. до н. э. [Усачева, 2016. С. 12].

умытйинского типа [Клементьева, Труфанов, 2019]. Инокультурные неолитические «примеси» в составе коллекций отсутствуют.

Жилищный комплекс среднего неолита БУМ-101.1

Сооружение 1 – землянка с прямоугольным котлованом и уступами шириной 2,4–2,9 м (табл. 3: № 39; рис. 20 – В). Площадь котлована по полу 45 кв. м, по «плечикам» 111 кв. м, глубина – 1,8 м. По центру постройки располагался наземный очаг. Элементы крепи стенок представлены канавкой.

НК-1 расположен в 7–9 м к ЮВ от сооружения 1. Это огороженная прямоугольная площадка размером 32×23 м, ориентированная СЗ–ЮВ. Элементом ограждения являлась канава шириной и глубиной до 0,6 м. По юго-восточной и северо-западной стороне, напротив друг друга, в канаве имелись проходы шириной 1,9–2,7 м. На площадке располагались ямы, содержавшие кальцинированные кости рыб. Они были перекрыты «очажным» слоем – линзами бурого песка с углем мощностью 0,06–0,2 м.

На поселении БУМ-109.1, в котловане и НК-1, найдено 44 каменных предмета (табл. 27, 28; рис. 20 – 8, 9, 12, 13), 1370 фрагментов керамики, 141 фрагмент обожженной глины. В остеологическом материале определены кости млекопитающих (лось, бобр), рыб (щука, окунь, сиговые и карповые виды) и птиц. В керамическом комплексе выделено 135 сосудов умытйинского типа. Сохранность посуды низкая, в виде развалов найдены два небольших сосуда (рис. 36 – 1, 3). Емкости округлодонные, тонкостенные, с прочерченными и шагающе-гребенчатыми узорами (прил. 2.7; табл. 3–5, 10; рис. 36 – 1–3, 5–17; 37, 38).

По углю из котлована сооружения 1 получены даты 5650±50 ВР (Ki-17967), 4599–4361 кал. л. до н. э.; 5550±50 ВР (Ki-17974), 4489–4330 кал. л. до н. э.; 5510±60 ВР (Ki-17975), 4463–4243 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 44–46), позволяющие отнести время функционирования постройки к третьей четверти V тыс. до н. э.

Жилищный комплекс среднего неолита БУМ-109.2

Сооружение 2 – землянка с прямоугольным котлованом площадью 31 кв. м, глубиной до 1,2 м, ориентированным СВ–ЮЗ (табл. 30: № 40; рис. 68 – Б). В центральной части котлована располагался наземный очаг. Вокруг котлована, на расстоянии 0,2–5,0 м от его края, расположены 10 ям и ямок, видимо, составлявших с ним единый комплекс. В 2,8 м к ЮВ от котлована сооружения 2 выявлен *НК-2*, исследованный на площади 28 кв. м, остальная его часть, приуроченная к краю террасы, не изучена. Видимо, комплекс представлял собой площадку, оконтуренную канавами. Ширина канав 0,35 м, глубина 0,2 м. Внутри площадки выявлены три небольших канавки и пять округлых ям диаметром 0,4 м и глубиной до 0,3 м. Ямы и канавки были перекрыты охристым песком с углем мощностью 0,2 м.

Находки поселения БУм-109.2 представлены 37 каменными предметами (табл. 27, 28) и обломками 86 сосудов умытшинского типа (табл. 3–5, 11; рис. 36 – 4, 18–28; 39, 40).

По углю из котлована получены даты 5320 ± 70 BP (SPb-472), 4327–3991 кал. л. до н. э., 5320 ± 50 BP (SPb-470), 4222–3999 кал. л. до н. э., 5300 ± 100 BP (SPb-471), 4346–3951 кал. л. до н. э., 5265 ± 100 BP (SPb-473), 4336–3812 кал. л. до н. э., 5234 ± 70 BP (SPb-469), 4260–3820 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 47–51).

Помимо материалов поселений БУм-109.1 и 109.2, на площади раскопа собраны типологически идентичные им изделия из камня (табл. 27) и обломки керамики.

В камнеобработке поселений БУм-109.1 и 109.2 (табл. 27, 28) использовались ударно-контрударная, призматическая, абразивная техники и пиление³². Абразивы выполнены на плитках, заготовки отчленены пилением от исходного куска. Из отщепов изготовлены скребки. Пластина, видимо, использовалась как режуще-строгающий инструмент. Обнаружены шлифованные наконечники стрел иволистной формы с ромбовидным (рис. 20 – 9, 12, 13) или треугольным сечением (рис. 20 – 8). Один из наконечников, найденный на поселении БУ-109.1, украшен гравировками в виде волнистых линий, расположенных вдоль оси (рис. 20 – 8). Найдены шлифованные ножи с треугольным клинком и прямым обухом.

По облику материальной культуры поселения БУм-109.1 и 109.2 отнесены к умытшинскому КТП. По ¹⁴C-датированию установлен двухсотлетний разрыв в их существовании (табл. 2: № 44–51). При сравнении материалов этих поселений прослеживаются общие традиции организации жилого пространства, обработки камня и производства керамики. Также выявлены незначительные отличия в орнаментации керамики: посуда более позднего комплекса БУм-109.2 разнообразнее как по составу мотивов, набору и соотношению различных техник орнаментации, так и по их сочетанию [Клементьева, Труфанов, 2019].

2.7. Поселение Шоушма 10

Памятник находится в Советском районе ХМАО – Югры в 23,5 км к ЮВ от г. Советского, на левом берегу р. Конды (рис. 3; 69 – А). Он выявлен в 2007 г. Раскопки на площади 1376 кв. м проведены в 2011 г. экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» под руководством Н. Е. Труновой [2012] (табл. 1: № 42).

Жилищный комплекс среднего неолита. На террасе высотой 1,5 м, в 28 м от современной береговой бровки, изучен котлован двухкамерной постройки площадью не менее 100 кв. м (табл. 30: № 27; рис. 69 – Б, В). На глубине 1 м от современной поверхности в его границах выделились соединенные переходом два малых котлована. Их глубина от древней поверхности не превышала 0,9–1,0 м. Северная камера подквадратная, по ее северо-восточной и северо-

³² Трасологические определения выполнены Е. Ю. Гирей.

западной стеной в почвообразующем аллювии выделены песчаные уступы – «плечики» шириной 1,3–1,7 м и высотой 0,7–0,8 м от пола постройки. На их уровне (–1,5 м) площадь северной камеры составляла 44,7 кв. м, на уровне пола (–2,00...–2,05 м) – 20 кв. м. Южная камера имела прямоугольную форму и площадь 22 кв. м на уровне пола (–2,05...–2,10 м). Стенки камер были забраны деревом, элемент крепи выражен канавкой. Канавка шириной 0,15–0,30 м наблюдалась по восточной стене северной камеры и вдоль западной, южной и восточной стен – южной. Пол неровный, маркирован углем и локальными проколами. В северо-западных стенах обеих камер оформлены ниши, выступавшие на 0,6–0,7 м за линию стен. Ширина ниши в северной камере составляла 0,6 м, в южной – 1,3 м. В нишах расчищены ямы, ориентированные перпендикулярно стене. В северной камере яма 57 трапецевидной формы, размерами 1,45×0,90 м, глубиной 0,30 м; в южной – яма 22 овальная, размерами 0,37×1,84 м, глубиной 0,35 м. Не исключено, что в этих ямах были обустроены очаги³³. Опорная конструкция держалась на столбах, ямки от которых выявлены в углах, в центре и вдоль стен. Переход между камерами имел длину 1,8 м, наклонные стенки, его ширина по верху – 2,5 м, по дну – 1,8 м. Коридорообразный выход из постройки размерами 3×2 м располагался по центру юго-восточной стены южной камеры и был направлен в противоположную от реки сторону. Единый с постройкой ансамбль составляла яма 8, прямоугольная, размерами 3,3×1,8 м, глубиной 0,3 м, располагавшаяся в 0,7 м от северо-восточной стены северной камеры.

Коллекция артефактов включает 379 фрагментов глиняной посуды (прил. 2.11; рис. 70) и 109 каменных изделий (табл. 19; рис. 22 – 1–15, 29). Из 133 единиц кальцинированных остатков животных выделены кости северного оленя и лося. Из общего числа находок 77 % керамики и 76 % камня залегали на полу постройки и под ним. Три четверти артефактов обнаружено в северо-восточном углу и вдоль восточной стены северной камеры ниже уровня уступов-плечиков. Над ямой 57 найден округлодонный сосуд объемом 2,5 л (рис. 70 – 16; табл. 4–5). В юго-восточной половине камеры на площади 0,7×2,7 м от южного угла вдоль восточной стены (уч. Г/7–8) находки отсутствовали. Параллельно «области без находок» на полу залегали фрагменты крупного сосуда (рис. 70 – 19). Помимо керамики, в северной камере найдены скребки (рис. 22 – 1–4, 6, 10), сверла-провертки (рис. 22 – 7, 8), шлифованный нож (рис. 22 – 14), абразивы, ядрища (рис. 22 – 11, 12). В южной части постройки артефактов значительно меньше. Они представлены обломками крупной емкости, залегавшей рядом с ямой 22 (рис. 70 – 18), единичными фрагментами сосудов из северного котлована и восемью каменными предметами. Кусок от расколотого в древности абразива (рис. 22 – 29), большинство обломков которого обнаружены около ямы 57, лежал рядом с выходом из постройки. На древней

³³ Очаги, перекрывающие неглубокие ямы, соединенные канавками с приочажными ямами в периферийной части котлованов, зафиксированы в конструкции жилищ 2 и 2а поселения быстринской АК Быстрый Кульёган 66 в Сургутском Прибые [Поселение..., 2006. С. 9, рис. 6].

поверхности рядом с выходом обнаружены черепки тех же сосудов, что и в котловане, ядрище и продукты фрагментации галечного сырья.

Расщепление и обработка камня выполнялись в ударно-контрударной, отжимной, абразивной технике и пикетажем. Сырьем являлись гальки кварца (22 %³⁴) и кремня (54 %); процент изделий из яшмы, халцедона, кварцита и кварцитопесчаника невелик (12 %), еще меньше – из сланца и опоки (8 %). Гранитогнейсовые плитки (3 %) и валунчики использовались в качестве абразивов (табл. 19). Контрударные ядрища (17 ед.) выполнялись на гальках, отщепах, сколах шлифованных изделий и являлись основами для орудий – 7 из 19 скребков изготовлены на этом типе заготовки. Орудия на продуктах расщепления представлены скребками / стругами по шкуре (19 ед., рис. 22 – 1–4, 6, 10), ножом-скобелем по шкуре и сверлами-провертками (2 ед., рис. 22 – 7, 8). Определены продукты расщепления со вторичной обработкой (4 ед.), но без следов износа, являвшиеся потенциальными заготовками орудий. Абразивная техника представлена шлифовкой и пилением. Шлифовкой изготовлены нож (рис. 22 – 14) и долото (рис. 22 – 13); оба орудия сломаны в древности. Плитки и валунчики под абразивы предварительно подрабатывались оббивкой или пикетажем. Инструменты (3 ед.) имеют одну, две и четыре рабочих поверхности с желобчатой, чашеобразной и плоской формой абразивного изнашивания в круговой, продольной или диагональной кинематике. Каменные изделия поселения Шоушма 10 представляют комплекс специализированной индустрии, заключительным видом работы которой была обработка и выделка шкур.

В котловане постройки и с древней поверхности собраны черепки 29 сосудов (прил. 11; табл. 3–5, 12; рис. 70). Бóльшая часть керамического комплекса, 25 сосудов, – это толстостенные округлодонные емкости с плотным накольчатым и отступающе-прочерченным декором (рис. 70). Подобная посуда ранее была выделена в первую декоративно-морфологическую группу керамики раннего неолита Конды [Клементьева и др., 2012. С. 509], а позднее определена как шоушминский тип керамики [Клементьева, Погодин, 2017а]. Помимо этой посуды, в комплексе имеется обломок венчика сосуда умытынского типа [Клементьева и др., 2020. С. 94, рис. 8 – 3] и фрагменты сосудов, обладающих признаками шоушминского и умытынского типов [Клементьева и др., 2020. С. 94, рис. 8 – 2, 4]. Типологическая принадлежность еще одной емкости [Клементьева и др., 2020. С. 94, рис. 8 – 1] затруднена ввиду отсутствия аналогов в неолитических комплексах Верхней и Средней Конды. Фрагменты сосудов всех типов залегали в равных стратиграфических условиях, однако лучшую сохранность имела керамика шоушминского типа.

Возраст поселения Шоушма 10 установлен по углю с пола сооружения: 6700±100 BP (SPb-477), 5790–5474 кал. л. н.; 6500±100 BP (SPb-478), 5632–5300 кал. л. н.; 6350±70 BP (SPb-

³⁴ От общего числа предметов в комплексе.

479), 5480–5209 кал. л. н. (табл. 2: № 109, 110, 112) – и по керамике шоушминского типа (рис. 50 – 14); 6340±100 ВР (Ki-17442), 5485–5055 кал. л. н. (табл. 2: № 111).

2.8. Поселение Мулымья 3

Памятник расположен в Кондинском районе ХМАО – Югры в 53,8 км к ССЗ от г. Урая, в 45 км к ССВ от устья р. Мулымья (табл. 1: № 26; рис. 4; 71). Он занимает мыс на южной оконечности гривы размерами 200×140 м. Грива является первой надпойменной левобережной террасой р. Мулымья при впадении в нее безымянного ручья. Русло ручья огибает мыс с востока, юга и запада, его ширина до 70 м; водоток заболочен.

Памятник выявлен в 2005 г. Е. М. Беспрозванным. В 2019–2020 гг. экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» под руководством А. А. Погодина восточная часть памятника, разрушаемая автодорогой, изучена на площади 4065 кв. м (рис. 71 – Б) [Погодин, 2020; 2021; Клементьева, Погодин, 2023а]. Территория памятника неоднократно заселялась: в эпоху мезолита (?), в раннем и среднем неолите, в раннем бронзовом веке и в средневековье. Одним из наиболее ранних является комплекс ям под полом сооружения 25, предварительно датированный временем перехода от мезолита к неолиту (?). К раннему неолиту (последняя треть VII тыс. до н. э.) относятся комплексы мулымьинского типа – котлованы 16 построек, 16 локальных ям и пятно слоя с посудой мулымьинского типа (табл. 30: № 1–16; 42; рис. 72 – Б; 73, 74); к среднему неолиту (VI тыс. до н. э.) – сооружения 13, 15, 20 с посудой сумпаньинского, шоушминского и немнёлского типов, 4 ямы и 6 пятен слоя (табл. 30: № 19–21; рис. 72 – Б; 76); к раннему бронзовому веку (начало II тыс. до н. э.) – сооружение 30 и яма 18.

Жилищные комплексы раннего неолита

Изучено более 45 объектов, в их числе 3 двухкамерных (табл. 30: № 6, 9, 12; рис. 73 – Б, Г) и 9 однокамерных (табл. 30: № 1–5, 7, 13, 14, 16; рис. 73 – А, В) полуземлянок с глубиной котлованов 0,7–1,2 м, а также 4 прямоугольных наземных постройки (табл. 30: № 8, 10, 11, 15). Вскрыты две большие (7,5 и 12 кв. м) и не менее 20 малых ям (табл. 47). Состав находок – глиняная посуда, изделия из камня и глины, остеологические остатки – характерен для стационарных поселений. Посуда изготовлена из глины с шамотом и органическим раствором (прил. 2.12–2.17; табл. 3–6; рис. 74, 75, 77, 78). Сосуды толстостенные, плоскодонные, баночные или с выделенной шейкой. Орнамент выполнен в накольчатой, реже прочерченной технике, состоит из горизонтальных или диагональных линий, крупных треугольных фигур, горизонтального зигзага, ромбической сетки. Неотъемлемой частью является скульптурный декор в виде валиков в верхней части емкости и налепов по краю; присущи пояски глубоких ямок под венчиком; много посуды без орнамента³⁵. Для индустрии камня характерно

³⁵ Описание керамики по жилищным комплексам приведено в приложениях 11–17, суммарное – в разделе 3.3.1

контрударное и призматическое (ударное и отжимное) расщепление местного галечного сырья (табл. 17, 18). В числе орудий пластины с краевой ретушью, скребки и острия на отщепах и пластинах, ретушированные черешковые наконечники стрел на пластинах (табл. 36–39; рис. 79 – 1–19; 80, 81). В абразивной технике выполнены ножи и тесла (рис. 82). В качестве абразивов использовались крупнозернистые породы камня и обломки сломанной посуды.

Жилищные комплексы среднего неолита

Сооружение 13 имело четырехугольный котлован размерами 4,5×4,2 м и глубиной до 0,4–0,5 м (табл. 30: № 20; рис. 72 – Б). Он фиксировался по красно-коричневому охристому песку, в границах которого выделялась линза очажного слоя размерами 2,1×1,6 м. Вероятно, очажная конструкция была наземной и ее место в интерьере постройки могло смещаться от первоначального. Охристый слой сооружения 13 содержал и керамику из ранненеолитического сооружения 25. Очевидно, что такая же ситуация сложилась в отношении каменного инвентаря и остеологических остатков, в связи с чем эти категории артефактов с комплексом сооружения 13 напрямую не соотносятся³⁶. В скоплениях керамики у северного края очага преобладали обломки 10 сосудов шоушминского типа (рис. 76 – 10, 14). Вместе с ними найдены фрагменты трех сосудов сумпаньинского типа. Один из черепков принадлежал сумпаньинскому сосуду, локализованному в пятне 10 (рис. 76 – 13).

Сооружение 15, по-видимому, имело четырехугольный котлован, который был врезан во впадину сооружения 14 (РН) (табл. 30: № 21; рис. 72 – Б). Стенки котлована при разрушении сильно оплыли, охристый (слой сооружения 15) и углистый (слой сооружения 14) пески на контакте смешались. Не исключено, что котлован имел два уровня дна или уступ по северо-восточной стороне. Размеры котлована по верху, предположительно, составляли 3,4×3,4 м. Его юго-западная половина, максимальными размерами 3,4×2,4 м, была глубже северо-восточной на 0,3 м. В сооружении 15 и в слоях, связанных с его функционированием, найдены обломки 9 сосудов немнёлского типа. Конструирование емкостей проводилось ленточным налепом. Поверхность сосудов снаружи и изнутри тщательно заглажена, зачастую снаружи окрашена охрой. Форма емкостей – закрытые округлодонные банки с диаметрами устья от 12 до 34 см и толщиной стенок 0,3–0,5 см. По соотношению этих параметров, равному 48,67, посуда определена как тонкостенная. Для орнаментации характерно использование накольчатой (рис. 76 – 10), отступающе-накольчатой (рис. 76 – 12, 15) и прочерченной техник. На трех сосудах декорирована только верхняя часть тулова (рис. 76 – 11, 15). Здесь расположен пояс из вертикальных столбцов глубоких ямок или прямых линий. Под венчиком и по его срезу

главы 3.

³⁶ Подобная ситуация характерна для комплексов находок из всех сооружений, расположенных на местах более ранних построек (сооружения 13, 15, 20, пятна 10 и 11). В связи с этим описание каменного инвентаря и остеологического материала в данной работе не приводится.

нанесены наколы. Плотным орнаментом покрыта поверхность двух сосудов. На одном из них в бордюрной зоне размещен широкий зигзаг, а тулово и дно заполнены горизонтальными прямыми линиями (рис. 76 – 12). Один сосуд не орнаментирован. Посуда из сооружения 15 имеет следы ремонта, на трех сосудах сохранился нагар (рис. 76 – 12). По нагару получена дата 6610 ± 40 ВР (Poz-137578), 5621–5480 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 73; рис. 72). Время функционирования сооружения 15 может быть определено серединой VI тыс. до н. э.

Сооружение 20 устроено во впадине, образовавшейся на месте ранненеолитических сооружений 11 и 22 (табл. 30: № 19; рис. 72 – В, Б). В эпоху бронзы в его котлован был врезан котлован сооружения 30. Культурный слой в сооружении 20 охристый, серо-красного цвета. Котлован четырехугольный с уступами – «плечиками». Он изучен на глубину 0,9 м от уровня древней поверхности³⁷. Его размеры по верху составляли 8×8 м, а по уровню плечиков – 7,2×7,2 м. Внешняя граница котлована по «плечикам» маркировалась канавкой шириной до 0,2 м, врезанной в аллювиальные отложения террасы или в заполнение ранних неолитических котлованов сооружений 11 и 22. Углубленная часть прямоугольная, размерами 5,7×5,7 м.

С жилищным комплексом соотнесены фрагменты не менее чем 31 сосуда (прил. 2.18; табл. 3; рис. 76 – 1–9), изделия из глины, в том числе два абразивных бруска, и каменные предметы. В публикации материалов исследований 2019 г. весь керамический комплекс был охарактеризован как сумпаньинский [Кlementьева, Погодин, 2020б]. Однако необходимо отметить, что по особенностям орнаментации часть сосудов сопоставима с немнёлским типом керамики поселений Леуши 7 и Еныя 12. Это сосуды, декорированные наколами, оттисками гребенчатого (рис. 76 – 5, 6) и веревочного (рис. 76 – 4) штампов, неорнаментированная емкость (рис. 76 – 1). По составу находок сооружение 20 поселения Мулымья 3 сопоставимо с жилищем поселения Леуши 7. В обоих комплексах зафиксировано совместное залегание посуды сумпаньинского и немнёлского типов, наличие керамических абразивных брусков.

Хроностратиграфия

На поселении Мулымья 3 прослежен ряд стратиграфических ситуаций, в которых котлованы построек раннего неолита (сооружения 11, 14, 22, 25, 26 и 27) были прорезаны котлованами построек среднего неолита (сооружения 13, 15 и 20, пятна 10 и 11) (рис. 72; табл. 30). Восстановленные на руинах ранненеолитических построек горизонты подзолистожелезистой почвы являются стратиграфическим маркером – погребенными почвами при строительстве сооружений среднего неолита. Установлено, что зафиксированная в рельефе впадина 11 возникла на месте котлованов четырех разновременных сооружений (рис. 72 – Б, В). Последовательность строений на этом участке следующая. Котлован сооружения 11 (ранний

³⁷ От уровня 58,19 м культурный слой заполнения котлована сооружения 20 был выбран до уровня 58,16 м, но провести зачистку с фиксацией очертаний было невозможно из-за резкого подтопления раскопа грунтовой водой.

неолит, мулымьинский тип) был первым. Вторым возведено сооружение 22 (ранний неолит, мулымьинский тип) – двухкамерное строение, котлован которого прорезал восточную половину котлована сооружения 11. Котлован третьей по хронологии постройки, сооружения 20 (средний неолит, сумпаньинский тип), был вписан в северную камеру сооружения 22, а также захватил сооружение 11, срезав северный участок котлована и ямы под его дном. Четвертая постройка – котлован сооружения 30 (ранний бронзовый век, полымьятский тип) был аккуратно вписан в котлован сооружения 20, при этом он срезал его верхнее и часть среднего заполнения. Три хронологических горизонта выявлено на месте ранненеолитического сооружения 25. Под дном его котлована зафиксирована «прослойка» белесого погребенного подзола, который перекрывал ямы с серо-черным песком, врезанные в «материковый» аллювий на 0,3–0,4 м. Находок в ямах не обнаружено, их датирование не проводилось. По стратиграфии предполагается более ранний относительно сооружения 25 (ранний неолит, мулымьинский тип) возраст этих ям. Западная камера сооружения 25 была прорезана котлованом сооружения 13 (средний неолит), в заполнении которого найдена посуда шоушминского и сумпаньинского типов. Во впадину сооружения 14 (ранний неолит, мулымьинский тип) был впущен котлован сооружения 15 (средний неолит, немнёлский и сумпаньинский типы).

В определении хронологической позиции сооружений с плоскодонной посудой поселения Мулымья 3 необходимо принимать во внимание не только радиоуглеродные даты, согласно которым временной интервал составляет более тысячи лет – 7600–6000 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 65–72), что представляется маловероятным. Наиболее ранние даты, 8455±80 BP (SPb-3172), 7601–7206 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 67; рис. 72), происходят из сооружения 11. Его более древний возраст относительно сооружения 22 подтвержден стратиграфией. Сооружение 22, прорезавшее котлован сооружения 11, судя по распространению археологического материала (табл. 48), должно быть относительно «синхронным» с сооружениями 12 и 25, ямами 8 и 9. Однако абсолютные даты этого не демонстрируют: сооружение 25 датировано по углю 7900±50 BP (Poz-137049), 7035–6644 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 72); яма 8 – 7370±70 BP (SPb-3173), 6391–6077 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 68); сооружение 12 – 7340±100 BP (SPb-3175), 6406–6025 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 70); сосуд из ямы 10 – 7770±40 (IAAA-190398) и 7800±30 (IAAA-190399)³⁸, 6685–6511 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 65, 66; рис. 72 – А: 1). Перечисленные даты показывают, что сооружение 25 и яма 10 функционировали в первой половине VII тыс. до н. э., а сооружение 12 и яма 8 – в последней трети VII тыс. до н. э. Удревнение возраста сооружения 25, вероятно, объясняется наличием в его пределах более древнего (мезолитического?) слоя

³⁸ Исследования выполнены Yoshitaka Kanomata (Tohoku University), Mizuki Matsuda, Ryosuke Hayase, Keiichi Ohara (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) при поддержке Grants-in-Aid for Scientific Research from Japan Society for the Promotion of Science (no. 16KK0020).

(под полом выявлены более ранние ямы). Не исключено, что яма 70, из которой датирован уголь, интерпретированная нами как хозяйственная в сооружении 25, таковой не являлась, а принадлежала к более раннему комплексу. Даты по нагару с сосуда из ямы 10 занимают на хронологической шкале промежуточную позицию между датами, полученными по углю (рис. 72 – Г). Не исключается их удревнение, связанное с резервуарным эффектом. Определение возраста ранненеолитического поселка Мулымья 3 датами сооружений 11, 25 и ямы 10 в интервале второй половины VIII – первой половины VII тыс. до н. э. считаем противоречащим канве общеисторического развития таежных обществ Западной Сибири. Керамика этого поселения типологически близка плоскодонной посуде ранненеолитических комплексов второй половины – конца VII тыс. до н. э. сатыгинского типа Усть-Вагильского холма [Панина, 2011а; 2011б] и поселения Нижнее озеро 3 [Чаиркина, Дубовцева, 2016] в Северном Зауралье, амнинского типа городища Амня I в бассейне р. Казым [Стефанов, Борзунов, 2008], боборыкинского типа поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье [Еньшин, 2020; 2021; 2022], барабинской культуры раннего неолита в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2020]. Полагаем, что даты по углю из однослойных объектов – сооружения 12 и ямы 8, комбинированное значение которых определено в интервале 6376–6077 кал. л. до н. э., могут использоваться для определения хронологической позиции раннего поселка Мулымья 3 последней третью VII тыс. до н. э. Понимание значимости комплексов этого памятника в контексте изучения начальной фазы неолита р. Конды и севера Западной Сибири дает основание называть их *мулымьинским* типом памятников (см. раздел 3.3.1 главы 3).

Хронологическая позиция построек более поздних относительно сооружений с мулымьинским типом керамики определена по стратиграфии и аналогиям в керамических комплексах поселений Мулымья 4 (табл. 2: № 74, 75), Шоушма 10 (табл. 2: № 109–112) и Леуши 7 (табл. 2: № 61–64), калиброванные значения радиоуглеродных дат которых охватывают все VI тыс. до н. э. Дата по нагару с сосуда немнёлского типа из сооружения 15 – 6610±40 BP (Poz-137578), 5621–5480 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 73; рис. 72 – А: 1, Г) – указывает на временной интервал в середине этого тысячелетия.

Погребения

В северной части раскопа на поселении Мулымья 3 под грунтовой дорогой изучено погребение – *могила 1*. Могильная яма прямоугольной формы размерами 1,82×0,47 м ориентирована ЗСЗ–ВЮВ. Ее стенки крутые, дно уплощенно-овальное, глубина 0,21 м от уровня фиксации. Заполнение насыщено красной охрой. В восточной половине могилы в охре обнаружены зубная эмаль, зубы и тлен черепа (?). Сопроводительный материал не найден. По заключению С. М. Слепченко, останки принадлежат взрослому индивиду, пол не определен. Не исключено, что одно из пятен (№ 9 – округлая линза красной охры диаметром 0,3 м),

изученных в центральной части раскопа, также являлось погребением, которое было практически полностью разрушено дорогой. При расчистке выявлен, предположительно, костный тлен. Стратиграфическая ситуация позволяет предположить более поздний возраст этого объекта относительно сооружений раннего неолита [Погодин, 2020]. Отнесение погребений Мулымья 3 к неолиту основано на аналогиях с погребальными комплексами мезолита – неолита бассейна р. Конды [Клементьева, Погодин, 2020а. С. 131–141].

2.9. Поселение Мулымья 4

Памятник расположен в Кондинском районе ХМАО – Югры в 53,6 км к северу от г. Урая (табл. 1: № 27; рис. 4, 71). Поселение занимает невысокую (0,5–1,5 м) террасу левого берега ручья, на противоположном берегу которого расположено поселение Мулымья 3. Памятник выявлен в 2005 г. и исследован в 2020 г. [Беспрозванный, 2022]. В раскопе площадью 1494 кв. м, заложенном по автодороге и ее обочинам, частично изучены: котлованы построек раннего (сооружение 3) и среднего (сооружение 2) неолита; напольная часть поселка среднего неолитического периода; погребение каменного века; горизонт обитания раннего бронзового века; постройка раннего железного века.

Жилищный комплекс среднего неолита

Комплекс включает сооружение 2, наземный комплекс 1, ямы 1–15, пятна 1–5, 7, 8, 10, 12–14. Котлован *сооружения 2* изучен не полностью: его северо-восточная часть расположена вне границ раскопа, уровень дна не зафиксирован из-за переувлажненности грунта. Котлован сооружения 2 прямоугольный, его длина по оси ЮЗ–СВ составляла 9,2 м, по оси ЮЗ–СЗ южная стена прослежена на 4,4 м (табл. 30: № 22). Котлован заполнен песком, окрашенным красной охрой. По периметру котлована, на расстоянии 2,2–4,5 м от него, располагались внешние ямы.

Материал сооружения 2 представлен каменными предметами, орудием на керамике, обожженной глиной, обломком костяного изделия. В остеологическом материале определены кости рыб, в том числе окуня и щуки. В верхнем заполнении котлована залежали сырые кости лося – фрагмент зубного ряда нижней челюсти взрослой особи. Каменный инвентарь содержит сырье, продукты его расщепления (ядрища, осколки, отщепы), инструменты для обработки каменных орудий (абразивы), шкур (скребки на отщепах) и дерева (шлифованные тесла), универсальные шлифованные ножи с треугольным клинком (рис. 21 – 4, 6), шлифованные наконечники стрел иволистной формы (рис. 20 – 18), осколки таких орудий. Уникальной находкой для памятников среднего неолита является гребенчатый штамп (рис. 83 – 2). Он изготовлен из фрагмента абразивной сланцевой плитки размерами 20,0×15,0×3,5 мм. Плоскость, на которой оформлен рабочий край, слегка скошена, на ней пропилены 5 зубцов. И хотя подобные инструменты известны только в комплексах позднего неолита [Клементьева,

Погодин, 2017б], принадлежность этого инструмента к жилищу не вызывает сомнений: предмет найден на нижнем уровне фиксации котлована, в керамическом комплексе этого сооружения есть посуда с печатно-гребенчатыми оттисками, схожими с отпечатками этого штампа.

Посуда из сооружения 2 по декоративно-морфологическим признакам разделена на три основных группы – сумпаньинского, немнёлского и шоушминского типов (прил. 2.19, рис. 59). Типологически разнородный комплекс посуды в жилище не единичный факт. Подобное сочетание типов в одном контексте прослежено в сооружениях 15 и 20 поселения Мулымья 3 (сумпаньинский и немнёлский типы) и на поселении Леуши 7 (сумпаньинский, немнёлский, шоушминский типы). На вероятное единство комплекса могут указывать общие орнаментальные схемы сосудов сумпаньинского и немнёлского типов: узоры из заштрихованных треугольников, перевернутых вершинами вниз, и узоры с «ромбической сеткой». Эти же мотивы распространены и в орнаментации посуды сумпаньинского и немнёлского типов поселений Мулымья 3 и Леуши 7, немнёлского типа поселения Еныя 12 [Стефанов и др., 2005. С. 56, рис. 5 – 3–7]. Сосуды с сетчатым орнаментом, выполненным при помощи веревочного штампа, известны в сооружении 20 поселения Мулымья 3 (рис. 76 – 4) и на поселении Еныя 12 [Стефанов и др., 2005. С. 61, рис. 10 – 9, 10].

По углю из котлована сооружения 2 и по нагару с сосуда немнёлского типа (рис. 59 – 20) получены даты 6020 ± 35 BP (Poz-136861), 5003–4799 кал. л. до н. э. и 6330 ± 60 BP (Poz-137579), 5474–5128 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 74, 75). Стратиграфическая ситуация, прослеженная на поселении Мулымья 4, близка таковой на поселении Мулымья 3. Котлованом сооружения 2 разрушен котлован раннеолитического сооружения 3 с посудой мулымьинского типа. Остатки последнего зафиксированы по юго-западной стене сумпаньинского жилища. Заполнение котлованов резко контрастировало: в сооружении 2 залегали серо-красный охристый и серо-красно-черный охристый песок, а в сооружении 3 – черный углистый.

Погребение

При разборе переотложенных грунтов дороги, проходящей по территории поселения Мулымья 4, зафиксированы линзы красной охры. Слой по структуре неоднородный, «растущий» по колее. Вероятно, с территории памятника, примыкающей к дороге, экскаваторным ковшом был взят массив грунта для подсыпки дороги. В этом перемещенном культурном слое обнаружены разрозненные кости человека (884 ед.) и несколько каменных изделий. Останки принадлежали человеку, умершему в возрасте 25–35 лет. Захоронение совершено по обряду кремации – на всех фрагментах скелета отмечены следы температурного

воздействия³⁹. Датировка погребения, изученного на Мулымье 4, эпохой неолита определена по аналогии с кремнированными погребениями на памятнике БУМ-100.

2.10. Поселение Усть-Тетер 1

Памятник расположен в Кондинском районе ХМАО – Югры в 40 км к СВ от г. Урая (табл. 1: № 38; рис. 4). Он занимает небольшую гриву в правобережье р. Усть-Тетера, в 1,6 км от ее впадения в р. Большой Тетер (левый приток р. Конды). Памятник открыт в 2009 г. и исследован в 2011 г. экспедицией ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» под руководством С. А. Круземента [2011]. На поверхности зафиксирована впадина подпрямоугольной формы размерами 3,0×2,6 м и глубиной до 0,2 м. В 2011 г. при реконструкции нефтепровода центральная часть памятника была разрушена траншеей трубопровода. В раскопе площадью 468 кв. м исследованы неолитические сооружения, культурные слои бронзового и раннего железного веков. Эпоха неолита представлена тремя разновременными комплексами – шоушминским, умытыньским и ушьинским. В отчете о полевых исследованиях [Круземент, 2011] и в публикации предварительных результатов [Клементьева и др., 2012] указано, что керамика шоушминского и умытыньского типов залегала в одинаковых условиях – в заполнении котлована сооружения. В результате пространственного анализа установлено, что посуда умытыньского типа концентрировалась в границах восточной камеры сооружения 1, за пределами котлована – в ямах и вокруг них. Так как восточный котлован изучен не полностью из-за сильной увлажненности грунта, выборка по его дну не установлена. На дне западного котлована залегала посуда шоушминского типа (рис. 84–88). Наиболее ранний период заселения связан с двухкамерной постройкой – сооружением 1, в заполнении которой залегала посуда шоушминского типа (прил. 2.20; табл. 3; рис. 84 – Б; 85 – 1–7). Следующий хронологический пласт представлен объектами с посудой умытыньского типа (прил. 2.21; табл. 3; рис. 84 – В; 85 – 18–28; 89; 90). В позднем неолите здесь было построено слабоуглубленное сооружение с посудой ушьинского типа (прил. 2.22; табл. 3; рис. 84 – Г; 91; 92).

Жилищный комплекс среднего неолита № 1

Котлован *сооружения 1* состоял из двух примыкающих друг к другу четырехугольных камер (табл. 30: № 28; рис. 84 – Б). Площадь западной камеры 22,5 кв. м, восточной – 51 кв. м. Пол западной камеры располагался на высоте не менее 0,4 м от предполагаемого горизонта пола восточной камеры. Глубина⁴⁰ западной камеры не менее 0,4 м, восточной – 0,8 м. По периметру западной камеры, ниже пола, отмечена канавка шириной до 0,3 м. По южной стенке

³⁹ Определения выполнены к.б.н. С. М. Слепченко. По его мнению, большая степень фрагментации костей скелета, по-видимому, результат кремации останков. Преобладание оттенков светло-серого и белого в цветовой гамме исследованных останков дает возможность определить среднюю температуру кости в процессе горения в 800–1000 °С.

⁴⁰ От уровня древней дневной поверхности.

восточной камеры прослежена ниша размерами $1,00 \times 1,75$ м, располагавшаяся у юго-западного угла. Об одновременности камер свидетельствует канавка шириной 0,2 м и глубиной 0,4 м, отходящая от центра южной стенки западной камеры к нише восточной камеры. По периметру котлована, в 2 м от его края, зафиксирована внешняя канава шириной 0,5–0,6 м и глубиной до 0,4 м. От ее внутреннего края в направлении котлованов отходили узкие канавки⁴¹ шириной до 0,2 м и глубиной 0,3 м. Керамический комплекс сооружения 1 представлен обломками 32 сосудов шоушминского типа (прил. 2.20; рис. 85 – 1–7).

По углю из западной камеры получены даты 5800 ± 100 BP (SPb-476), 4929–4408 кал. л. до н. э. и 5350 ± 100 BP (SPb-475), 4358–3971 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 101, 102). Они не соответствуют хронологической позиции шоушминских древностей⁴². Дата по керамике шоушминского типа (рис. 85 – 14) 6830 ± 200 BP (Ki-17443), 6095–5373 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 100), несмотря на достаточно большой допуск, коррелируется с датами шоушминских комплексов поселений БУм-8 (табл. 2: № 6, 7) и Шоушма 10 (табл. 2: № 109–112).

Жилищный комплекс среднего неолита № 2

Котлован *сооружения 2* в плане и профиле не зафиксирован, его возможные границы определены по распространению обломков посуды умытынского типа (рис. 84 – В), локализованных преимущественно на месте восточного котлована сооружения 1. Ориентировочные размеры постройки – $6,5 \times 6,5$ м. В раскопе изучено 10 ям овальных и округлых очертаний, углубленных в материк на 0,4–0,6 м. Они заполнены углистым песком темно-серого и коричнево-серого цвета с кальцинированными костями (в яме 2), коричнево-серого цвета (в яме 5). В ямах 2, 5, 6 и 7 найдена керамика умытынского типа⁴³, кальцинированные кости, преимущественно рыб, каменные изделия. Комплекс керамики, соотносимый с жилищем и ямами, представлен 64 сосудами умытынского типа (прил. 2.21; табл. 3; рис. 85 – 18–28; 89, 90).

Жилищный комплекс позднего неолита

Котлован *сооружения 3* располагался во впадине, образовавшейся на месте более ранних неолитических сооружений 1 и 2. Из-за многочисленных техногенных повреждений и естественных почвенных процессов, изменивших цветность культурного слоя, не удалось зафиксировать его очертания. Судя по плану распространения керамики ушынского типа (рис. 84 – Г), постройка имела слабоуглубленный, до 0,3 м, четырехугольный котлован размерами

⁴¹ Не исключено, что это норы.

⁴² Их более молодой возраст, вероятно, объясняется «загрязнением» образцов в результате заселения этого места в поздние периоды.

⁴³ В яме 2 найдены фрагменты сосудов 1 и 33, каменные изделия; в яме 5 – фрагменты сосудов 1, 24, 33, 68 и 115; в яме 6 – от сосуда 6; в яме 7 – два каменных предмета (отщеп и галька). В ямах и в сооружении найдены фрагменты сосудов 1, 6, 33.

6,2×6,5 м. К моменту его возведения верхняя часть отложений на месте ранних построек была подвергнута восстановительным почвенным процессам. Культурные слои позднего неолита, локализованные во впадине, представлены серо-красно-коричневым песком, за ее пределами – серо-красно-коричневым песком с углем, под которым отмечен небольшой участок погребенного подзола мощностью 0,06 м. Керамический комплекс сооружения 3 представлен 22 сосудами ушьянского типа (прил. 2.22; рис. 91, 92). По одному из них получена дата 4650±280 BP (Ki-17444), 4040–2631 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 103).

Каменный инвентарь из сооружений 1–3 поселения Усть-Тетер 1 в основной массе по комплексам неразделим ни пространственно, ни типологически. Удалось установить только два контекста. С пола западной камеры шоушминского сооружения 1 происходят 2 скола шлифованных орудий, отщеп, скребок на отщепе и 2 сверла на кварцевых отщепах. В заполнении ямы 2, относящейся к умытыньскому комплексу, найдены 3 отщепа, скребок на отщепе и шлифованный нож. Остальной каменный инвентарь можно описать суммарно. Всего найдено 233 предмета⁴⁴. Сырьевая база комплекса основана на местном галечном сырье с разнообразным спектром пород: кремнь различных цветов, яшма, кварц, кварцит, лимонит, сланцы. Как и для всей неолитической эпохи, для индустрии камня поселения Усть-Тетер 1 характерна ударно-контрударная, призматическая, абразивная техника и пиление. Заготовки, полученные ударным и контрударным расщеплением, преобладают над призматическими сколами со специализированных ядрищ. Из отщепов изготовлены скребки, преимущественно концевые типа, долотовидные инструменты, острия. Пластины являлись вкладышами составных орудий. Широкий ассортимент абразивных инструментов: плитки, оселки, точильные камни. Шлифованные орудия устойчивых форм – универсальные и строгальные ножи, наконечники стрел, тесла и струг – изготовлены из серого или серо-зеленого сланца, опоки. Подобные изделия широко распространены на памятниках умытыньского и ушьянского типов. Один из шлифованных ножей украшен гравировкой – на боковом ребре спинки с равным интервалом пропилены четыре перпендикулярные бороздки.

Костяные изделия, залегающие в слое с умытыньской керамикой⁴⁵, представлены двумя подвесками каплевидной формы размерами 14×10×2 мм и орудием стержневидной формы размерами 37×4–2×3–1 мм. С умытыньским комплексом соотнесен остеологический материал из ямы 2. В нем преобладают кости рыб (карповых, окуня и щуки), есть кости бобра. Остеологический материал из заполнения котлованов сооружений 1–3 по контекстам не распределен. В нем преобладают кости млекопитающих, в том числе лоса и северного оленя,

⁴⁴ Указано количество каменных предметов по коллекционной описи, по тексту отчета их 232 ед. [Круземент, 2011].

⁴⁵ На участках Н/11 и О/12–13 вместе с фрагментами умытыньских сосудов 29, 61, 117.

есть кости рыб.

Археологические памятники р. Сумпанья

Поселения **Сумпанья 2, 3, 4 и 6** находятся в Кондинском районе ХМАО – Югры в 36 км к ЮЮВ от г. Урая, в 58 км к ВЮВ от п. г. т. Междуреченского (табл. 1: № 30–33; рис. 5). Они расположены в устьевой части р. Сумпанья, при впадении ее в оз. Сатыгинский Туман. Поселения Сумпанья 3, 4 и 6 занимали высокие мысы левого берега реки, Сумпанья 2 – правого. Изучение памятников проводилось в период с 1966 по 1985 г. экспедициями под руководством Л. П. Хлобыстина [1979; 1981а; 1985] и Л. Я. Крижевской [1985; 1986]. Опубликованные результаты исследований [Хлобыстин, 1981б; Ковалева и др., 1984; Крижевская, 1987; Крижевская, Гаджиева, 1991; Хлобыстин, 1993] легли в основу историографии и культурно-хронологической схемы неолита р. Конды.

2.11. Поселение Сумпанья 2

Изучены котлованы двух разновременных построек – неолитический (табл. 30: № 24) и прорезавший его котлован сооружения эпохи раннего металла с посудой атымьинского типа⁴⁶. В раскопе также обнаружены не связанные с жилищными комплексами фрагменты толстостенной неолитической посуды с накольчатым орнаментом и посуды лозьвинского типа позднего бронзового века.

Комплекс раннего неолита

Фрагменты толстостенной посуды с накольчатым орнаментом, по мнению Л. П. Хлобыстина, происходили из культурного слоя, разрушенного при строительстве сумпаньинского котлована, и были соотнесены с посудой кошкинской АК [Хлобыстин, 1981а. С. 5], а позднее выделены в сатыгинский тип [Хлобыстин, 1985. С. 6–7]. Однако в публикации, посвященной сатыгинскому типу керамики, сведений об этом комплексе нет [Хлобыстин, 1993]. По технологическим и декоративно-морфологическим признакам посуда сатыгинского типа Сумпанья 2 (прил. 2.23; рис. 93 – 1–4, 12) идентична керамике мулымьинского типа Мулымья 3 (прил. 2.12–2.17; рис. 74–75) Оригинальными деталями в оформлении сосудов этих памятников являются налесты на венчике и валики, примыкающие под углом к краю емкости. Подтверждается первоначальное предположение Л. П. Хлобыстина о более раннем возрасте толстостенной керамики с накольчатой орнаментацией относительно сумпаньинского комплекса [Хлобыстин, 1981а. С. 3–6].

Жилищный комплекс среднего неолита

Верхняя часть неолитического котлована разрушена постройкой эпохи раннего металла.

⁴⁶ Л. П. Хлобыстиным этот комплекс определен как аятский [Хлобыстин, 1981а], С. Ф. Кокшаровым – как атымьинский [Кокшаров, 2009. С. 123].

На уровне пола, зафиксированного на глубине 1,2–1,7 м от современной поверхности и ниже 0,6 м от дна верхнего строения, неолитический котлован имел четкие прямоугольные контуры, площадь 24 кв. м (табл. 2: № 24). Кострище находилось около центра жилища, было смещено к северо-западной стенке котлована. Оно имело прямоугольные очертания размерами 0,8×1,0 м и мощность слоя 0,05–0,06 м. Рядом с кострищем найдены наконечник стрелы и скребок, обломки тонкостенных горшков, орнаментированных волнистыми прочерченными линиями и шагающей гребенкой. Л. П. Хлобыстин, отметив сходство керамического комплекса из неолитического котлована Сумпаньи 2 с посудой из жилища Сумпаньи 4, предложил выделение сумпаньинского типа керамики [Хлобыстин, 1981а. С. 4, 5; 1981б. С. 219]. По углю из котлована получены даты 6530±70 ВР (Ле-1818), 5620–5364 кал. л. до н. э. [Ковалева и др., 1984. С. 38] (табл. 2: № 78).

2.12. Поселение Сумпанья 4

На памятнике изучен котлован неолитического жилища с посудой сумпаньинского типа, собрана коллекция керамики сатыгинского типа. Численность артефактов, полученных в 1966, 1978, 1980 и 1984 гг., установить не удалось⁴⁷. Однозначно в коллекции преобладают обломки неолитической посуды. По 831 фрагменту выделено 17 сосудов сатыгинского типа (прил. 2.24; табл. 3, 7; рис. 93 – 5, 7–11, 14) [по: Хлобыстин, 1993], 66 сосудов сумпаньинского типа (прил. 2.25; табл. 3; рис. 94–96) [по: Ковалева и др., 1984], шесть сосудов типологически отличных от сосудов двух предыдущих групп.

Для определения стратиграфической позиции сатыгинского и сумпаньинского комплексов предпринята попытка проведения пространственного анализа распределения керамики этих типов на площади раскопа⁴⁸. Полученные данные близки сведениям Л. П. Хлобыстина [1993. С. 30]. Утверждение о преобладании фрагментов сатыгинского (боборыкинского⁴⁹) типа в верхнем заполнении сумпаньинского котлована [Ковалева, Зырянова, 2008б. С. 140] не подтверждается. Фрагменты с грубым резным орнаментом, соотносимые ранее с

⁴⁷ Коллекционные описи автору оказались не доступны, сведения о составе и объеме коллекций в отчетах и публикациях приводятся не всегда. Известно, что в 1980 г. численность коллекции составляла 1700 ед. [Ковалева и др., 1984. С. 36], в 1984 г. – 2263 ед. [Хлобыстин, 1985. С. 4]. Таким образом, суммарная численность коллекции должна быть близка 4000 ед., но вызывают вопросы шифры на предметах – порядковые номера из десятой тысячи. Нами просмотрено 3770 предметов, это фрагменты посуды эпохи неолита – бронзы (сатыгинского, сумпаньинского, атымьинского, полымьятского, лозьвинского и сотниковского типов), глиняные грузила и каменные предметы.

⁴⁸ При отсутствии коллекционных описей и наличии неполной коллекции это оказалось практически невозможным. По шифрам на фрагментах установлен лишь год исследования и, следовательно, очень приблизительно место находки предмета: 1978 г. – шурф в центре впадины, 1980 г. – раскоп на месте впадины, 1984 г. – околожилищная территория. Из шурфа 1978 г. происходит 20 фрагментов сосудов сумпаньинского типа и 3 фрагмента – сатыгинского (по 3 %). В раскопе 1980 г. преобладали фрагменты сосудов сумпаньинского типа (62 %), в раскопе 1984 г. – сосудов сатыгинского типа (72 %). Фрагменты сосудов из 3-й группы были найдены на околожилищной территории.

⁴⁹ По определению В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой [2008б; 2010].

боборыкинским типом [Ковалева, Зырянова, 2008б. С. 136, рис. 1 – 8], подклеены к сосуду, обладающему признаками сумпаньинского типа (рис. 94 – 11).

Комплекс раннего неолита

Керамика поселения Сумпанья 4, определенная Л. П. Хлобыстиным как сатыгинский тип, представлена 17 сосудами (прил. 2.24; рис. 93 – 5, 7–11, 14). При сопоставлении с неолитическими древностями р. Конды имеет наибольшее сходство по технологическим и декоративно-морфологическим признакам с посудой мулымьинского типа поселения Мулымья 3. Учитывая данные пространственного распределения и типологического анализа, можно предположить, что эта посуда происходит из более древнего относительно сумпаньинского жилища слоя. По фрагментам одного из сосудов сатыгинского типа (рис. 93 – 14) получены две даты. Первая выполнена методом прямого датирования керамики 5468 ± 100 BP (SPb-2542), 4531–4048 кал. л. до н. э., вторая – AMS-методом по нагару 8170 ± 50 BP (Poz-125897), 7320–7061 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 88, 89). Период второй половины V тыс. до н. э. соответствует возрасту боборыкинских древностей [по: Ковалева, Зырянова, 2010]. Временной интервал в конце VIII тыс. до н. э. совпадает с датой по углю из раннеолитического сооружения 11 поселения Мулымья 3 (табл. 2: № 67).

Жилищный комплекс среднего неолита

На поселении Сумпанья 4 изучена полуземлянка, в которой залегала посуда сумпаньинского типа. Котлован прямоугольной формы, размерами 7,0×5,6 м, ориентированный СЗ–ЮВ и углубленный на 0,6–0,7 м (табл. 30: № 25). Выход находился в северо-восточной части, представлял собой коридор шириной 1 м и длиной 2 м. Следы от столбовых конструкций не зафиксированы. Обилие сосудов и мощность культурного слоя могут указывать на то, что это было долговременное жилище, оставленное из-за пожара [Ковалева и др., 1984. С. 32–36].

Каменный инвентарь, согласно публикации, «крайне беден, невыразителен и немногочислен» [Ковалева и др., 1984. С. 40–44]. В заполнении котлована обнаружены сильно сработанные кремневые скребки на отщепе и пластинка серого кремня без следов использования. Призматический двухплощадочный нуклеус из черного кремня, по предположению авторов исследования, относится не к жилищному, а к более раннему комплексу. Из верхнего заполнения котлована происходят скребки (3 ед.), ножи (3 ед.), шлифованные наконечник стрелы и пила, многофункциональное орудие из гранита (пила – абразив – скребок по шкуре), обломки шлифованных рубящих орудий, долотце, оселок, отбойник на гальке, сверло по керамике, бесформенные отщепы из зеленокаменной породы, гальки и песчаник без следов сработанности. Ножи, рубящие орудия и долотце выполнены из

зеленокаменной породы, шлифованный наконечник стрелы – из красного сланца. Среди ножей один ретушированный, на пластине; два шлифованных [Ковалева и др., 1984. С. 40–44].

Керамический комплекс из сооружения представлен обломками (831 ед.) не менее 65 сосудов⁵⁰ сумпаньинского типа. Сосуды округлодонные, с прочерченным и шагающе-гребенчатым орнаментом (прил. 2.25; табл. 3; рис. 94–97). Помимо посуды сумпаньинского типа, в коллекции есть обломки сосудов умытынского и шоушминского типов. Два сосуда обладают признаками умытынского типа – тонкостенные, с поясками отверстий под венчиком, декорированы оттисками костяных штампов в технике штампования и шагания. Их принадлежность к жилищному комплексу не исключена: шифры на фрагментах указывают на раскоп 1980 г. О том, что подобная посуда была распространена не только в верховьях р. Конды, свидетельствуют отдельные находки в среднем течении, в том числе и на берегах оз. Сатыгинский Туман. Идентичный сосуд найден при раскопках селища Сумпанья 7, расположенного на противоположном берегу реки [Долганов, 2016. С. 28, рис. 237]. Фрагменты трех толстостенных сосудов шоушминского типа происходят из раскопа 1984 г. С внешней стороны венчиков оформлены «карнизики», а изнутри – наплывы. Орнаменты выполнены в отступающе-накольчатой, прочерченной и печатно-гребенчатой технике.

Сравнительный анализ керамического комплекса из жилища поселения Сумпанья 4 и других неолитических материалов р. Конды обнаруживает наибольшее сходство с посудой сумпаньинского типа поселений Мулымья 4 и Леуши 7 (табл. 3; рис. 59 – 6, 7, 10, 11–13, 15, 21; 96). Это проявляется в сочетании ряда признаков: морфологических (преобладание венчиков с плоским срезом и плавным утолщением изнутри), параметрических (близки показатели соотношения диаметра устья и толщины стенки: 41 – на Сумпанье 4 и 40,46 – на Леушах 7), орнаментальных (ряд «жемчужин» под венчиком; композиции с геометрическими мотивами – заштрихованными ромбами, треугольниками и треугольными зонами).

Радиоуглеродное датирование проведено по углю из котлована: 6850±60 BP (Ле-1440), 5873–5635 кал. л. до н. э.; 6590±70 BP (Ле-1814), 5645–5383 кал. л. до н. э.; 6520±70 BP (Ле-1813), 5618–5357 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 82, 84, 85). Датирована керамика сумпаньинского типа: сосуд 39 (рис. 51 – 20) – 6342±120 BP (SPb-2540), 5528–5011 кал. л. до н. э.; сосуд 55 (рис. 94 – 11) – 6688±120 BP (SPb-2539), 5842–5464 кал. л. до н. э.; сосуд 74 (рис. 94 – 18) – 6300±110 BP (SPb-2541), 5479–5002 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 83, 86, 87). Хронологический интервал с учетом всех дат определяется в широком диапазоне 5800–5200 кал. л. до н. э. Даты по углю показывают более короткий интервал – 5660–5490 кал. л. до н. э.

⁵⁰ В диссертации Е. А. Гаджиевой к сумпаньинскому комплексу отнесено 927 фрагментов, количество сосудов не указано [Гаджиева, 1993. С. 130, табл. 6].

2.13. Поселение Сумпанья 6

В раскопах общей площадью 206 кв. м в 1984 и 1985 гг.⁵¹ Л. Я. Крижевской изучены остатки углубленного неолитического сооружения с посудой сумпаньинского типа (табл. 1: № 33; 3: № 26), собрана неолитическая керамика сатыгинского типа, бронзового и раннего железного веков. Результаты исследований опубликованы [Крижевская, 1985; Крижевская, Гаджиева, 1991; Хлобыстин, 1993].

Комплекс раннего неолита

Комплекс керамики сатыгинского типа поселения Сумпанья 6, представленный семью сосудами (прил. 2.26; рис. 93 – 6, 13), по морфологическим и орнаментальным признакам аналогичен посуде сатыгинского типа поселений Сумпанья 2 (прил. 2.23; рис. 93 – 1–4, 12) и Сумпанья 4 (прил. 2.24; табл. 3, 7; рис. 93 – 5, 7–11, 14), мулымьинского типа поселения Мулымья 3 (прил. 12–17; табл. 3, 6; рис. 74, 75).

Жилищный комплекс среднего неолита

На поселении изучена полуземлянка с керамикой сумпаньинского типа. Четырехугольный котлован площадью 77 кв. м и глубиной 1,3 м имел по верхнему уровню размеры 7,1×3,8 м и ориентировку ЗСЗ–ВЮВ (табл. 30: № 26)⁵². Углубленная на 0,25 м часть котлована размерами 5,54×1,90 м была смещена к юго-западному углу, ориентирована ЗЮЗ–ВСВ⁵³. В южной стене расположен выступ и примыкающее к нему четырехугольное углубление размерами 2,3×1,3 м [Крижевская, Гаджиева, 1993. С. 82, 83, рис. 2 – А]. По углю из котлована получены даты: 6100±70 ВР (Ле-2540), 5218–4841 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 90), 9130±80 ВР (Ле-2554) и 9920±80 ВР (Ле-2772) [Крижевская, Гаджиева, 1993. С. 85]. Возрасту сумпаньинских древностей соответствует только первая дата.

Материал из раскопок поселения Сумпанья 6 представлен керамикой и каменным инвентарем. Коллекция керамики из жилища обработана Е. А. Гаджиевой [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 85–89]. По основным характеристикам керамический комплекс сопоставим с материалами памятников сумпаньинского типа, ближайшим из которых является поселение Сумпанья 4. Необходимо отметить, что по опубликованным данным прослеживаются некоторые отличия, отмеченные ранее Е. А. Гаджиевой [1993. С. 50]. На поселении Сумпанья 6 больше сосудов без внутренних утолщений края и с пояском отверстий под венчиком. Для более детального сравнения по таким параметрам, как толщина стенок, соотношение

⁵¹ В 1984 г. площадь раскопа 130 кв. м, в 1985-м – 76 кв. м [Крижевская, 1985. С. 1; 1986. С. 1]. По данным Л. П. Хлобыстина, площадь исследований на поселении Сумпанья 6 равна 130 кв. м [Хлобыстин, 1993. С. 32].

⁵² В статье указана «общая высота земляночной части жилища 172 см» [Крижевская, Гаджиева, 1993. С. 82], в отчете – «максимальная глубина жилищной впадины – 1,3 м, в северо-восточном углу 1 м» [Крижевская, 1986. С. 2].

⁵³ Не исключено, что вдоль северной и восточной стен были оформлены уступы – «плечики» высотой 0,25 м и шириной 1–2,5 м.

орнаментальных групп и т. д., необходимо проведение дополнительных исследований. Предположение Л. Я. Крижевской о возможной принадлежности жилищ поселений Сумпанья 4 и 6 к одному поселку [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 95], на наш взгляд, не подтверждается ни сравнительным анализом керамических комплексов, ни радиоуглеродными датами, согласно которым жилище на Сумпанье 6 функционировало позднее, на рубеже VI – V тыс. до н. э.

2.14. Поселение Леуши 7

Памятник находится в Кондинском районе ХМАО – Югры в 68,1 км к ЮЮВ от г. Урая, в 15,6 км к СЗ от п. г. т. Междуреченского (рис. 5; табл. 1: № 22). Он расположен на коренной правобережной террасе р. Леушинки, впадающей в оз. Леушинский Туман с юга. Высота террасы достигает 4 м над урезом воды, ее склон крутой, хорошо выражен в рельефе. Территорию поселения пересекает грунтовая дорога на дамбу, практически вся центральная часть памятника разрушена выемкой грунта для насыпи дамбы через р. Леушинку. Поселение выявлено в 1981 г. Н. К. Стефановой, в 1985 г. исследовано Е. М. Беспрозванным [1986]. При зачистке дна траншеи, прорезающей склон террасы, выявлены крупные монолиты черной углистой супеси, являвшиеся, по мнению исследователя, остатками мезолитических жилищ. В раскопе площадью 98 кв. м, заложенном вдоль траншеи, изучены остатки неолитического жилища и ряд ям. В литературе есть сведения о том, что на полу у стенки жилища были найдены фрагменты человеческого черепа [Беспрозванный, Погодин, 1998. С. 61], однако в отчете такие данные отсутствуют [Беспрозванный, 1986].

Котлован жилища прямоугольной формы ориентирован ЮВ–СЗ (табл. 30: № 23; рис. 97). Он зафиксирован по трем стенам, отсутствие четвертой, северо-западной, стены, по предположению Е. М. Беспрозванного, объясняется врезкой сооружения в край террасы. Размеры изученной части котлована 8,5×7,5 м, ориентировочная площадь – 64 кв. м. Стенки в основном прямые. Юго-западная стена с уступом – плечиком шириной 0,8–1,3 м. Вдоль юго-западной стенки котлована расположено канавообразное углубление длиной 1,7 м и шириной до 1,2 м, имевшее покатые стенки и неровное дно. По углам юго-восточной стены располагались полукруглые ниши шириной 1,6 и 1,4 м, глубиной 0,5 и 0,4 м. Еще одна ниша подквадратной формы и размерами 1,8×1,8 м зафиксирована у юго-западного угла. На полу жилища изучены несколько ям и прокалов, а также остатки конструкций, представленных насыпным слоем охры и перекрывавшими его слоем белого песка и жердевым настилом, сохранившимся в виде сплошного слоя угля. Настил полностью или частично перекрывал несколько пятен охры малинового цвета, наиболее крупное из которых имело размеры 2,4×0,8–1,2 м. Толщина слоя охры составляла 1–3 см. По мнению Е. М. Беспрозванного, два уровня конструкции связаны с перестройкой сооружения. На полу котлована, вдоль стен и вдоль его

центральной оси, выявлено 55 ямок от столбов диаметром 0,06–0,34 м и глубиной 0,06–0,20 м. Некоторые ямки располагались группами по 3–4, наиболее крупные – вдоль центральной оси.

По периметру котлована зафиксировано пять ям. Одна из них округлой формы диаметром до 1,5 м и глубиной 0,28 м, заполненная темно-серой супесью с углем, располагалась с восточной стороны котлована. Остальные ямы исследованы частично. Выборки материала из ям и их принадлежность к жилищному комплексу не установлены.

По углю из котлована получены даты: 6890±70 ВР (Je-2726), 5971–5648 кал. л. до н. э., 6370±60 ВР (Je-2729), 5474–5226 кал. л. до н. э., 6130±40 ВР (Je-2725), 5211–4962 кал. л. до н. э., 5750±60 ВР (Je-2728), 4722–4461 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 61–64). Разброс значений охватывает практически все VI тыс. до н. э.

Коллекционная опись археологического материала содержит 8450 порядковых номеров. По данным отчета о полевых исследованиях, к жилищному комплексу относится около 6700 ед. находок, 5000 из которых – это керамика.

Изделия из глины представлены аморфными комками размерами 2–4 см с отпечатками пальцев и волокнистого материала. По форме предметов и отпечаткам на них создается впечатление, что в глиняный комок, помещавшийся в кулаке, втыкалась ветка или щепка, вокруг стержня формовался цилиндр или шар, поверхность заглаживалась, изделие обжигалось. Назначение таких поделок не известно. Подобные комки глины, как правило расколотые, известны в неолитических комплексах поселений БУм-100 и Мулымья 3. Особая категория находок – абразивные бруски из полуцилиндрических или уплощенных глиняных и каменных плиток (рис. 83 – 4–8). Все изделия фрагментированы. Глиняные бруски (5 ед.) изготовлены из плотной однородной глины, их поверхность тщательно заглажена и уплотнена, не исключено, что окрашена охрой. Два изделия декорированы. Орнамент, прочерченный заостренным стержнем, состоит из волнистых линий, расположенных вдоль длинной оси предмета, и ромбической сетки. Плоскости каменного бруска зашлифованы, одна из них украшена гравировкой. В центральной части орнаментального поля расположена зона, заполненная горизонтальными отрезками, по краям – зоны из вертикальных отрезков. На поверхности всех брусков присутствует абразивный износ в виде желобков.

Керамический комплекс изначально соотнесен с полуденским этапом зауральского неолита [Беспрозванный, 1986. С. 11]. Позднее Е. А. Гаджиева отметила его типологическую неоднородность, выделив в нем посуду сумпаньинского, кошкинского и немнёлского типов. Анализ распределения фрагментов разнотипных сосудов показал одинаковые условия их залегания в котловане, но характеристика керамики в работе Е. А. Гаджиевой ограничивалась лишь описанием посуды немнёлского типа [Гаджиева, 1993. С. 66–70, 73–74].

Устоявшиеся представления о том, что посуда из жилища должна быть типологически

однородна, значительно повлияли на восприятие данного комплекса. Несмотря на вывод о принадлежности всех типов посуды к одному жилищу, сделанный Е. А. Гаджиевой, поселение Леуши 7 рассматривалось в контексте сумпаньинской АК [Косинская, 2015. С. 28; Дубовцева, 2021. С. 14]. Л. Л. Косинская провела анализ техники орнаментации 59 сосудов. В выборку включены 52 сосуда сумпаньинского типа (с прочерченной и шагающе-ребенчатой орнаментацией), а также 7 сосудов с печатно-ребенчатым орнаментом [Косинская, 2015. С. 28], отнесенных ранее Е. А. Гаджиевой к немнёлскому типу [Гаджиева, 1993. С. 68]. Культурно-хронологическая позиция данного комплекса неоднозначна. По ^{14}C -датам поселение Леуши 7 отнесено Е. Н. Дубовцевой и Л. Л. Косинской к раннему и среднему неолиту [Дубовцева, Косинская, 2021. С. 13–14, табл. 1], хронологическая позиция немнёлского и кошкинского типов определена как поздненеолитическая [Косинская, 2006. С. 21; Ковалева, 2008. С. 133; Дубовцева, 2015б. С. 209].

Полагаем, что возможным способом определения культурно-хронологической позиции данного комплекса является установление аналогий в материалах памятников, обеспеченных датами и / или надежной стратиграфической позицией. Для проведения сравнительного анализа необходима полная характеристика керамического комплекса из жилища. Объем проанализированной выборки составил 117 сосудов (прил. 2.27; табл. 3–5, 13–15, 49; рис. 96, 98–102). Принадлежность большинства из них к сумпаньинскому (65 ед., рис. 96) и шоушминскому (12 ед., рис. 98 – 14, 16–20) типам керамики определена по аналогии с материалами поселений Сумпанья 4 и Шоушма 10. Значительная часть сосудов (40 ед., рис. 98 – 1–13, 15) соответствует характеристикам немнёлского типа керамики, обозначенным Е. А. Гаджиевой [1993. С. 67–69]. Посуда немнёлского типа с волнистым краем и утолщенным венчиком декорирована незубчатыми инструментами в технике отступания и накалывания, ребенчатыми штампами в печатно-ребенчатой технике. Характерно отсутствие пояса ямок под венчиком, а также наличие неорнаментированных сосудов. На первый взгляд, подобное разнообразие вызывает сомнения в правомерности выделения типа. Однако посуда с таким же сочетанием признаков присутствует и в других жилищах среднего неолита – в сооружениях 15 и 20 поселения Мулымья 3 (рис. 76 – 1–6, 9, 11, 12, 15) и Мулымья 4 (рис. 59 – 1–5, 8, 17–20), Геологическое 7 (жилище 1), где она составляет единый комплекс с посудой сумпаньинского типа⁵⁴. Часть сосудов с отступающе-накольчатой и прочерченной орнаментацией, отнесенных Е. А. Гаджиевой к немнёлскому типу, находит соответствия в посуде кошкинского типа поселения Сумпанья 3 [Гаджиева, 1993. Рис. 54; Ковалева, 2008. С. 124, рис. 1 – 1. С. 127, рис.

⁵⁴ По данным Е. А. Гаджиевой, посуда немнёлского типа на поселении Геологическое 7 залегала в верхнем заполнении котлована [Гаджиева, 1993. С. 74]. Анализ распространения фрагментов сосудов сумпаньинского и немнёлского типов, проведенный нами, показал, что фрагменты сосудов немнёлского типа залегали и на дне котлована.

3. С. 129, рис. 4]. Но на поселении Леуши 7 не выявлено ни одного плоскодонного сосуда.

Сравнительный анализ технологии производства, морфологии, параметров и орнаментации сосудов сумпаньинского, немнёлского и шоушминского типов выявил признаки как специфичные для каждого типа, так и общие для всего комплекса. Необходимо отметить наличие в комплексе сосудов «смешанного» облика, в котором признаки разных типов сочетаются. Их количество невелико. Не исключено, что при проведении технико-технологического анализа всего комплекса будут выявлены и другие сосуды со смешанными признаками. Так, на двух сосудах морфологические признаки немнёлского типа (волнистый край, округлый срез, массивные стенки и внутренний наплыв) сочетаются с сумпаньинской техникой орнаментации – прочерчивание двузубым стержнем (рис. 98 – 13) и шагание гребенчатым штампом. Еще один сосуд, сумпаньинский по форме и наличию пояса ямок, декорирован в технике отступания, характерной для немнёлского типа. Наличие сосудов «смешанного» облика является дополнительным аргументом в вопросе о принадлежности разнотипной посуды к одному жилищному комплексу.

Не противоречит этому предположению и планиграфический анализ. На план сооружения нанесены фрагменты всех сосудов сумпаньинского, немнёлского и шоушминского типов. Установлено, что они залегали в одинаковых условиях (рис. 97). Развалы сосудов сумпаньинского типа найдены у юго-западной стены котлована на уровне «плечика» (?) (рис. 96 – 11, 12) и в центральной части котлована (рис. 96 – 13) на полу сооружения⁵⁵. Сосуд немнёлского типа с гребенчатой орнаментацией (рис. 98 – 8) залегал на полу в центральной и западной части котлована. На этом же уровне в северном углу котлована найден развал сосуда шоушминского типа (рис. 98 – 19).

Подводя итоги описания жилищного комплекса поселения Леуши 7, необходимо рассмотреть его характеристики на фоне неолитических комплексов р. Конды. В конструкции сооружения прослеживается ряд общих черт с постройками среднего неолита: это подсыпка охрой пола и напольной части сооружения, устройство ниш в стенах (Усть-Тетер 1, Шоушма 10), уступы – «плечики» вдоль стен, опора кровли на столбы (сооружение 16 поселения БУм-100), наличие внешних ям вокруг котлована (Мулымья 4, сооружение 16 поселения БУм-100). Коллекция камня содержит орудия позднемезолитического облика (шлифованные тесла с продольными желобками), триаду шлифованных орудий, типичную для среднего неолита (шлифованные ножи, наконечники стрел, долотце), ретушированные наконечники стрел на пластинах. Принадлежность каменных подвесок к неолитическому комплексу не очевидна. Аналогии глиняным абразивным брускам известны в материалах раннего и среднего неолита. В бассейне р. Конды подобное изделие найдено на поселении Чёртова Гора [Сладкова, 2008],

⁵⁵ Уровень «плечика» от –10 до –20 см, уровень пола от –70 до –80 см.

керамический комплекс которого имеет значительные черты сходства с посудой поселения Леуши 7⁵⁶. В сооружении 20 поселения Мулымья 3 (с посудой сумпаньинского и немнёлского типов) найдены аналогичные по форме, но не орнаментированные изделия. Серия орнаментированных глиняных брусков происходит из жилищ 7 и 15 поселения Барсова Гора II/9 в Сургутском Приобье [Челякин, 2009. С. 204, ил. 7], датированных второй третью VI тыс. до н. э. [Дубовцева, Косинская, 2021. С. 16, табл. 2]. Глиняные абразивные бруски найдены в жилище 1а на поселении Черная 3 раннего неолита в Сургутском Приобье [Косинская и др., 2011. С. 212–213; Дубовцева, 2021. С. 71–72].

Особенность жилищного комплекса Леуши 7 – в типологическом разнообразии посуды. Принадлежность сосудов сумпаньинского, немнёлского и шоушминского типов к одному контексту подтверждена планиграфией, наличием сосудов «смешанного» облика, аналогиями в неолитических комплексах Кондинского бассейна.

2.15. Поселение Чилимка 5

Памятник находится в Кондинском районе ХМАО – Югры в 21–23 км к СВ от д. Камы, на правом берегу р. Чилимки (табл. 1: № 41; рис. 7). Он открыт в 1986 г. Е. Г. Фильчаковым, исследован на площади 158 кв. м. И. Г. Глушковым в 1988 г. изучен котлован неолитического жилища, погребения, обладающие признаками мезо-неолитического погребального обряда, получена коллекция керамики и каменного инвентаря [Глушков, 1989]. Т. Н. Собольниковой выделена «чилимская неолитическая традиция» керамического производства [Собошникова, 1998. С. 118–124].

Жилищный комплекс среднего неолита

На поселении изучен жилищный котлован квадратной формы размерами 8×8 м и глубиной 1 м, с вертикальными стенками, ориентирован ЮЗ–СВ⁵⁷ (табл. 30: № 46; рис. 103) [Глушков, 2011. С. 158].

Принадлежность всех каменных предметов к жилищному комплексу не бесспорна. В заполнении котлована достоверно обнаружены абразив и шлифованный нож. Шлифованные инструменты – трапециевидные в плане тесла с прямым лезвием (3 ед.), наконечники стрел ромбического сечения с уплощенным насадом (2 ед.) и нож с клинком треугольного сечения – изготовлены из серого сланца. Абразивы (6 ед.) выполнены на плитках опоки и лимонита, обломках шлифованных орудий [Дубовцева, Клементьева, 2022]. Оригинальны два изделия размерами 88,0×29,0×5,5 и 20,0×13,0×4,8 мм в форме равнобедренных треугольников со

⁵⁶ Посуда, отнесенная Л. Н. Сладковой к кошкинскому типу [Сладкова, 2008], соответствует по основным признакам посуде немнёлского и шоушминского типа поселения Леуши 7.

⁵⁷ В отчете и публикации по-разному указано направление на север. Описание сооружения в статье соответствует плану, приведенному в отчете. В настоящей работе используется сводный план сооружения из статьи [Глушков, 2011. С. 155, рис. 1], но ориентировка изменена в соответствии с данными отчета [Глушков, 1989. Рис. 124].

скругленной вершиной (рис. 83 – 1, 2). Они изготовлены из плиток слоистого сливного песчаника (кварцита). У одного из орудий скругленный край с продольной трещиной (рис. 83 – 1). По заключению Е. Ю. Гири, орудия использовались в рукояти и применялись в операциях по обработке и декорированию изделий из сырой глины. Аналогии каменным орнаментам в комплексах таежного неолита Западной Сибири не известны. Единственное упоминание о подобных орудиях встречено в публикации материалов поселения Сумпанья 6 [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 93; рис. 4 – 23, 24].

Изделия из глины представлены двумя предметами (рис. 34 – 1, 2). Поделка в виде изогнутого жгута длиной 44 мм, толщиной 16–19×11–15 мм с заглаженной поверхностью и углублениями от пальцев охарактеризована И. Г. Глушковым как «изделие из глины в форме фаллоса». Второе изделие размерами 36×27×18 мм является обломком расколотого по продольной оси эллипсоида, декорированного разнонаклонными отрезками из наколов.

Керамический комплекс поселения Чилимка 5 (прил. 2.28; табл.3; рис. 104–107) по морфологическим и орнаментальным признакам имеет сходство с посудой умытчинского и быстринского типов [Дубовцева, Клементьева, 2022]. Однако при сопоставлении показателя соотношения диаметра устья и толщины стенок, равного 31,81, с показателями других неолитических комплексов р. Конды сосуда поселения Чилимка 5 могут быть определены как толстостенные (табл. 3). Данное определение является неожиданным – основным признаком посуды чилимкинских типов традиционно считалась ее тонкостенность [Глушков, Соболенкова, 1999. С. 117]. В керамических комплексах, отнесенных к «тонкостенной» генерации, данный показатель значительно выше⁵⁸. На поселениях умытчинского типа БУМ-9, 57, 109.1, 109.2 он варьируется в диапазоне от 47,5 до 50,39; на поселении быстринской культуры Быстрый Кульёган 66 равен 43,29. Причина такого расхождения, вероятно, связана с отличиями в способах конструирования емкостей. Для посуды умытчинского и быстринского типов характерно конструирование емкостей на формах-основах лоскутным или ленточным налепом [Дубовцева, Клементьева, 2014. С. 249; Клементьева, Труфанов, 2019. С. 23; Поселение..., 2006. С. 15]. Сосуды поселения Чилимка 5 сформованы преимущественно жгутовым налепом без использования форм-основ [Соболенкова, 1995. С. 65].

Поселение Чилимка 5 расположено на границе ареалов умытчинского КТП бассейна р. Конды и быстринской АК Сургутского Приобья. Сопоставление характеристик этого жилищного комплекса (элементы конструкции сооружения, технико-типологические особенности керамического комплекса и каменного инвентаря) с памятниками указанных культурных образований показало, что он не обладает особыми признаками или их сочетаниями, определяющими его самобытность. Более того, базовые признаки перечисленных

⁵⁸ Показатель рассчитан по материалам, предоставленным Е. Н. Дубовцовой.

типов настолько близки и так часто пересекаются, что отнести исследуемую посуду к одному из них также не представляется возможным. Близкие характеристики имеет и посуда поселения Чэс-Тый-Яг в бассейне р. Северной Сосьвы и Колунгтотытор 1 в левобережье р. Оби. Поселение Чилимка 5 является одним из типичных памятников быстринско-умытшинского КХГ [Дубовцева, Клементьева, 2022]. Хронологическая позиция поселения Чилимка 5 определена по результатам датирования нагара в диапазоне 5970–5370 кал. лет до н. э. (табл. 2: № 107, 108).

Погребения

На поселении Чилимка 5 И. Г. Глушковым были исследованы три погребения. В публикациях они не упомянуты, а в полевом отчете информация предельно краткая: «...на глубине –40 см... жилище выглядело как аморфное пятно... вокруг него в кв. 1В, 1Г, 2Г, 3Д отмечались небольшие охристые пятна» [Глушков, 1989. С. 12]. Очертания ям, зарисованные в полевом дневнике, вынесены нами на план раскопа (рис. 103). Могилы, овальные в плане, размерами 2,5–2,0×0,8–0,6 м, ориентированы СЗ–ЮВ. Их заполнение мощностью до 0,4 м состояло из красной охры. В ямах обнаружены кости (человека?) и каменные орудия эпохи неолита. В погребении 1 – два шлифованных наконечника стрел, изделие из лимонита, лезвие тесла, в погребении 2 – шлифованный нож и обломок тесла. На поздний возраст погребений, по отношению к неолитическому жилищу, указывает то, что ямы прорезали темно-серый песок, являвшийся, по мнению И. Г. Глушкова «погребенным слоем жилища», а также находки в ямах мелкой керамики из него [Глушков, 1988].

* * *

Подводя итоги обзора неолитических памятников р. Конды, следует отметить достаточно высокую информативность источников для построения региональной культурно-хронологической схемы неолита. На 42 памятниках, исследованных раскопками, изучено более 25 неолитических поселений, два могильника и 11 погребений. Сделан вывод о многокомпонентности ряда жилищных комплексов среднего неолитического периода. Хронологическая позиция поселений и могильников / погребений определена по 86 радиоуглеродным датам из 38 контекстов. Классификация источников по КТП, предложенная в следующей главе, позволяет проследить динамику культуры неолитического населения р. Конды с конца VII до первой половины IV тыс. до н. э.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Р. КОНДЫ

3.1. Культурно-хронологическая схема

Для построения культурно-хронологической схемы эпохи следует обозначить события, ознаменовавшие ее начало и конец, обосновать внутреннюю периодизацию, определить временные рамки и содержание предшествующей и последующей эпох. Согласно технологическому подходу, основанием археологической периодизации является появление и распространение новых технологий. Начало эпохи неолита в таежной зоне связано с появлением глиняной посуды. Событие, определяющее окончание новокаменного века, – появление первых металлических изделий – происходит в таежных районах Западной Сибири значительно позднее, чем в лесостепном и лесном Зауралье. Для рассмотрения культур сопредельных регионов в единой периодизационной схеме исследователями используются признаки изменений материальной и духовной культуры таежного населения, ознаменовавшие окончание неолитической эпохи.

Эпоха мезолита в бассейне р. Конды начинается с голоцена, приблизительно 12–10 тыс. лет назад (табл. 2: № 54–60, 97–99) [Погодин, 2006. С. 7]. В это время оформляются основы хозяйственного уклада таежных охотников и рыболовов, происходит переход к оседлому образу жизни.

Эпоха неолита. В последней трети VII тыс. до н. э. в среде местного населения появляется гончарная технология. С этого времени основными маркерами культурной динамики становятся изменения в технологии производства и стилистике орнаментации глиняной посуды. Древнейшая керамика в бассейне р. Конды – плоскодонная с накольчатым орнаментом, поздненеолитическая – округлодонная с печатно-ребенчатым орнаментом. Приоритетным критерием для периодизации неолитической эпохи являлись традиции керамического производства. Комплексы со сходным типом посуды объединены в культурные типы памятников: мулымьинский, умытшинский, шоушминский, сумпаньинский, ушшинский. По изменениям традиций производства керамики, каменных орудий и домостроения предложено выделение трех периодов неолита: раннего, среднего и позднего.

Ранний период – последняя треть VII тыс. до н. э. (табл. 2: № 68, 70) – характеризуется распространением мулымьинского КТП с плоскодонной посудой. В это время на одной территории проживали общества, использовавшие керамическую посуду, и группы населения, еще не воспринявшие эту новацию.

Средний период длится с начала VI тыс. до н. э. до второй половины V тыс. до н. э. С начала VI тыс. до н. э. распространяются памятники с округлодонной посудой – тонкостенной с волнисто-прочерченным орнаментом (умытшинского типа) и толстостенной с

плотным отступающе-накольчатым декором (шоушминского типа). Вероятно, результатом взаимодействия коллективов с различными традициями производства и декорирования посуды было появление керамики сумпаньинского и немнёлского типов.

Поздний период – вторая половина V – первая половина IV тыс. до н. э. – характеризуется ушьинским КТП. Во второй половине V тыс. до н. э. начинается постепенная смена прочерченно-волнистого орнаментального (умытьинского) стиля на печатно-гребенчатый (ушьинский). На одной территории проживают коллективы с посудой умытьинского и ушьинского типов. Они обладают близкими традициями домостроения и камнеобработки. К началу IV тыс. до н. э. умытьинские традиции декорирования посуды угасают, ушьинские продолжают до середины IV тыс. до н. э. (табл. 2: № 10, 35–40, 103).

Верхняя хронологическая граница неолита определяется по времени появления в бассейне р. Конды памятников еныйского и атымьинского типов – со второй половины IV тыс. до н. э. (табл. 2: № 1, 2, 21–26; рис. 108), относимых С. Ф. Кокшаровым к переходному периоду от неолита к эпохе бронзы. Особенностью переходного периода является «...отсутствие изделий из меди и следов ее переработки, хотя таковые известны на синхронных энеолитических памятниках Среднего, Южного Урала и Тюменского Притоболья» [Кокшаров, 2015. С. 5–13].

3.2. Культура кондинского населения в мезолите

Число известных в настоящее время мезолитических памятников на севере Западной Сибири около 50. В бассейне р. Конды изучены могильники Большая Умытья 100 и Сатыга 16а [Клементьева, Погодин, 2020а], поселения Геологическое 3 [Кокшаров, Погодин, 2000], Большая Умытья 74 [Погодин, 2019], Леуши 3, 9, 13, 14 [Беспрозванный, 1997], Убья 3 [Погодин, 2015], Большая Учinyя 23 [Беспрозванный, Погодин, 2006б], Ленино 3 (Кондинское 3) [Сери́ков, 1998]⁵⁹, стоянки Мулымья 6.3 [Погодин, 2021] и Сатыга 17а [Погодин, Беспрозванный, 1999] (табл. 1). Периодизация мезолитической эпохи севера Западной Сибири не разработана, элементы, определяющие хронологическую позицию комплексов, не установлены [Беспрозванный, Погодин, 2006а. С. 167–168]. По радиоуглеродным датам стоянка Сатыга 17а и поселение Геологическое 3 (табл. 2: № 52, 76) отнесены к раннему периоду мезолита, а поселение Леуши 9 – к позднему, приходящемуся на вторую половину VII тыс. до н. э. (табл. 2: № 54–60).

Мезолитические поселения расположены в нижнем течении малых рек и на озерах. На сезонных стоянках изучены постройки со слабоуглубленным, до 0,3 м, котлованом (Леуши 14) и наземные сооружения (Сатыга 16а, Большая Учinyя 23). Наземные сооружения в плане

⁵⁹ Название памятника «Ленино 3» использовано в публикации автора исследования, Ю. Б. Серикова, в «Археологических открытиях» за 1985 г. [Сери́ков, 1987], в последующих публикациях введено название «Кондинское 3» [Сери́ков, 1998].

овальные и прямоугольные, площадью 15–25 кв. м. Углубленные постройки долговременных поселений (Геологическое 3 и 16, Леуши 3 и 9) состояли из одного или двух котлованов глубиной 0,3–0,75 м. Площадь однокамерных сооружений около 40 кв. м, двухкамерных – до 80 кв. м. Для домостроения характерно обшивка стен деревянной крепью, использование опорных столбовых конструкций, устройство ниш в стенах котлована и хозяйственных ям под полом. Очаги располагались по центру жилищ. Иногда дно котлована посыпалось охрой [Беспрозванный, 1997; Кокшаров, Погодин, 2000; Беспрозванный, Погодин, 2006а]. Сложные конструкции жилищ, требующие значительных трудозатрат при их возведении, по мнению А. А. Погодина, являются признаком становления хозяйства оседлых охотников и рыболовов. Крупные поселения являлись базовыми лагерями в пределах промысловых территорий [Кокшаров, Погодин, 2000. С. 123].

О знании позднемезолитическим населением утилитарных свойств глины свидетельствует конструкция очагов в жилище 3 поселения Леуши 9. Остатки двух очажных конструкций состояли из насыпи черной углистой супеси размерами 0,7×0,5 м и толщиной 0,08–0,12 м, были перекрыты линзой суглинка диаметром 0,5 м, мощностью 0,03–0,06 м [Беспрозванный, 1987. С. 8]. Рядом с одним из очагов была найдена глиняная поделка сферической формы диаметром около 2,5 см [Беспрозванный, 1987. Рис. 20 – 5].

Для изготовления орудий из камня использовалось местное сырье: кремьень различного качества, зеленая и сургучная яшма, крупнокристаллические породы (кварц, кварцит, габбро и т. п.). Исходное сырье расщеплялось в отжимной (призматической), ударной и контрударной технике. Основным типом заготовки для вкладышевых орудий является пластина. Пластины-заготовки для составных вкладышевых орудий характеризуются микролитойностью, их ширина составляет в среднем 0,5–0,6 см. Такие орудия на пластинах, как концевые скребки, резчики, острия, не образуют представительных серий, резцы практически единичны. Из отщепов и расколотых галек изготавливались скребки и прокалывающе-провертывающие орудия. Спецификой сырьевой базы, выражающейся в дефиците хороших пород камня, обусловлено использование в производстве кварца. Его доля, включая сырье, продукты расщепления и орудия, в жилищных комплексах значительна: на поселении Геологическое 3 она достигает 30,4 и 43,5 % [Кокшаров, Погодин, 2000. С. 124]. Обработка кварцевых галек проводилась контрударным расщеплением. По соотношению изделий на пластинах и отщепах для двух комплексов поселения Геологическое 3 установлен невысокий процент их пластинчатости – 44 % в жилище 5 и 32,8 % в жилище 1 [Кокшаров, Погодин, 2000. С. 125]. Для изготовления долотовидных орудий, абразивов, наковален, отбойников, рубящих орудий, ножей использовались гальки. Рубящие и некоторые долотовидные орудия обработаны пикетажем и частичной пришлифовкой. Оригинальны топоры-тесла с «цапфами» и / или с

продольным желобком. Единичны шлифованные ножи с подтреугольным сечением. Специфика мезолитического технокомплекса – отсутствие наконечников стрел на пластинах и геометрических микролитов.

Для погребального обряда мезолита характерны два способа захоронений – ингумация (БУМ-100) и кремация (Сатыга 16а). В обоих случаях использовалась охра. Известны вертикальные погребения (БУМ-100; табл. 42: № 21, 36, 38). Захоронения совершались на обособленной территории могильников и на поселениях [Беспрозванный, Погодин, 1998; Клементьева, Погодин, 2020а].

Оформившееся в мезолите на территории Кондинского бассейна «устойчивое культурное образование с разработанным механизмом адаптации на основе комплексного охотничье-рыболовческого хозяйственного уклада» [Погодин, 2006. С. 10] существовало до конца каменного века. Основные сферы системы жизнеобеспечения – места проживания, домостроение, камнеобработка, охота, рыболовство – сохранялись и в эпоху неолита.

3.3. Культура кондинского населения в неолите

Эпоха неолита на севере Западной Сибири приходится на атлантический период голоцена, определяемый в интервале от 8000 до 4500 л. н. [Хотинский и др., 1979]. Начало атлантического периода (6200 тыс. л. до н. э.) ознаменовалось кратковременным похолоданием, за которым последовал термический максимум голоцена. Климатические условия этого периода отличались от современных меньшими годовыми суммами осадков, более низкими зимними и наиболее высокими летними температурами [Чаиркина, Пиецонка, 2021. С. 12]. Речная сеть к началу атлантического периода, по-видимому, уже сформировалась. В пойменной части современных малых рек, притоков р. Конды – Большая Умытъя, Малый Ах – в голоцене на протяжении длительного времени функционировала сеть древних поточных озер [Чаиркина, 2009. С. 181–182]. Эвтрофикация части озер и накопление в них сапропеля начинается в бореальный период (около 7500 л. до н. э.), на рубеже атлантического и суббореального периодов (около 4500 л. до н. э.) в результате кратковременного похолодания происходит обмеление озер, начинаются процессы заболачивания и торфообразования [Чаиркина, Пиецонка, 2021. С. 11]. Граница лесной зоны в атлантическом периоде проходила на 300–350 км севернее, по территории современной тундры. Картографирование неолитических памятников региона показывает их приуроченность к подзонам средней и южной тайги. В верховьях р. Конды они находились в зоне еловых, хвойно-широколиственных и сосновых западносибирских лесов, в среднем течении – в подзоне темнохвойных южнотаетных лесов. Видовой состав животных, вероятно, являлся стабильным на протяжении всего голоцена. На поселениях эпохи мезолита – позднего неолита находят кости северного оленя, лося, бобра,

волка, соболя, зайца, птицы, рыбы (щука, окунь, налим, сиговые, карповые виды) [Беспрозванный и др., 2014. С. 171–176].

3.3.1. Ранний неолит: мулымьинский культурный тип памятников

Культура ранненеолитического населения, проживавшего в бассейне р. Конды, характеризуется по материалам памятника Мулымья 3 – большого поселения, состоящего из однокамерных и двухкамерных жилищ, в которых найдена плоскодонная посуда и каменный инвентарь [Клементьева, Погодин, 2023а]. Памятники с керамикой, имеющей типологическое сходство с посудой Мулымья 3, объединены в мулымьинский КТП. Они составляют 10 % от числа выявленных и исследованных неолитических памятников (рис. 28). Сопоставление количества поселений позднего мезолита и раннего неолита в бассейне р. Конды не показало существенного преобладания последних. Памятники мулымьинского типа и синхронные им позднемезолитические стоянки и поселения расположены в схожих топографических условиях – на берегах малых рек и озер.

Поселение Мулымья 3 является единственным на настоящий момент памятником, где получен верифицированный стратиграфический контекст жилищных комплексов раннего и среднего неолита, обеспеченный радиоуглеродными датами (табл. 1: № 26; 3: № 1–16, 19–21; рис. 72). На поселении изучены постройки и жилища различной конструкции: наземные (до 0,2 м) площадью 8–12 кв. м и углубленные (до 0,7–1,2 м), состоящие из одного или двух соединенных переходом котлованов (рис. 73). Площади однокамерных полуземлянок 30–50 кв. м, двухкамерных – 50–80 кв. м. Стенки котлованов были забраны деревянной крепью, перекрытие поддерживалось опорной конструкцией из столбов, расположенных по углам и вдоль стен котлована. Выходы коридорообразные, шириной 0,6–0,7 м и длиной до 2,1 м. Внутри двухкамерных сооружений зафиксированы наземные очаги, под полом углубленных построек – хозяйственные ямы. В конструкции котлованов встречены такие детали, как уступы – «плечики». Охра на полу котлованов отмечена локальными линзами. Сооружения раннего неолита по конструктивным элементам интерьера, включая площади котлованов, и остаткам опорной конструкции стен и, вероятно, перекрытия кровли имеют сходство с позднемезолитическими постройками поселений Геологическое 3 [Кокшаров, Погодин, 2000] и Леуши 9 [Беспрозванный, 1997].

Поселение Мулымья 3 – базовое, относительно долговременное поселение. Таежные аборигены, как и их мезолитические предшественники, занимались охотой, рыболовством и собирательством. Объектами промысла были лось, северный олень, волк, лисица, заяц, бобр, белка, соболь, выдра, боровая дичь, рыба (табл. 31). На поселении найдены кости собак, что свидетельствует о содержании этих животных как домашних, использовавшихся в охоте и охране мест проживания. Данные для реконструкции диеты обитателей поселка единичны

(табл. 34)⁶⁰: по нагару одного из сосудов получены данные, вероятно, о рыбной пище⁶¹.

Свидетельством производства каменных орудий на поселении Мулымья 3 являются находки в сооружениях сырья: галек колотых и целых, продуктов дебитаж, контрударных ядрищ, отщепов и сколов, наковален и отбойников (табл. 17). Использовалось местное галечное сырье (табл. 18). Велика доля изделий из кварца (40 %). Из этой породы изготовлены отбойники и наковальни, а также немногочисленные морфологически выраженные орудия: скребки, сверла и острия. Из серо-зеленого кремня выполнены преимущественно ретушированные орудия, из серо-зеленого сланца – шлифованные. Крупнозернистые породы – кварцитопесчаник, кварцит, гнейс – использованы для изготовления абразивов.

Расщепление проводилось контрударным и отжимным способом. О превалировании первого указывает высокий процент контрударных ядрищ – 96 %, в то время как доля призматических нуклеусов составляет 4 %. В комплексе не встречены нуклеусы для снятия массивных пластин. По соотношению продуктов расщепления в комплексе преобладают отщепы (56,8 %) и осколки (37,9 %), пластин не более 5,2 %. Только 4 % отщепов отнесены к орудиям, не исключено, что среди других 96 % отщепов орудия тоже есть, но они морфологически не выражены. Из пластин в орудия оформлены 65,9 % заготовок. Распределение типов изделий по заготовкам следующее: 58,7 % орудий изготовлены на пластинах, 36,3 % – на отщепах (рис. 111). При сравнении процента пластинчатости мезолитических и ранненеолитических комплексов получены близкие показатели: 32,8 и 44 % на Геологическом 3 и 58 % на Мулымье 3. В мезолитических комплексах доля микропластин⁶² (шириной до 5 мм) составляет от 5 до 14 % на поселении Геологическое 3 [Кокшаров, Погодин, 2000], 35,6 % на стоянке Сатыга 16а [Беспрозванный, Погодин, 1998. С. 53], 56 % на поселении Ленино 3 [Серигов, 1998а. С. 14–15]. На поселении Мулымья 3 этот показатель равен 19 % (табл. 50)⁶³. На Мулымье 3, как и на мезолитических памятниках Геологическое 3 и Сатыга 16а, преобладают узкие пластины шириной 6–10 мм. Микропластины и часть узких пластин, вероятно, являлись вкладышами составных орудий. Для изготовления концевых скребков на поселении Мулымья 3 (табл. 39, 50), так же как и на мезолитическом поселении Ленино 3 [Серигов, 1998. С. 14–15], использовались средние и широкие пластины. Орудиями являлись (табл. 36, 39; рис. 110) ретушированные пластины (рис. 80 – 9, 19, 20), скребки и острия на отщепах (рис. 81 – 1–12) и пластинах (рис. 80 – 14–17). Скребки на пластинах концевые, лезвие,

⁶⁰ Исследования выполнены Yoshitaka Kanomata (Tohoku University), Mizuki Matsuda, Ryosuke Hayase, Keiichi Ohara (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) при поддержке Grants-in-Aid for Scientific Research from Japan Society for the Promotion of Science (no. 16KK0020).

⁶¹ Требуется адекватная интерпретация результатов анализа.

⁶² Ширина микропластинок 4–5 мм, узких пластин – 6–10 мм, средних – 11–15 мм, широких – 16 и более мм [по: Кокшаров, Погодин, 2000. С. 125].

⁶³ В выборку включен материал из всех контекстов раннего неолита, изученных на поселении Мулымья 3.

расположенное на торце, а иногда и боковые стороны оформлены со спинки крутой или отвесной ретушью.

На поселении Мулымья 3 найдено 47 ретушированных наконечников стрел, 34 из которых происходят из сооружений (табл. 17, 37), 13 – из переотложенных слоев. Форма определена для 37 изделий: 26 – черешковые, шесть – листовидные, четыре – подтреугольные с выемкой в основании, одно – асимметричное. В заполнении сооружений найдены наконечники разных форм, как целые⁶⁴, так и фрагментированные (рис. 79 – 1–19). Они выполнены из кремня серо-зеленого (27 ед.) и светло-серого цвета (1 ед.), серо-зеленого сланца (4 ед.) и зеленой яшмы (1 ед.) (табл. 18). Крутой краевой ретушью со спинки, как правило, оформлены оба края и / или острие. Треугольные насады черешковых наконечников дополнительно подработаны краевой ретушью по обеим сторонам с брюшка. Среди фрагментированных орудий два со следами метательного воздействия (рис. 79 – 14). В бассейне р. Конды черешковые наконечники на пластинах встречены на памятниках вместе с плоскодонной посудой (Супра 4, Арантур 2⁶⁵, Леуши 3 [Погодин, 1996. С. 33, рис. 56 – 13], Чёртова Гора [Сладкова, 2008. С. 157, рис. 8 – 10, 12, 14]) (рис. 79 – 20–23).

Показателем развития абразивной техники камнеобработки являются находки на поселении Мулымья 3 шлифованных рубящих орудий и ножей, абразивных камней (табл. 17). Ножи, изготовленные на сланцевых плитках, имеют треугольный клинок (рис. 82 – 1–3). У орудий, выполненных на сколах шлифованных изделий, оформлена только режущая кромка. Тесла по форме трапецевидные, их лезвия прямые или скругленные, обушковый торец усеченный (прямой) или приостренный (рис. 82 – 4–6).

Гончарство раннего неолита характеризуется по материалам поселения Мулымья 3, в керамическом комплексе которого учтено 117 емкостей. 73 % сосудов происходит из сооружений. Стоит отметить, что количество посуды в жилищах невелико, в наиболее крупных варьируется от 14 до 26 сосудов (табл. 35). Сохранность посуды плохая, условно целые сосуды представлены в 4 постройках одним или двумя экземплярами (рис. 74 – 10, 11, 14, 15, 18, 19; 75 – 11). Присутствие на 12 % сосудов нагара и пригара свидетельствует об их использовании для варки пищи. Объемы таких емкостей варьируются от 1 до 7,5 л (табл. 4, 5). В небольших по площади постройках ранненеолитического поселка найдены лишь единичные обломки глиняной посуды или не обнаружены вовсе (табл. 30: № 4, 5, 10, 11, 13–16). Косвенными признаками гончарного производства на территории поселения являются находки комков и кусков обожженной глины – проб пластичности сырья.

⁶⁴ Метрические характеристики целых изделий: черешковые наконечники имеют длину от 31 до 60 мм, ширину 9–12 мм, толщину 3–5 мм; листовидной формы – длину от 27 до 39 мм, ширину 7–11 мм, толщину 3–4 мм; с выемкой в основании – длину от 20 до 34 мм, ширину 10–11 мм, толщину 2–3 мм.

⁶⁵ Разведка Е. М. Беспрозванного 1984 г., шифр коллекции 2887 фондов археологического музея УрФУ.

В качестве исходного сырья использовались местные глины, в разной степени ожелезненные и / или насыщенные песком, а также обогащенная органикой илистая глина. Доминирующими добавками в формовочной массе являются шамот и органический раствор. Конструирование начиналось со дна и выполнялось из лоскутов, которые бессистемно накладывались в 2–3 слоя. Одним из возможных способов конструирования являлась лепка в форме-емкости. Об этом свидетельствуют характерные оттиски на внешней стороне небольшого (0,6 л) сосуда. Поверхности емкостей тщательно заглажены шпателями и пальцами. Наружное окрашивание охрой отмечено на 20 % сосудов. Обжигалась посуда в костре в неустойчивой окислительной среде (табл. 6).

Сосуды плоскодонные, баночной формы (70 %) или с выделенной шейкой (30 %). Венчики с плоским срезом (81 %), некоторые утолщены, имеют Т- или Г-образный профиль (21 %). На переходе стенок к плоскому дну оформлен придонный валик. Диаметры устья определены для 55 сосудов в интервале от 5 до 38 см ($\bar{A} = 20,56$ см). Ранжирование показателей по формуле Стерджесса⁶⁶ демонстрирует равномерное распределение с преобладанием сосудов 2–4-й интервальной групп с диаметром устья от 14,6 до 28,9 см (38 ед., 69 %). Доля миниатюрных сосудов, вошедших в первую группу, составляет 9 % (рис. 77). Толщина стенок – от 0,5 до 1,3 см ($\bar{A} = 0,76$ см). Соотношение диаметров устья и толщины стенок – 27,6. Диаметры днищ – от 5,2 до 14 см ($\bar{A} = 9,3$ см). Соотношение диаметров устья и дна – от 1,6 до 2,9 ($\bar{A} = 2$). Объемы определены для 9 сосудов, варьируются от 0,6 до 7,5 л (табл. 4, 5).

Скульптурный декор выполнен в виде валиков и налепов на венчиках [Клементьева, Погодин, 2023б]. Валиками украшены 18 сосудов (15 %), налепами – 3. Валики расположены, как правило, в верхней части тулова, параллельно краю, в один (рис. 74 – 15; 75 – 3, 4), реже в два ряда (рис. 74 – 5, 20). В исключительных случаях они располагались в придонной части емкости (рис. 75 – 5). В одном случае валик примыкает к краю сосуда под прямым углом (рис. 74 – 3), в двух – валики размещены внутри емкости (рис. 74 – 13). Валики налепные, из жгутов, наложенных на технологические желобки (рис. 75 – 3, 5). Единично зафиксирован вытяжной валик (рис. 74 – 15). Налепы расположены по срезу или внешнему краю венчика (рис. 74 – 1, 2, 4). Глубокие ямки или отверстия нанесены с внешней стороны 32 % сосудов. На емкостях с валиками они размещены между краем и валиком, с выделенной шейкой – в прогибе шейки. Иногда ямки продавливались по линии широкого прочерченного желобка (рис. 74 – 16, 17). Особенность комплекса – высокая доля посуды (27 %) с неорнаментированной внешней поверхностью (рис. 74 – 6, 10; 75 – 1, 2, 4). Распределение орнаментов по техникам их

⁶⁶ Использование формулы Стерджесса $\alpha = \frac{x_{\max} - x_{\min}}{1 + 3,32 \lg n}$ в анализе массового археологического материала обосновано Г. А. Федоровым-Давыдовым [1987. С. 27]. Здесь и далее (приложение 2) $x_{\max}$ – самое большое значение признака; $x_{\min}$ – самое малое его значение; n – число единиц совокупности

исполнения демонстрирует преобладание накольчатых узоров (рис. 78). Их доля достигает 52 %⁶⁷. В технике прочерчивания декорировано 9 % сосудов, отступления – 3 %. Отмечено комбинирование техник орнаментации: в одном орнаменте с наколами нанесены прочерченные или отступающе-накольчатые элементы (11 %). Композиции на тулове монотонные и с геометрическими мотивами. Для монотонных композиций, состоящих из горизонтальных или диагональных линий, характерна достаточно высокая плотность заполнения орнаментального поля в верхней и средней части емкости (рис. 74 – 15–17; 75 – 3, 5). Геометрические мотивы представлены крупными треугольными фигурами, обращенными вершинами вниз (рис. 74 – 11; 75 – 11), широким горизонтальным зигзагом, ромбической сеткой (рис. 74 – 9, 11, 14, 18, 19). Внешняя сторона 30 % днищ покрыта орнаментом из параллельных прямых линий, ромбической сетки или ряда наколов по периметру.

Мулымьинский тип керамики выделен как устойчивое сочетание технологических, морфологических и орнаментальных признаков посуды поселения Мулымья 3. Плоскодонные емкости баночной и горшечной формы изготовлены из глины с примесью шамота и органического раствора способами скульптурной лепки. Единично отмечено использование формы-емкости. Сосуды декорированы в накольчатой и прочерченной технике преимущественно по верхней части и дну; треть сосудов не орнаментирована. Характерен скульптурный декор в виде валиков, рассеченных наколами, и налепов по краю, а также поясок глубоких ямок под венчиком.

Посуда, обладающая признаками мулымьинского типа керамики, найдена на 35 памятниках в бассейне р. Конды (рис. 109, 110), многие из них исследованы раскопами: Геологическое 3 и 16, БУМ-72 и 142, Мулымья 3 и 4, Леуши 3, 9 и 13, Угловое 1, Чёртова Гора, Сумпанья 2, 4 и 6 (табл. 1). Для атрибуции плоскодонной керамики поселений Сумпанья 2, 4 и 6 в историографии утвердилось понятие «сатыгинский тип керамики» [Хлобыстин, 1993; Чаиркина, Дубовцева, 2016; Дубовцева, 2021], а посуду поселения Геологическое 16 принято называть керамикой боборыкинского типа [Ковалева, Зырянова, 2010; Кокшаров, Зырянова, 2011]. Мы склонны понимать эти комплексы в контексте мулымьинского КТП [Клементьева, Погодин, 2023а].

Во избежание в дальнейшем неопределенности, возникшей у ряда исследователей неолита Западной Сибири [Дубовцева, 2021. С. 101; Еньшин, 2022б. С. 35], логично рассмотреть вопрос о соотношении понятий «мулымьинский КТП» и «сатыгинский тип керамики». С позиции полноты источника считаем выделение *мулымьинского КТП* правомерным и эффективным для характеристики раннего неолитического периода в бассейне р. Конды. Понятие «сатыгинский тип» характеризует только *керамические комплексы*. На памятниках р. Сумпанья они не имеют

⁶⁷ От общего числа сосудов – 61 из 117 ед.

какого-либо контекста, стратиграфической и хронологической позиции [Хлобыстин, 1993; Косинская, 2001; Ковалева, Зырянова, 2008б]. Типологические характеристики поселения Геологическое 16 (табл. 1: № 16), отнесенного авторами исследований к боборыкинской АК позднего неолита [Кокшаров, Зырянова, 2011. С. 193–194], близки материалам ранненеолитического поселения Мулымья 3. Для индустрии камня обоих памятников характерно контрударное расщепление, преобладание предметов из кварца и кварцита. Общими признаками керамики боборыкинского типа поселения Геологическое 16 и мулымьинского типа поселения Мулымья 3 являются: плоские днища; Г-образный абрис венчика; внутренние наплывы по краю; накольчатый, прочерченный и отступающе-накольчатый орнамент; поясок ямок под венчиком; сетчатые узоры. В заполнении неолитического котлована поселения Геологическое 16 (табл. 30: № 18), как и в котлованах ранних построек Мулымья 3 (табл. 30: № 1–16), не зафиксировано использование охры для подсыпки пола. Необходимо отметить, что на Мулымье 3 распространены ретушированные наконечники стрел на пластинах, шлифованные, как на Геологическом 16, – не встречены. Дата по углю со дна котлована, исследованного на поселении Геологическое 16, 5440 ± 60 ВР (Je-6995), 4446–4067 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 53), указывает на вторую половину V тыс. до н. э. – время боборыкинской АК [Кокшаров, Зырянова, 2011. С. 197; Ковалева, Зырянова, 2010. С. 278]. По нашему мнению, несоответствие типологии и радиоуглеродной хронологии может быть объяснено тем, что котлован неолитического жилища перекрыт постройкой бронзового века, в связи с чем могло произойти «загрязнение» образца, повлекшее «омоложение» даты⁶⁸.

Как следует из проведенного анализа, керамические комплексы сатыгинского, по Л. П. Хлобыстину [1993], или боборыкинского, по В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой [2008в], и мулымьинского типов обладают общим типологическим ядром и, вероятно, являются отражением единой культурной традиции, распространенной на территории Кондинского бассейна с последней трети VII тыс. до н. э. Не исключаем, что проявления этой традиции «доживают» до середины V тыс. до н. э. Они представлены в керамических комплексах сооружения 7 поселения БУм-2 (прил. 2.1; табл. 2: № 4, 5; рис. 10), в плоскодонной посуде с отступающе-накольчатым и прочерченным декором «немнёлского типа» поселения Еныя 12 [Стефанов и др., 2005], а также в так называемом «северном варианте посуды кошкинского типа» поселения Сумпанья 3 [Ковалева, 2008] и раскопа III поселения Геологическое 16 [Кокшаров, Зырянова, 2011. С. 187–188], в плоскодонной посуде с печатным и шагающе-

⁶⁸ Подобная ситуация прослежена по сооружению 19 поселения Мулымья 3 (табл. 30: № 7). Котлован ранненеолитической постройки был перекрыт отложениями среднего неолита (с посудой сумпаньинского и шоушминского типов) и бронзового века (с посудой полымьятского типа). Дата по углю из раннего котлована не согласуется со стратиграфической позицией сооружения 19 и хронологией неолитических древностей р. Конды: она указывает интервал 5328–4843 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 69), отчасти соответствующий возрасту сумпаньинских древностей.

гребенчатым орнаментом из объекта 1 поселения Чёртова Гора [Сладкова, 2008. С. 151, рис. 2 – 1–3] и поселения Леуши 3 [Погодин, 1996. С. 16–18, 23]. Необходимо отметить, что проблема протяженности во времени и вариантов развития этой традиции требует дальнейшего изучения.

Мулымьинский КТП в контексте неолитических древностей Урала и Западной Сибири. По морфологическим и декоративным признакам мулымьинская керамика отчасти сопоставима с посудой амнинского типа поселения Амня I бассейна р. Казым [Морозов, Стефанов, 1993], сатыгинского типа Усть-Вагильского холма [Панина, 2008] и поселения Нижнее озеро 3 в Северном Зауралье [Чаиркина, Дубовцева, 2016], поселений Барсова Гора II/9 [Чемякин, 2009] и Каюково 2 [Ивасько, 2008] Среднеобской низменности, боборыкинского комплекса поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье [Еньшин, 2021; 2022a] и барабинской культуры раннего неолита в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2018. С. 43, 45, рис. 5; Молодин и др. 2020]. Эпохальным трендом гончарства этой обширной территории в VII тыс. до н. э. являлось изготовление плоскодонной посуды с накольчатым и прочерченным орнаментом.

В рамках исследования неолитизации Западносибирского региона предложены концепции автохтонного происхождения гончарства [Молодин и др., 2020], появления его в результате миграций [Зах, Еньшин, 2015] или культурных заимствований [Дубовцева, 2021. С. 200]. Х. Пиецонка предполагает разнонаправленные векторы культурных контактов [Piezonka et al., 2020. С. 13], приведших к распространению новаций неолитической эпохи. Е. Н. Дубовцева, обращая внимание на сформированную традицию производства древнейшей керамики севера Западной Сибири и на малочисленные свидетельства знакомства мезолитического населения со свойствами глины, связывает распространение гончарной технологии с проникновением в таежную зону населения из лесостепной зоны Западной Сибири – из Барабинской лесостепи [Дубовцева, 2021. С. 200].

Однозначного ответа о механизмах появления неолитических новаций в бассейне р. Конды в настоящее время нет. Комплексное исследование совокупности данных по раннему неолиту бассейна р. Конды позволяет говорить, с одной стороны, о продолжении мезолитических традиций домостроения и камнеобработки, с другой – о западном и /или южном векторах культурных связей, повлекших появление керамики у мезолитического населения. Маркерами этих связей в позднем мезолите – раннем неолите, вероятно, являются типы построек (двухкамерные полуземлянки) и каменных орудий (ретушированные наконечники стрел на пластинах).

Ареал традиции строительства двухкамерных полуземлянок в эпоху мезолита, в VIII–VII тыс. до н. э., охватывает обширную территорию лесной зоны Северной Евразии: бассейн р. Конды, Камско-Вятское междуречье, среднее и верхнее Поволжье, Карелию [Кокшаров, Погодин, 2000. С. 124]. В неолите, в конце VII–VI тыс. до н. э., такие постройки продолжают

сооружать на р. Конде – на поселениях Мулымья 3, Усть-Тетер 1, Шоушма 10 [Клементьева и др., 2012; Клементьева, Погодин, 2020б]. В это же время происходит расширение ареала этой традиции на сопредельные территории, расположенные к востоку и югу от него. Двухкамерные полуземлянки известны в Надым-Пуровском междуречье – поселение Ет-то 1 [Косинская, 2005], в Сургутском Приобье – поселение Быстрый Кульёган 66 [Поселение..., 2006], в Зауралье – поселения Сосновый Остров [Старков, 1980] и Липчинское [Чаиркина, 1996; 1997], в Нижнем Приишимье – поселение Мергень 6 [Еньшин, 2014].

Ретушированные наконечники стрел на пластинах в мезолитических комплексах таежной зоны Западной Сибири не известны. В Европейской части России этот тип изделий распространен в мезолитических культурах: парчевской [Волокитин, 2006. С. 43], пургасовской [Сорокин, 2015. С. 314], свидерской и др. [Хрусталева, 2021]. В раннем неолите такие наконечники известны в елшанской культуре лесостепного Поволжья (6500–5800 кал. л. до н. э.) [Андреев, 2015; Выборнов и др., 2018. С. 70; Vybornov et al., 2020], в верхневолжской культуре (7100/7000–6400 ^{14}C л. н.) [Цветкова, 2019], в черноборской группе памятников крайнего северо-востока Европы (6900–6300 ^{14}C л. н.) [Карманов, 2012; 2019. С. 159]. На территории Зауралья они найдены на Усть-Вагильском [Панина, 2011а. С. 184, рис. 1 – 9, 10] и Кокшаровском [Шорин, Шорина, 2019. С. 266, рис. 5 – 1–9] холмах, на поселениях боборыкинской и кошкинской культур: Усть-Суерское 4, Байрык IД, ЮАО XV [Ковалева, Зырянова, 2010. С. 38, рис. 9 – 6. С. 100, рис. 57 – 1–6; Шаманаев, 2001. С. 146, рис. 1 – 1]. Время появления черешковых наконечников на Кокшаровском холме совпадает с началом его функционирования во второй половине – конце VII тыс. до н. э. и связано с населением кошкинской АК (*устное сообщение А. Ф. Шорина*). На территории Нижнего Приишимья ретушированные наконечники стрел подтреугольной и листовидной формы, иногда с выемками в основании, сопутствуют плоскодонной посуде боборыкинского и кошкинского типов поселения Мергень 6 (конец VII тыс. до н. э.) [Скочина, 2017. С. 167]. На памятниках барабинской ранненеолитической культуры (VII тыс. до н. э.) каменные наконечники стрел не известны [Молодин и др., 2020. С. 74].

Таким образом, наконечники стрел на пластинах, характерные для мезолита и раннего неолита Европейской части России, не известны в мезолитических комплексах Зауралья и севера Западной Сибири, появляются на этой территории в комплексах с древнейшей керамикой – кошкинской АК в Зауралье и мулымьинского типа на р. Конде во второй половине – конце VII тыс. до н. э. Следует ли из этого приоритет западного вектора культурных связей, повлекших распространение керамического производства? Однозначного ответа на этот вопрос сегодня нет. На современном этапе исследования не вызывает принципиальных возражений точка зрения о заимствовании зауральским населением технологии керамического

производства у обитателей Волго-Уралья [Выборнов и др., 2014. С. 45]. Генезис же мулымьинского гончарства в результате контактов с западным населением представляется нам маловероятным. Типологическое сходство валиковой керамики севера Западной Сибири (сатыгинского типа) и неолитических комплексов европейского северо-востока – Черноборская III, Прилукская, Конещелье, Zubovo, Вис I и Вис II – неоднократно отмечалось исследователями [Хлобыстин, 1993. С. 35; Косинская, 2001; Карманов, 2019]. Л. Л. Косинская, привлекая ^{14}C -дату Прилукской стоянки, обосновывала ранненеолитический возраст сатыгинских древностей [Косинская, 2001. С. 68–70]. Учитывая данные ^{14}C -датирования, согласно которым комплексы с валиковой керамикой на территории европейского северо-востока существовали в первой половине VI тыс. до н. э., В. Н. Карманов предполагает, что традиция украшения древнейшей посуды валиками проникает на европейский северо-восток с территории Среднего Приуралья (Левшино) или Западной Сибири (часть керамики сатыгинского типа или разнородного массива боборыкинской АК) [Карманов, 2019. С. 163].

Подводя итог, отметим, что основным признаком, определяющим начало неолитической эпохи в среднетаежной зоне Западной Сибири, является распространение керамики. В бассейне р. Конды она появляется в последней трети VII тыс. до н. э. вместе с ретушированными наконечниками стрел. С учетом комплекса культурно-хронологических маркеров (двухкамерные полуземлянки, ретушированные наконечники стрел, плоскодонная керамика) гипотеза о приоритете юго-восточного вектора культурных связей в неолитизации региона [Дубовцева, 2021] с накоплением источников может быть скорректирована и дополнена.

3.3.2. Средний неолит: умытшинский, шоушминский и сумпаньинский культурные типы памятников, керамические комплексы немнёлского типа

В начале VI тыс. до н. э. наблюдаются существенные изменения в материальной культуре населения Кондинского бассейна. Фиксируется увеличение мест поселений: доля памятников среднего неолита составляет не менее 75 % от всех известных неолитических памятников в бассейне р. Конды. Топография поселений среднего неолита не отличается от мезолитических и ранненеолитических, зачастую они занимают те же участки по берегам малых рек и озер. В верховьях р. Конды появляются укрепленные поселки. Новые традиции керамического производства зафиксированы на памятниках умытшинского и шоушминского типов. В результате контактов носителей умытшинской и шоушминской традиций, вероятно, сформировались керамические комплексы сумпаньинского типа. В генезисе керамических комплексов немнёлского типа предполагается преемственность традиций раннего неолита (мулымьинских) и влияние традиций среднего неолита (умытшинской, шоушминской). По материалам памятников шоушминского и умытшинского типов устанавливаются векторы культурных связей, выходящие за пределы Кондинского бассейна.

Умытйинский культурный тип памятников

Период распространения поселений умытйинского КТП занимает два тысячелетия – с рубежа VII–VI тыс. до н. э. до конца V тыс. до н. э. Их ареал охватывает весь Кондинский бассейн. Наибольшее число памятников умытйинского типа выявлено и изучено в верховьях р. Конды, по берегам малых рек Большой Умытйи, Эсс, Лемьи и др.; в среднем течении в левобережье – на притоках рек Мулымьи и Большого Тетера, в правобережье – по берегам проточных озер – Сатыгинского и Леушинского Туманов; в низовьях они немногочисленны. Всего известно более 126 памятников, раскопки проводились на 22 из них (табл. 1; рис. 112).

На базовых умытйинских памятниках – поселениях БУМ-2, 8, 9, 57, 100 и 109 – изучены поселки из одного или нескольких жилищ и кратковременные стоянки. Для организации поселений характерно несколько вариантов. Так, на поселении БУМ-100 поселок состоял, вероятно, из нескольких сооружений. Раскопами исследованы три углубленных и два наземных жилища, а также наземные кострища (табл. 30: № 34–38; рис. 45). Большая землянка имела площадь 35 кв. м и глубину котлована 2 м. Стены в постройке двурядные, по углам и центру вкопаны несущие конструкцию перекрытия столбы. Напротив выхода у стены организовано очажное пространство. По внешнему периметру котлована выкопаны ямы, использовавшиеся в последующем как хозяйственные (рис. 46). В них найдены развалы сосудов, скопления костей животных, каменные орудия. О проведении активной хозяйственной деятельности за пределами жилищ свидетельствуют многочисленные наземные кострища, насыщенные пережженными костями животных, мелкими обломками поселенческой посуды, кусками обожженной глины и обломками каменных орудий.

Иная организация жилого пространства зафиксирована на поселении БУМ-9 (рис. 19 – Б). Территория неолитического поселения была заранее спланирована: на огражденном участке мыса площадью около 900 кв. м выкопан котлован, грунт из него распределен по огражденной площадке. Основная часть артефактов была найдена на площадке между котлованом и ограждением. А. А. Погодин предполагает, что канава по периметру этого комплекса являлась внешней стеной сооружения, имевшего углубленную и наземную части. На поселении БУ-57 территория жилого комплекса площадью до 1000 кв. м была огорожена по периметру и разделена оградой на две части. На восточной части построена землянка с прямоугольным котлованом глубиной 2 м, на западной – три наземных строения с наземными очагами (рис. 29). Еще один вариант организации поселка зафиксирован на поселении БУМ-109.1: на незначительном (7–9 м) удалении от землянки была огорожена прямоугольная площадка с двумя выходами (рис. 68 – В). Состав находок на площадке типичен для поселений: обломки глиняной посуды, каменные орудия и отходы их производства, куски обожженной глины и кости животных. Ямы, расположенные на огороженных участках, заполнены очажным слоем,

насыщенным костями рыб.

Постройки на поселениях умытйинского КТП представлены наземными (табл. 30: № 31, 33, 37, 38, 43) и углубленными полуземлянками (табл. 30: № 36, 39, 44, 45), землянками (табл. 30: № 29, 32, 34, 35, 41). Землянки с глубокими (1,5–2,8 м) котлованами поселений БУм-2, 8, 9, 57, 100 и 109 расположены на высоких (3–6 м) береговых террасах. На территории этих же поселений возводились наземные постройки и полуземлянки. Конструкция углубленных сооружений каркасно-столбовая. Перекрытие поддерживалось столбами, расположенными по углам и вдоль стен (сооружение 16 поселения БУм-100, БУм-57). Песчаные стены котлована укреплялись жердями, уложенными между стеной котлована и вкопанными вдоль стен столбами. От основания деревянной крепи практически во всех котлованах сохранились пристенные канавки. В конструкции четырех углубленных построек (БУм-8, 9, 57, сооружение 16 поселения БУм-100) присутствовали уступы – «плечики» шириной до 1,2 м, возвышавшиеся над полом на 0,4–0,7 м. Площадь котлованов по уровню плечиков варьировалась от 60,7 до 111 кв. м, в углубленной части – от 32,5 до 45 кв. м. Котлованы без уступов – плечиков (сооружения 30 и 32 поселения БУм-100, сооружение 2 поселения БУм-109) имели меньшую площадь – 11,8–31 кв. м. Выходы в виде коридоров, устроенные в одной из стен, зафиксированы в углубленных сооружениях (БУм-8, сооружение 16 поселения БУм-100, сооружение 4 поселения БУм-2, Геологическое 7). Ширина коридоров 0,8–2 м, длина 2–6 м. Очаги в углубленных постройках наземные, располагались по центру сооружений либо у их стен. Очажная конструкция четырехугольной формы зафиксирована только в сооружении 16 поселения БУм-100. Наземные постройки сравнительно небольшие по площади – 13–27 кв. м, подпрямоугольной формы. В них располагались наземные кострища. Особенностью умытйинских поселений является использование охры для посыпки пола построек, уступов – плечиков и дна ям.

Состав находок на поселениях умытйинского КТП включает преимущественно глиняную посуду, каменные орудия и отходы их производства, куски обожженной глины и поделки из нее. В редких случаях сохраняются костяные изделия (наконечники гарпунов и игловидные орудия) и кости промысловых животных. Количество сосудов в жилищных комплексах зачастую превышает 100 ед. (табл. 3). Однако необходимо отметить, что это общее количество с учетом «шамотной» керамики, сломанной и утилизированной в древности. Реальное количество глиняных емкостей, использовавшихся одновременно в быту, вероятно, было меньше. Об использовании глиняной посуды для варки пищи свидетельствуют остатки обугленной органики на стенках сосудов. Они присутствуют как на миниатюрных (0,16 л), так

и на более крупных емкостях (3,5 л)⁶⁹ (рис. 47 – 3; 48 – 7, 15).

Признаком гончарного производства на территории поселений являются находки глиняных комков, расплюснутых и раскатанных в жгуты, немногочисленных сохранившихся орудий для орнаментации (рис. 83 – 1, 3), а также наличие в составе формовочной массы шамота из поселенческой посуды. Как площадка для обжига посуды интерпретирован НК-1 поселения БУм-100, где были найдены сломанные и деформированные при обжиге сосуды (рис. 35 – 10). Часть поделок из глины напоминает орнитоморфные изображения (рис. 34 – 1, 2). Интерпретация глиняных комков с отпечатками древесины затруднена. Такие предметы в большом количестве найдены в наземных кострищах за пределами котлованов. Вероятно, это обмазка деревянных конструкций или изделий. Из хорошо отмученной глины изготовлены абразивные бруски, найденные на поселении БУм-100.

Умытйинский тип керамики выделен по материалам жилищных комплексов поселений БУм-9, 57, 100, 109 и Усть-Тетер 1. Керамические комплексы этих памятников представительны, содержат от 64 до 191 сосуда. Анализ выборки (более 700 сосудов) позволил обозначить устойчивые технологические, морфологические и орнаментальные признаки посуды умытйинского типа (табл. 3; рис. 13 – 1–3; 23; 24; 30; 35; 36; 48; 85 – 18–28).

Посуда изготовлена из запесоченной, реже илистой и слабозапесоченной глины. Е. Н. Дубовцевой экспериментально установлено, что залежи ожелезненной запесоченной глины приурочены к речной пойме. Образцы сырья, взятые в пойме с глубины 0,5–1,5 м вблизи поселения БУм-100, сходны с древними формовочными массами по структуре и цвету в обожженном состоянии, а также по составу и размерности песка. Основная примесь формовочной массы – некалиброванный шамот от 2 до 8 мм, с преобладанием фракций 3–5 мм, в концентрации 1:5, 1:6. Минеральные добавки представлены кварцевым песком и охрой, органические – дробленой кальцинированной костью и органическим раствором. Многообразие рецептов достигалось комбинированием примесей в различных сочетаниях.

Сосуды вылеплены на формах-основах по емкостной программе. На внутренней поверхности заметны следы прокладки между основой и глиной. В качестве строительных элементов использовались лоскуты и ленты шириной 1,5–2,5 см. Прослежены признаки зонального налепа. Миниатюрные емкости вылеплены из одного куска глины. На сосудах БУм-109.1 зафиксировано выбивание стенок. Специфичным приемом выравнивания края была подрезка излишков глины таким образом, что получались венчики с плоским горизонтальным или скошенным внутрь срезом. Поверхность тщательно заглаживалась, уплотнялась до блеска и / или окрашивалась охрой. Для поселений БУм-57, 109 и НК-1 поселения БУм-100, помимо перечисленных способов, характерна обмазка поверхности жидкой глиной. Посуда обжигалась

⁶⁹ Для расчета внутреннего объема использованы «археологически целые» сосуды.

в костре в неустойчивой окислительной среде.

Сосуды умытгинского типа баночной формы, имеющие во фронтальном ракурсе усеченно-овоидную конфигурацию. Высота емкостей средних и крупных размеров (объемом более 1,5 л) в большинстве случаев равна диаметру их устья. По наклону стенок преобладают сосуды с закрытым устьем. Их доля в комплексах варьируется от 63 до 87 %. Прямостенных емкостей 5–32 %, открытых – 3–14 %. Максимальный диаметр закрытых сосудов приходится на среднюю или нижнюю половину тулова. Стенки некоторых сосудов (3–28 %), преимущественно закрытых, реже прямостенных, в приустьевой части имеют небольшой прогиб. Оригинальной деталью формы является «ребро» в придонной части. Сосуды с «ребром» единичны, встречены в комплексах поселений БУм-2, 9, 57. В комплексе сооружения 16 поселения БУм-100 присутствуют ладьевидные формы – приземистые сосуды с овальным устьем (рис. 48 – 2, 3, 14). Абсолютное большинство сосудов округлодонные. Единичны емкости с приостренными (рис. 23 – 1; 30 – 8) или уплощенными днищами (рис. 30 – 13), а также с шиповидным выступом на дне (рис. 24 – 1). Срезы венчиков плоские (34–59 %) или скругленные (16–49 %), реже приостренные (2–13 %). Особенностью морфологии умытгинской посуды является преднамеренная деформация устья. У большинства емкостей с деформированным устьем с двух или четырех противолежащих сторон оформлены фронтальные выступы округлой или подтреугольной формы – «ушки». Доля сосудов с «ушками» в комплексах варьируется от 5 до 35,5 %. По краю выступа пропилены зубцы (рис. 24 – 4, 6–8; 35 – 10) либо нанесено углубление, рассекающее его надвое (рис. 23 – 1; 30 – 7; 36 – 4, 13). На посуде поселений БУм-57 и 109.1 с внешней стороны «ушек» оформлены налесты (рис. 30 – 1, 2, 4; 36 – 5). Оригинальной деталью является вертикальное отверстие от деревянного (?) стержня, расположенное по центру «ушка» на фрагменте умытгинского сосуда из разведочных сборов в урочище Пашкин Бор (рис. 34 – 6).

Диаметры устья определены для 489 (70 %) сосудов, объемы – только для 47 (7 %) из них. Диаметры варьируются от 4 до 44 см, средние значения – от 17 до 22 см. Распределение сосудов по размерным группам, проведенное для 6 умытгинских комплексов, показало, что в каждом из них есть миниатюрные емкости размером от 4 до 12 см, входящие в первую и / или вторую размерные группы (рис. 25, 31, 37, 39, 49). Внутренние объемы, определенные для 47 емкостей, варьируются от 0,02 до 31,6 л (табл. 4, 5). В одном комплексе, как правило, присутствует посуда как малых (0,02–0,24 л), так и средних размеров (3,5–10,9 л). Наибольший объем, 31,26 л, определен для одного из сосудов сооружения 1 поселения БУм-2 (табл. 4). Согласно классификации, предложенной Ю. Б. Цетлиным [2015], все сосуды умытгинских поселений относятся к классу мобильных. На универсальной шкале качества объемов их характеристики варьируются от супермалых-2 до очень-очень больших. Корреляция диаметров

устья и групп качества объемов позволила наметить основные размерные группы: малые сосуды объемом 0,02–0,75 л с диаметром устья от 4 до 14 см; средние – объемом 0,8–6,5 л с диаметром от 14,5 до 24 см; большие – объемом более 6,6 л с диаметром более 24,5 см. Процентное распределение сосудов с установленным диаметром (489 ед.) по группам качества объемов следующее: малых сосудов – 123 ед. (25 %), средних – 212 ед. (44 %), больших – 148 ед. (31 %). Характерным признаком умытынской посуды является ее тонкостенность, обусловленная технологией лепки емкостей на формах-основах. Средняя толщина стенок составляет 0,4–0,45 см. Соотношение показателей «диаметр устья» и «толщина стенки» варьирует в диапазоне от 39 до 50,39. Вопрос об использовании тонкостенных сосудов большого объема остается открытым.

Абсолютное большинство емкостей покрыто узорами от венчика до дна. Доля неорнаментированных сосудов варьируется от 4 до 13 % (табл. 3). В каждом комплексе присутствуют сосуды, украшенные только в верхней части, однако определить их долю затруднительно из-за плохой сохранности. Срезы венчиков, как правило, свободны от декора либо покрыты тонкими диагональными отпечатками гладкого штампа или гребенки. В единичных случаях декорирована внутренняя поверхность днищ. Орнаментация венчиков изнутри не характерна. Композиции на тулове представлены двумя основными вариантами вне зависимости от техники нанесения узоров. Преобладают монотонные схемы из горизонтально ориентированных мотивов – волнистых и прямых линий, зигзагов. Одним из оригинальных узоров, образованных многократным повторением горизонтального зигзага, являются так называемые цепочки ромбов (рис. 30 – 8). В зональных схемах пояса из линий – волнистых, прямых или зигзага – чередуются с широким зигзагом, поясом из диагональных линий, неорнаментированной зоной или геометрическими мотивами. Плотность орнаментов варьируется от слабой до очень плотной, зависит от частоты и ширины неорнаментированных зон. Наиболее распространенными среди геометрических мотивов являются простейший меандр (рис. 24 – 6; 36 – 20), заштрихованные треугольники, сетка. Узоры на днищах представлены тремя основными вариантами: линии, лучеобразно отходящие от центра; горизонтальные линии, спускающиеся с тулова; крестообразное членение области дна и индивидуальная «штриховка» сегментов. Зона под «ушком» орнаментально выделена у 40–60 % сосудов с такой деталью. Наиболее распространенным является узор из расходящихся от центра выступа волнистых или прямых линий, образующих треугольную фигуру, расположенную вершиной вверх (рис. 23 – 1, 7; 24 – 5, 14; 30 – 1, 2; 48 – 6, 9, 16). Вторым по встречаемости является узор параллельных вертикальных или наклонных линий (волнистые, прямые или зигзаги), сгруппированных от трех до пяти (рис. 35 – 10). Реже зона под «ушком» выделена прямоугольными фигурами, заполненными диагональными отрезками или

вписанными в них углами (рис. 30 – 6; 36 – 12); диагонально ориентированными лентами из прямых линий и зигзагов, ромбической сеткой (рис. 30 – 3). При наличии на сосуде вертикальных мотивов процесс орнаментации начинался с них, заканчивался нанесением пояса отверстий или глубоких ямок под венчиком. Этот элемент декора является одним из характерных признаков умытйинского типа керамики, встречается на 71–100 % сосудов. В большинстве случаев отверстия нанесены поверх прочерченной вдоль края емкости линии. На сосудах с «ушками» ряд отверстий / ямок следует линии этого выступа.

Особенностью умытйинского типа керамики является многообразие орнаментальных техник. Набор инструментов включает стержни с округлым, заостренным или раздвоенным рабочим краем и зубчатые штампы – естественные (челюсти животных и рыб, щепы) и искусственные (гребенчатые и веревочные), которые не сохранились и были определены при помощи экспериментального моделирования. Не исключено, что в качестве стержней применялись каменные орудия с приостренным / пришлифованным рабочим краем. Трасологически подтверждено использование для работы по глине двух таких инструментов (рис. 83 – 1, 3). Кинематика стержневидных инструментов – прочерчивание, отступление и накалывание, зубчатых – шагание и штампование. Необходимо отметить, что для каждого комплекса соотношение техник орнаментации индивидуально (табл. 3; рис. 26, 32, 40, 50, 51, 90), но превалирующим способом является прочерчивание. Элементы, прочерченные стержневидными инструментами, присутствуют на 70–85 % сосудах, выполненные зубчатыми штампами в технике шагания – на 4–11 %. Доля сосудов, в орнаментации которых использованы оба способа, невелика, составляет от 1 до 12 %. Исключением является комплекс сооружения 1 поселения БУМ-9, в котором зафиксирована наибольшая среди умытйинских доля сосудов с «двойной» орнаментацией – 32 % (рис. 23 – 2, 5, 9, 10; 26). Прослеживается корреляция композиций и орнаментальных техник: зоны, заполненные шагающе-гребенчатыми оттисками, равнозначны неорнаментированным. Семантически близки / тождественны элементы, выполненные в техниках прочерчивания и отступления, накола и штампования.

Сравнительный анализ керамических комплексов по технологическим и орнаментальным признакам (табл. 3) позволил наметить выделение двух групп внутри умытйинского типа керамики. В первую группу вошли комплексы сооружения 1 поселения БУМ-9, сооружения 16 поселения БУМ-100, сооружения 2 поселения Усть-Тетер 1 и сооружения 1 поселения Геологическое 7. Во вторую группу – наземный комплекс 1 поселения БУМ-100, поселения БУМ-57, 109.1 и 109.2. Отличия между группами прослеживаются по показателям тонкостенности: для первой группы они меньше, варьируются в интервале 38–48,5, для второй группы – составляют 47,5–51,5. Особенностью второй группы является обработка поверхности – обмазка жидкой глиной. Для сосудов первой группы менее характерно наличие пояса

ямок / отверстий под венчиком (26–83 %) и «ушек» по краю (5–13 %). Во второй группе эти признаки встречаются чаще: пояском из отверстий украшены 92–100 % сосудов, «ушками» – 25–35,5 %. Отличия заметны и при сравнении орнаментации. Для декорирования сосудов первой группы чаще применялась шагающе-гребенчатая техника. В сочетании с прочерченными мотивами она присутствует на 12–49 % сосудов поселений БУм-9, Геологическое 7 и сооружения 16 поселения БУм-100. Доля сосудов, декорированных в прочерченной и шагающе-гребенчатой техниках, в комплексах второй группы меньше, составляет от 1 до 6 %. «Двойная орнаментация» более характерна для первой группы и практически не встречается во второй. Зафиксированные отличия керамических комплексов, вероятно, обусловлены их хронологической позицией (см. раздел «*Хронология поселений умытынского КТП*»).

Характеристика каменного инвентаря поселений умытынского КТП проведена по девяти комплексам: сооружение 2 поселения БУм-8; БУм-9; БУм-57; сооружения 16, 30 и 31 и наземный комплекс 1 поселения БУм-100; БУм-109.1 и 109.2 (табл. 20–28). Для них определены достоверные выборки по сооружениям и выполнен типологический анализ⁷⁰.

Для изготовления каменных орудий использовалось местное галечное сырье (табл. 20, 24–26, 28). Обработка камня проводилась в ударно-контрударной, призматической и абразивной техниках. Из серого и серо-зеленого сланца и серпентинита изготавливались шлифованные орудия – ножи, наконечники стрел и тесла, из кристаллических пород – кварца, кварцита, песчаника, гранитоида, гнейса и гранитогнейса – абразивные инструменты, отбойники, пешни и пилы. Для ретушированных орудий – скребков, сверл-проверток и наконечников стрел – использовались кремнистые породы, кремнь (коричневый, серый, черный и др.) и яшма (зеленая, сургучная).

Расщепление проводилось преимущественно контрударным, реже отжимным способом. Во всех комплексах присутствуют контрударные ядрища. Призматических нуклеусов практически нет, вероятно, они переоформлялись в орудия – микроскребки на отщепах. По соотношению продуктов расщепления в комплексах преобладают отщепы (БУм-109 – 81 %; БУм-57 – 94 %; БУм-109.1 – 96,5 %). Доля пластин незначительна, составляет от 3 до 6 % (БУм-109 – 6 %; БУм-57 – 3 %; БУм-9 – 3 %). Из отщепов в орудия (скребки, острия и сверла-провертки) оформлены от 22 до 31 % заготовок (БУм-57 – 31 %, БУм-9 – 22 %, БУм-109 – 30 %). Орудия на пластинах единичны, представлены скребками и наконечниками стрел. Не исключено, что пластины без обработки использовались как вкладыши. Абразивный инструмент на поселениях умытынского КТП разнообразен по размерам и назначению: миниатюрные плитки, оселки, плиты с продольным и круговым износом (рис. 22 – 24–28).

⁷⁰ Выборки различны по объему, их статистическое сопоставление не представляется корректным.

В абразивной технике изготовлены наконечники стрел, ножи и тесла. Шлифованные наконечники листовидной формы с ромбическим или линзовидным поперечным сечением. Насады приостренные или уплощенные. Целые изделия в комплексах немногочисленны (4 ед. на БУм-9, рис. 20 – 10, 11, 14–17). Их длина от 40 до 90 мм, ширина – 11–21 мм, толщина – 4–5 мм. На многих орудиях имеются следы использования в виде метательных сколов: «язычковый излом или износ» присутствует на девяти наконечниках поселения БУм-109 и на трех наконечниках из НК-1 БУм-100⁷¹. Известны случаи переоформления наконечников в ножи (рис. 20 – 19) или абразивы. Среди шлифованных ножей преобладают орудия подтреугольной формы с треугольным поперечным сечением (рис. 21 – 1, 2, 7–10). Форма лезвия и обуха прямая, реже скругленная (рис. 21 – 2). По спинке фиксируются следы пиления, оставшиеся от предварительного этапа изготовления изделий (рис. 21 – 7). Лезвие заточено односторонней или двусторонней фаской. Единичны изделия прямоугольной формы с линзовидным поперечным сечением, имеющие два лезвия (рис. 21 – 5). Шлифованные тесла трапецевидной формы в плане, с прямым или скругленным лезвием (рис. 22 – 16, 20). Сечение трапецевидное. Практически все изделия со следами сработанности, многие сломаны. Два шлифованных орудия снабжены гравировками. Одно из них – наконечник (представлен фрагментом тела), найденный в сооружении 1 поселения БУм-109, украшен гравировками в виде зигзагов, расположенных вдоль оси изделия (рис. 20 – 8). Второе – нож, соотносимый с сооружением 2 поселения Усть-Тетер 1, на боковом ребре его спинки с равным интервалом пропилены четыре перпендикулярные бороздки.

Хронология поселений умытйинского КТП. Согласно абсолютным датам, время бытования наиболее ранних памятников умытйинского типа, поселений БУм-8 и 9, относится к первой половине VI тыс. до н. э., поздних, поселений БУм-109.1 и 109.2, – к концу V тыс. до н. э. (табл. 2: № 6, 7, 11, 12, 44–51). Значительных отличий между ранними и поздними памятниками в организации поселков, домостроении и обработке камня не прослежено. Не исключено, что одним из признаков ранних умытйинских памятников (БУм-8, 9) будет многокомпонентность керамических комплексов – наличие в сооружениях посуды умытйинского, шоушминского и немнёлского типов, а также сосудов со смешанными признаками (прил. 2.3). Для более поздних памятников, датированных V тыс. до н. э. (БУм-57, 100, 109), инокультурная примесь не характерна (прил. 2.4–2.6, 2.9, 2.10). Две группы памятников, выделенные по сравнению типобразующих признаков керамики умытйинского типа, вероятно, демонстрируют динамику умытйинского гончарства.

Умытйинский КТП в контексте неолитических древностей среднетаежной зоны Западной Сибири. В VI–V тыс. до н. э. в среде таежных охотников и рыболовов севера Западной

⁷¹ По определению Е. Ю. Гири.

Сибири распространяются близкие традиции строительства жилищ, производства глиняной посуды и каменных орудий. Общность традиций прослеживается по материалам поселений умытйинского КТП и поселения Чилимка 5 Кондинской низменности, поселения Чэс-Тый-Яг в бассейне р. Северной Сосьвы [Васильев, 2004; Виноградов, 2007], быстринской АК [Дубовцева, 2021. С. 73–76] и поселения Колунгтотытор 1 [Виноградов, 2018] Среднеобской низменности (рис. 113). В соответствии с названиями наиболее изученных культурных образований предложено выделение *быстринско-умытйинского* КХГ [Дубовцева, Клементьева, 2022]. Одним из его маркеров является традиция производства и орнаментации керамики. Для памятников быстринско-умытйинского КХГ присущи тонкостенные полуяйцевидные по форме сосуды с округлым или коническим дном, без наплывов под венчиками, с примесью шамота и органического раствора в формовочных массах, с тщательной обработкой поверхности, включающей лощение и окрашивание охрой. В декорировании посуды памятников быстринско-умытйинского КХГ доминирует прочерченный способ орнаментации. Характерны волнистые узоры, поясok ямок или отверстий, зооморфные налепы и «ушки» на венчиках, шипы на днищах. Вариативность керамических типов (умытйинский, чилимкинский, чэстыйягский, быстринский, отчасти сумпаньинской) в рамках быстринско-умытйинского КХГ обусловлена их хронологией, локализацией и направлением связей конкретных коллективов.

Каменная индустрия быстринско-умытйинского КХГ базировалась на доступном местном сырье, расщепляемом преимущественно в контрударной технике. Особое значение имела абразивная техника, включая пиление и шлифование. На расщепленных заготовках (отщепы, гальки) изготавливались скребки, острия и режущие инструменты. Шлифованные орудия представлены стандартной триадой: иволистные наконечники стрел, ножи с треугольным или сегментовидным клинком, ограненные тесла трапециевидной формы.

Общие традиции домостроения проявляются в планировке поселений, наличии крупных (от 60 до 250 кв. м) углубленных жилищ с наземными очагами и «нарами» по периметру котлована. Жилое пространство посыпалось охрой. Некоторые жилища окружались оградами (БУм-9 и 57), рвами (Быстрый Кульёган 66 [Поселение..., 2006], Колунгтотытор 1 [Виноградов, 2018]) и ямами (сооружение 16 БУм-100). В вопросе генезиса памятников быстринско-умытйинского КХГ нет единого мнения.

Происхождение чилимкинских и чэстыйягских керамических типов напрямую связывалось с влиянием или миграциями южного населения в таежную зону в IV–III тыс. до н. э. Исследователи обращали внимание на сходство этих типов с прииртышскими (раннеекатерининскими) керамическими комплексами и с посудой кельтеминарской АК [Глушков, Соболюкина, 1999. С. 31–33; Ковалева, Зырянова, 2009. С. 175]. Сходство быстринской АК с прииртышскими материалами отмечалось Л. Л. Косинской [Поселение...,

2006. С. 63, 64]. По мнению Е. Н. Дубовцевой, появление керамики третьей традиции керамического производства (умытйинский, быстринский и чэстыйягский типы) на севере Западной Сибири связано с миграцией в таежную зону лесостепного и южнотаежного населения по Оби и Иртышу [Дубовцева, 2021. С. 199–202]: цепочка поселений со сходной керамикой прослеживается от Барабы, Среднего Прииртышья и южных районов Васюганья [Бобров и др., 2017. С. 58, 59] до Нижнего Приобья.

Картографирование памятников умытйинско-быстринского КХГ (рис. 113) показывает, что наиболее древние из них расположены на р. Конде. К первой половине VI тыс. до н. э. относятся поселения умытйинского КТП БУм-8 и 9 (табл. 2: № 6, 7, 11, 12, 44–51). Памятники быстринской АК в Сургутском Приобье появляются с середины VI тыс. до н. э. [Дубовцева, 2021. С. 75]. Памятники артынской АК, традиции керамического производства которой близки быстринским, распространяется в Барабе и Среднем Прииртышье с середины V тыс. до н. э. [Бобров и др., 2017. С. 58]. Предположение о продвижении носителей новой традиции керамического производства из южных районов Обь-Иртышья в середине VI тыс. до н. э. на север, в бассейны рек Конды и Северной Сосьвы, не выглядит убедительным.

В поиске истоков умытйинских традиций производства посуды, каменных орудий и домостроения обратимся к материалам памятников конца VII тыс. до н. э. Традиция изготовления округлодонной посуды в урало-западносибирском регионе распространяется со второй половины VII тыс. до н. э. В Среднем и Северном Зауралье, Тюменском Притоболье и Нижнем Приишимье ранние комплексы с округло- и плоскодонной посудой, украшенной линейным прочерченным или отступающе-накольчатый орнаментом, отнесены к кошкинской АК [Ковалева, Зырянова, 2008а], хронологические границы которой определены в интервале 6600–5200 кал. л. до н. э. [Шорин, Шорина, 2020. С. 37–39]. На памятниках Западной Сибири второй половины VII тыс. до н. э. округлодонная посуда использовалась наряду с плоскодонной. Это явление фиксируется в материалах поселений Амня I в бассейне р. Казым [Дубовцева и др., 2020] и Мергень 6 в Нижнем Приишимье [Еньшин, 2020б]. Вероятно, появление округлодонной тонкостенной посуды с волнисто-прочерченным орнаментом в начале VI тыс. до н. э. происходило в результате «развития» местных традиций под влиянием нового эпохального тренда. Основные традиции изготовления и декорирования посуды, характерные для умытйинского типа – использование в качестве примеси шамота, лощение и окрашивание поверхности охрой, прочерченный орнамент, поясок ямок под венчиком и налепы по краю, – сформировались уже в ранний период неолита. Перечисленные признаки зафиксированы на керамике мулымьинского типа поселения Мулымья 3, однако для проверки этой гипотезы необходимо более глубокое изучение технологии изготовления ранненеолитической посуды из жилищных комплексов.

«Трансформация» умытыньских орнаментальных традиций наблюдается со второй половины V тыс. до н. э. В это время происходит смена прочерченно-волнистого орнаментального стиля на печатно-гребенчатый. Технология изготовления посуды при этом остается прежней. Примером смены орнаментальных традиций является керамический комплекс ушьянского типа поселения БУм-8. При абсолютном доминировании печатно-гребенчатой техники в нем присутствуют элементы, выполненные в прочерченной, шагающе-гребенчатой и отступающе-накольчатой техниках. Еще один пример – сосуд из поздненеолитического слоя поселения БУм-100 (рис. 67). В качестве примеси к глине при его изготовлении были использованы обломки посуды ушьянского типа с печатно-гребенчатым орнаментом, поверхность этого сосуда украшена в «умытыньском стиле» – разреженным отступающе-накольчатым орнаментом.

Практически все контексты с посудой умытыньского типа содержат триаду шлифованных сланцевых орудий. О местном, таежном, генезисе этого технокомплекса как одного из оптимальных способов адаптации к местной сырьевой базе, вероятно, свидетельствует его оформление уже в раннем неолите: шлифованные наконечники листовидной формы происходят из жилищ городища Амня I [Дубовцева и др., 2019]⁷². Шлифованные ножи и тесла известны в раннем неолите на поселении Мулымья 3 (рис. 37). Амнинские [Дубовцева и др., 2019. С. 154–155, рис. 4, 5] и умытыньские наконечники близки по форме костяным наконечникам стрел ранненеолитического поселения Мергень 6 [Скочина, 2015. С. 182, рис. 1 – 4, 5]. Гравировки на умытыньских орудиях стилистически близки орнаментам костяных орудий Среднего Зауралья эпохи мезолита [Савченко, 2011. С. 163] и Нижнего Приишья раннего неолита [Еньшин, Скочина, 2017. С. 18–20, рис. 3 – 5]. Узорами из зигзага и насечек декорированы тальковые изделия неясного назначения, найденные на Кокшаровском холме в Среднем Зауралье [Шорин, 2010. С. 36, 37]. Традиции изготовления и использования шлифованных орудий, распространившиеся повсеместно в среднем неолите таежной зоны Западной Сибири, продолжают в период позднего неолита на памятниках ушьянского КТП бассейна р. Конды.

В историографии неолита севера Западной Сибири умытыньские поселения БУм-9 и 57 рассматриваются в рамках проблематики «древнего оборонного зодчества» севера Западной Сибири наряду с городищами эпохи неолита Амня I, Каюково 2, Микишкино 5 и др. [Борзунов, 2020. С. 349–353]. Однако «фортификации» умытыньских памятников представлены не рвами, а канавами, шириной в среднем 0,4–0,5 м и глубиной от уровня древней поверхности 0,5–0,7 м, от деревянных оград. Ими окружены жилые постройки с придомовой территорией общей площадью 900–1000 кв. м на поселениях БУм-9 и 57 или участки с кострищами и

⁷² Интересна находка шлифованного наконечника, аналогичного амнинским, в комплексе с сосудом кошкинского типа на Кокшаровском холме (устное сообщение А. Ф. Шорина). Типологически этот сосуд близок округлодонным амнинского типа.

хозяйственными ямами, расположенные в стороне от жилищ на поселениях БУМ-109.1 и 109.2. Эти каналы являлись крепью основания изгороди. Предполагаемая небольшая высота ограды, отсутствие дополнительных оборонных сооружений в виде рвов, а также «огораживание» территории в стороне от жилищ – отличительные черты умытыинских «укреплений». Полагаем, что использование термина «укрепленное поселение» относительно памятников БУМ-9 и 57 приемлемо, но его не следует рассматривать как непосредственный маркер миграций или военных действий. Вопрос о функции укреплений – сакральная, оборонительная от враждебных групп населения или природных факторов – требует дополнительных исследований.

Шоушминский культурный тип памятников

Памятники шоушминского типа известны с рубежа VII–VI тыс. до н. э. до третьей четверти VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 100, 109–112). Посуда шоушминского типа найдена более чем на 30 памятниках в бассейне верхнего и среднего течения р. Конды (рис. 13 – 4, 5; 28 – 4–7; 70; 76 – 10, 14; 85 – 1–17; 98 – 14, 16–20). На пяти памятниках, исследованных раскопами, выявлены поселенческие комплексы с котлованами полуземлянок (БУМ-8, Леуши 7, сооружение 1 поселения Усть-Тетер 1, Шоушма 10), стоянки кратковременного пребывания (Мулымь 3) (табл. 1: № 2, 22, 26, 38, 42). Присутствие обломков посуды шоушминского типа в погребениях могильника БУМ-100 (табл. 42, 44; рис. 44 – 1–6) позволяет охарактеризовать погребальный обряд населения, использовавшего такую посуду.

В жилищных комплексах поселений БУМ-8 и 9, Леуши 7 и Мулымь 3 посуда шоушминского типа является одним из компонентов наряду с посудой умытыинского и / или сумпаньинского и немнёлского типов. На поселении Шоушма 10 керамический комплекс двухкомпонентный с преобладанием сосудов шоушминского типа и единичными фрагментами умытыинской посуды (прил. 2.11; рис. 70). На поселении Усть-Тетер 1 предполагается однокомпонентность керамического комплекса (прил. 2.20; рис. 85 – 1–17), но ввиду многослойности памятника полной уверенности в этом нет.

Домостроение охарактеризовано по материалам поселений Шоушма 10 и Усть-Тетер 1 (табл. 30: № 27, 28; рис. 69 – В; 84 – Б). Полуземлянки двухкамерные, площадью по 75 и 100 кв. м, глубиной до 1 м. Конструкция сооружений каркасно-столбовая, перекрытие поддерживалось столбами, расположенными в углах, в центре и вдоль стен (Шоушма 10). От основания деревянной крепи стен в котлованах сохранились пристенные канавки. Общими деталями конструкций построек Шоушмы 10 и Усть-Тетера 1 являются расположение выхода в меньшей по площади и глубине камере и устройство ниш в стенах. В обеих камерах сооружения Шоушмы 10 очаги в ямах располагались близ стен. В нишах напротив очагов могли быть обустроены дымоходы. Оригинальные детали построек – уступ – плечико в большой камере сооружения на Шоушме 10 и внешняя канава, окружавшая котлован на поселении Усть-Тетер

1. Насыщенность охрой заполнения котлована слабая: на Шоушме 10 ей посыпан земляной уступ – плечико. Находки в шоушминских жилищах представлены обломками глиняной посуды, каменными предметами и костями животных.

Посуды в жилищах относительно немного: 29–32 сосуда с учетом всех фрагментированных, в том числе в древности, сосудов. Условно целых емкостей в жилище не более трех, развалы сосудов приурочены к ямам-очагам. На посуде присутствует нагар и следы ремонта. Для характеристики шоушминского типа керамики использованы материалы поселений Шоушма 10, Усть-Тетер 1 и Леуши 7 (табл. 3, 12, 15; прил. 2.11, 2.20, 2.27; рис. 85–1–17; 70; 98 – 14, 16–20). Посуда изготовлена из запесоченной глины с примесью шамота и органического раствора. Использовался некалиброванный шамот размером 0,3–0,5 см, реже – 0,8 см в концентрации от 1:4 до 1:6. Емкости лепились на плоскости из жгутов, реже лент или лоскутов. Край венчика формовался из дополнительного жгута, подлеплявшегося с внутренней стороны. Из него же формовали утолщение под венчиком на внутренней, реже на внешней поверхности сосуда. Днища изготовлены из цельного куска глины. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась, иногда уплотнялась до блеска и / или окрашивалась охрой. На 24 % сосудов поселения Шоушма 10 зафиксирована ее обмазка жидкой глиной. Обжиг костровой, проводился в окислительной, зачастую неустойчивой, среде. Емкости округлодонные баночной формы. По отношению диаметра устья к высоте сосуда равновеликие или приземистые. Преобладают закрытые формы (до 68 %), доля открытых и прямостенных емкостей в комплексах примерно одинакова. Характерной чертой шоушминских сосудов является подпрямоугольный или подтрапециевидный абрис профиля верхней части – венчики с плоским горизонтальным, реже приостренным либо скругленным срезом, на их внутренней стороне оформлены утолщения, плавно переходящие в стенку. Оригинальная деталь в оформлении края – утолщение на внешней стороне, напоминающее «воротничок». Преднамеренная деформация устья, выступы – «ушки», а также скульптурный декор в целом для посуды шоушминского типа не характерны. Они известны только на одном сосуде поселения БУм-8⁷³. Диаметры устья, определенные для 28 (41 %) сосудов, варьируются от 9 до 34 см. Внутренний объем установлен для 2 (3 %) емкостей, равен 0,7 и 2,5 л (табл. 4, 5). Средняя толщина стенок составляет 0,65–0,82 см. Соотношение показателей «диаметр устья» и «толщина стенки» варьируется от 24,85 до 37,37.

Посуда шоушминского типа украшена от венчика до дна. Сосуды без декора либо с неорнаментированными зонами отсутствуют. Плотность орнаментов высокая. Композиции состоят из широких горизонтальных поясов, разбитых на трех- или четырехугольные зоны.

⁷³ Принадлежность данного сосуда к жилищному комплексу сооружения 2 поселения БУ-8 вероятна. Сосуд найден на краю котлована и в его верхнем заполнении. В выборке по дну его фрагменты не представлены.

Характерно выделение бордюрной зоны поясом из наколов. Набор инструментов для орнаментации шоушминской посуды включает стержни с округлым, реже приостренным или уплощенным рабочим краем, а также искусственные гребенчатые штампы. Часть орнаментиров, как стержни, так и гребенчатые штампы, изготавливалась из дерева. Стержневидными инструментами выполнены элементы в технике накалывания, отступания и /или прочерчивания, гребенчатыми – в технике штампования и прочерчивания. Семантически тождественными в орнаментах являются элементы, выполненные в технике отступания и прочерчивания, накалывания и штампования.

Индустрия камня на шоушминских поселениях базировалась на ударно-контрударном расщеплении, отжимной технике, пикетаже и абразивной обработке галечно-валунного сырья. Контрударное расщепление применялось на стадии первичного раскалывания и при последующем переоформлении / подживлении инструментов (рис. 22 – 11, 12). Орудийный набор представлен скребками на отщепах, стругами, ножами-скобелями (рис. 22 – 1–8). В абразивной технике изготовлены ножи, долото и тесла (рис. 22 – 13, 14). Абразивные плиты с продольными, диагональными и круговыми следами износа (рис. 22 – 29).

Памятники шоушминского типа в контексте неолита Зауралья и Западной Сибири. При сопоставлении посуды шоушминского типа с керамическими комплексами сопредельных территорий обнаруживается ее сходство по некоторым орнаментальным и морфологическим признакам с керамикой кокшаровско-юринского типа, традиционно рассматриваемого в сюжете эволюции козловской культуры неолита Зауралья [Шорин, 2001. С. 154–159]. Сходство проявляется в стилистике композиций (сплошное и плотное заполнение орнаментального поля рядами наколов, зонами с взаимопроникающими треугольниками или четырехугольниками), способах орнаментации (накол в сочетании с отступанием и прочерчиванием) и наборе инструментов для декорирования (стержни с округлым, приостренным, расщепленным прямым рабочим краем, короткий гребенчатый штамп). Однако имеются и отличия в технологии изготовления. Посуда шоушминского типа лепилась из запесоченной глины с примесью шамота и органического раствора, а посуда кокшаровско-юринского типа выполнялась преимущественно из илистой глины с естественной или искусственной примесью талька и добавлением органического раствора. Конструирование емкостей Шоушмы 10 производилось с использованием жгутового налепа на плоскости, кокшаровско-юринской посуды – лоскутным наложением на формах-моделях [Васильева, 2011. С. 108–109].

Общие черты технологии и орнаментации просматриваются Е. Н. Дубовцевой при сравнении посуды шоушминского типа с керамикой каюковской АК Сургутского Приобья [Чаиркина и др., 2019]. Отмечается близость рецептур формовочных масс, орнаментальных мотивов и принципов построения композиций. Однако посуда каюковского типа имеет

морфологические особенности: на Каюково 2 преобладают плоскодонные емкости, редки венчики с трапециевидным или прямоугольным абрисом. Сходство посуды шоушминского, кокшаровско-юринского и каюковского типов, по мнению Е. Н. Дубовцевой, отражает их принадлежность к одной орнаментальной традиции [Дубовцева, 2015б. С. 208].

Сравнение памятников шоушминского типа с неолитическими древностями сопредельных территорий по такому признаку, как наличие двухкамерных сооружений, показало, что традиция их строительства была распространена на севере Западной Сибири и в Зауралье в VII–VI тыс. до н. э. В бассейне р. Конды они изучены на мезолитическом поселении Геологическое 3 и ранненеолитическом – Мулымья 3. К концу VII тыс. до н. э. относятся двухкамерные сооружения на поселении Мергень 6 в Нижнем Приишимье [Еньшин, 2014], к VI тыс. до н. э. – двухкамерные постройки в Зауралье [Чаиркина, 1995; 1996], в Сургутском Приобье [Поселение..., 2006], на Надым-Пуровском водоразделе [Косинская, 2005]. На существование «стандарта» таких конструкций, вероятно, указывает сходство в расположении очагов у стен, напротив ниш, в постройках на Шоушме 10 и Быстром Кульёгане 66 [Поселение..., 2006. С. 58]. Традиция возведения двухкамерных котлованов не коррелируется с каким-то определенным типом керамики. В раннем неолите такие сооружения возводились населением с плоскодонной посудой мулымьинского типа на р. Конде, боборыкинского и кошкинского типов – на оз. Мергень; в среднем неолите – населением с посудой быстринского типа в Сургутском Приобье, шоушминского типа на р. Конде и кокшаровско-юринского типа в Зауралье.

По типологическому сходству посуды шоушминского и кокшаровско-юринского типов можно предположить южный вектор культурных связей кондинского населения в этот период при сохранении местной сырьевой базы производства посуды и каменных орудий. Традиции домостроения и погребального обряда являются эпохальными, распространены на протяжении всего неолита в таежной зоне Западной Сибири и Зауралья. Близость, а иногда и тождество форм и орнаментов шоушминской и кокшаровско-юринской посуды является признаком одного культурного пространства на территории бассейнов рек Сосьвы, Конды, Тавды, Туры, Исети и нижнего течения Тобола. Южная и юго-восточная часть обозначенной территории соответствует ареалу козловской АК (традиции – по А. А. Выборнову и В. С. Мосину) раннего неолита Зауралья, время бытования которой определяется в интервале 6100–4600 кал. л. до н. э. [Шорин, Шорина, 2020. С. 39].

В бассейне р. Конды памятники умытынского и шоушминского типов располагаются на одной и той же территории. По-видимому, между оставившими их группами таежных охотников в первой половине VI тыс. до н. э. существовали тесные контакты, отразившиеся в появлении многокомпонентных комплексов. Посуда шоушминского и умытынского типов

совместно встречена в жилищных комплексах поселений БУм-8 и 9. В результате контактов в комплексах появлялись сосуды смешанного облика. И если на поселении Шоушма 10 они имели «шоушминскую» технологическую основу и «умытынский» орнамент [Клементьева и др., 2020. С. 94, рис. 8 – 2, 4], то в комплексе поселения БУм-9 наблюдается обратная ситуация: сосуды смешанного облика изготовлены по «умытынской» технологии и декорированы по «шоушминской» схеме. Полагаем, что одним из вариантов смешения умытынской и шоушминской гончарных традиций является оформление керамических комплексов сумпаньинского типа.

Сумпаньинский культурный тип памятников

В группу памятников сумпаньинского типа Е. А. Гаджиева включила поселения Сумпанья 2, 4, 6, Леуши 7 и жилище 1 поселения Геологическое 7 [Гаджиева, 1993]. Е. Н. Дубовцева отнесла сумпаньинский тип керамики к смешанной (четвертой) традиции, возникшей в результате взаимодействия носителей второй и третьей керамических традиций [Дубовцева, Косинская, 2021. С. 25]. Считаем, что предположение о синкретичном облике посуды сумпаньинского облика правомерно. В результате сравнительного анализа признаков сумпаньинского, шоушминского и умытынского типов керамики (табл. 3, 6, 8–13, 15) установлено, что в сумпаньинском типе преобладают признаки, присущие умытынскому типу: конструирование на формах-основах; венчики, равные по толщине стенкам; поясок ямок; приостренные днища; доминирование прочерченной техники и монотонных линейных схем; использование челюстных и веревочных штампов. Признаки, которые отличают сумпаньинский тип керамики от умытынского и, вероятно, являются результатом взаимодействия с носителями шоушминских традиций гончарства, являются более массивные стенки; утолщения с внутренней стороны венчика (табл. 49); наколы по срезу; разбивка горизонтальных поясов на взаимопроникающие треугольные зоны; элементы отступления в орнаментации. Не исключено, что такие орнаментальные мотивы, как треугольные фигуры, обращенные вершинами вниз, заполнение орнаментального поля косой сеткой, наколы по срезу, являются отголосками традиций раннего неолита.

Комплексы поселений Сумпанья 4 и Леуши 7 представлены 130 сосудами (прил. 2.24, 2.27; табл. 3, 13, 49; рис. 94–97, 99, 100). На поселении Леуши 7 посуда сумпаньинского типа являлась частью (56 %) многокомпонентного комплекса наряду с шоушминской и немнёлской. Посуда сумпаньинского типа изготовлена из глины с примесью шамота. Конструирование сосудов проводилось лоскутным / лоскутно-зональным, реже спиральным ленточным налепом на плоскости. Для создания больших емкостей, вероятно, использовались формы-основы. Поверхность тщательно заглаживалась, снаружи уплотнялась и / или окрашивалась охрой. Обжиг костровой в неустойчивой, зачастую окислительной, среде. Сосуды баночной формы,

имеющие во фронтальном ракурсе усеченно-овоидную конфигурацию. Пропорции емкостей по соотношению диаметра их устья и высоты приближены к равновеликим. По наклону стенок преобладают сосуды с закрытым устьем (64–70 %), прямостенных емкостей 15–22 %, открытых – 14,4–39 %. Стенки некоторых сосудов (8–29 %) имеют небольшой прогиб в приустьевой части. Преобладают округлодонные емкости, с приостренными днищами – единичны. Венчики преимущественно с плоским срезом. На 57,8–60 % сосудах с внутренней стороны оформлены утолщения, плавно переходящие в стенку. Доля сосудов с фронтальными выступами – «ушками» невелика – 1,5–4,6 %. Диаметры устья определены для 80 (61,5 %) емкостей. Распределение по размерным группам равномерное. Доля миниатюрных сосудов с диаметром устья от 4 до 12 см составляет 17 % на поселении Леуши 7 и 5 % на Сумпанье 4. Объемы, рассчитанные для сосудов поселения Леуши 7, варьируются от 0,1 до 28,2 л (табл. 4, 5). Средняя толщина стенок составляет 0,56–0,57 см. Соотношение показателей «диаметр устья» и «толщина стенки» – 40,46 и 44. Абсолютное большинство емкостей покрыто узорами от венчика до дна. Доля сосудов без орнамента составляет 1 % на Сумпанье 4 и 15 % на Леуши 7.

Декорирование среза венчика наколами (20 и 26 %) или насечками (9 и 20 %) присутствует на 30–49 % сосудов (рис. 94 – 1–3, 5, 8, 9, 11, 19; 96 – 2–6, 8–11, 13, 15). Орнаментация венчиков изнутри эпизодична. Композиции на тулове, независимо от техники орнаментации, монотонные и зональные. В первых преобладают горизонтальные линейные мотивы – волнистые и прямые линии, зигзаги. Зональные композиции представлены чередованием поясов из горизонтальных линейных мотивов и поясов, заполненных диагональными мотивами (рис. 94 – 4, 9; 96 – 6, 12), ромбической сеткой (рис. 94 – 5), геометрическими фигурами (рис. 94 – 1, 7, 11; 96 – 2) или разбитых на взаимопроникающие треугольные зоны (рис. 94 – 10; 96 – 5). Набор геометрических фигур включает заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вверх (рис. 94 – 7, 11) или вниз (рис. 96 – 8, 10), цепочки ромбов (рис. 96 – 2), простейший меандр. Особенностью орнаментов является высокая доля диагонально ориентированных отрезков из шагающе-гребенчатых оттисков (рис. 94 – 16; 96 – 11). Мотив «ромбическая сетка», занимающий все орнаментальное поле, встречен только на поселении Леуши 7. Завершающим орнаментацию действием было нанесение под венчиком пояса глубоких ямок. Доля сосудов с таким элементом составляет 75–88 %. Особенностью сумпаньинского типа керамики является то, что ямки продавливались, как правило, с внутренней стороны емкости, на внешней стороне получались «жемчужины».

Для декорирования использовались стержневидные и зубчатые орнаменты (рис. 96, 97, 100). Стержневидными инструментами с приостренным, округлым или раздвоенным рабочим краем выполнялись прочерченные узоры, доля сосудов с ними составляет 42–48 %. Характерен достаточно высокий процент использования «двузубой палочки» – 21–40 % среди всех

прочерченных узоров. Зубчатыми инструментами – челюстями бобра и мелких хищников, гребенчатыми и веревочными штампами, щепой – в технике шагания декорированы от 26 до 37 % сосудов. Среди шагающе-гребенчатых оттисков на поселении Сумпанья 4 преобладают следы гребенчатых штампов и щепы, на поселении Леуши 7 – челюстей животных. Сосуды, декорированные веревочными штампами, в обоих комплексах единичны. Техники прочерчивания и шагания в декорировании одного сосуда использованы на 5 % сосудов поселения Леуши 7 и на 18 % – поселения Сумпанья 4. «Двойная орнаментация», когда поверх шагающе-гребенчатых мотивов наносились прочерченные, преобладает. В орнаментации 2 % сумпаньинских сосудов присутствуют мотивы, выполненные в технике отступания. Особенностью кинематики при отступании является большой промежуток между точками нажима, местами отступание переходит в прочерчивание.

Посуда сумпаньинского типа присутствует в коллекциях не менее 12 раскопанных памятников: поселений Леуши 3 и 7, Сумпанья 2, 3, 4 и 6, Мулымья 3 и 4 (табл. 1: № 21, 22, 26, 27, 30–33) и др. Оценить общее количество памятников с такой посудой затруднительно, так как в материалах 1970–2010-х гг. вся посуда с прочерченным или шагающе-гребенчатым декором определялась как сумпаньинская.

Использование дефиниции «сумпаньинская АК» на современном этапе исследования представляется нам малоэффективным⁷⁴. Во-первых, одна часть памятников, по материалам которых выделялась культура⁷⁵ (Леуши 7, Геологическое 7) содержат типологически разнородные керамические комплексы, а другая – является многослойными (Сумпанья 2, 4, 6). Во-вторых, за более чем тридцатилетний период с момента выделения сумпаньинской АК так и не были введены в научный оборот комплексы каменного инвентаря. В-третьих, имелись разночтения в характеристике сумпаньинского типа керамики: это только сосуды с двойной орнаментацией [Хлобыстин, 1981. С. 219; Ковалева и др., 1984], либо все группы керамики из жилища (с орнаментами выполненными зубчатыми инструментами в технике шагания, незубчатыми – в технике прочерчивания и двумя видами инструментов) [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 88–89; Косинская, 2015. С. 28]. В-четвертых, есть вопросы в определении ареала сумпаньинской АК. Изначально в него был включен бассейн р. Северная Сосьва и поселение Чэс-тый-яг рассматривалось в контексте сумпаньинской АК [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 98], позже северная граница ареала была смещена к югу, в бассейн р. Конды [Косинская, 1997. С. 15]. Южной границей ареала сумпаньинской АК обозначен бассейн р. Верхней Тавды [Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 98; Косинская, 1997. С. 15]. Керамика сумпаньинского типа стоянок Рыбацкая, Урайская, Пелымская, Кузнецовская, Носовская,

⁷⁴ О попытке использования дефиниции «сумпаньинская АК» для изучения однослойных неолитических памятников р. Большой Умытй см. в Главе 1 на стр. 34.

⁷⁵ История изучения сумпаньинской АК рассмотрена в Главе 1 на стр. 27–29.

Большекыльинская, поселений Сотниково I и Осья I [Гаджиева, 1993. С. 122, табл. 1], не характеризуются ни в одном исследовании. Принимая во внимание «проблемы» изучения сумпаньинской АК, считаем более логичной дефиницию, предложенную Е. А. Гаджиевой в диссертационном исследовании – «группа памятников с сумпаньинским типом керамики» [Гаджиева, 1993. С. 39].

Сравнение комплексов с сумпаньинским (Леуши 7, Мулымья 3 и 4) и умытыньским (БУМ-9, 57, 100) типами керамики показало, что жилища, изделия из камня и глины сумпаньинских памятников – находят соответствия в материалах умытыньского КТП. Полуземлянки поселений Сумпанья 4 и Леуши 7 углублены до 0,9 м, их котлованы прямоугольной формы площадью 42 и 64 кв. м. В конструкции котлована Сумпанья 6, вероятно, присутствовал уступ – плечико (табл. 30: № 23, 25, 26). Пол в жилищах посыпан охрой. Немногочисленные данные о камнеобработке памятников с посудой сумпаньинского типа позволяют сделать вывод об идентичности ее традиций с умытыньскими. Бытование комплексов с посудой сумпаньинского типа приходится на VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 61–64, 82–87).

Вместе с тем прослежена важная, на наш взгляд, деталь – в жилищах с сумпаньинским типом керамики практически всегда присутствует керамика и других типов (немнёлского, шоушминского на поселениях Леуши 7, Мулымья 3 и 4; умытыньского – на поселении Сумпанья 4⁷⁶). Необходимо отметить, что многокомпонентность керамических комплексов в жилищах является одной из характерных черт среднего неолитического периода бассейна р. Конды, она известна и на умытыньских (БУМ-8 и 9), и на шоушминских (Шоушма 10) памятниках. Дефиниция «сумпаньинский КТП» введена нами для обозначения многокомпонентных жилищных комплексов с преобладанием сумпаньинского типа. Обилие черт сходства сумпаньинского КТП и умытыньского КТП, порождает справедливый вопрос о правомерности выделения первого. Основания, на наш взгляд, есть. Во-первых, это смешанный (типологически неоднородный) характер керамических комплексов – наличие в одном контексте сумпаньинского и/или умытыньского, немнёлского и шоушминского типов (см. сооружение 20 поселения Мулымья 3, сооружение 2 поселения Мулымья 4, поселение Леуши 7, поселение Сумпанья 4). Во-вторых, наличие керамики со смешанными признаками – в том числе и сумпаньинского типа. Использование дефиниций «сумпаньинский КТП» и «умытыньский КТП» в характеристике материальной культуры неолитического населения р. Конды, вероятно, позволит объяснить культурную специфику комплексов, отмеченную ранее Е. А. Гаджиевой среди памятников сумпаньинской группы [Гаджиева, 1993. С. 50].

Сумпаньинский КТП в контексте неолитических древностей среднетаежной зоны

⁷⁶ Дать объективную оценку состава керамической коллекции поселения Сумпанья 4 сложно, т.к. обработанная выборка может быть «искусственной».

Западной Сибири. Полагаю, что близость (а в некоторых случаях и тождество) хронологии, территории и основных категорий материальной культуры сумпаньинского КТП с памятниками умытынского КТП и быстринской АК, вероятно, будет являться основанием для рассмотрения этого явления в контексте быстринско-умытынского КХГ. В настоящее время Е. Н. Дубовцева склоняется к пониманию этого горизонта преимущественно как ареала третьей традиции керамического производства [Дубовцева, Клементьева, 2022. С. 145–146]. Керамика же сумпаньинского типа, отнесена ей к смешанной (четвертой) культурной традиции гончарства. Основным критерием этой традиции является наличие нескольких способов орнаментации (накалывание, отступление, шагание), в том числе наложение узоров, выполненных в разной технике – т. н. «двойная орнаментация» [Дубовцева, 2015. С. 211]. По морфологическим и орнаментальным признакам Е. Н. Дубовцева находит аналогии посуде сумпаньинского типа в керамических комплексах памятников барсовогорской группы в Сургутском Приобье (Барсова Гора II/17 (жилище 2), II/16а, I/5а), поселения Нижнее озеро III в Северном Зауралье, жилищ 3 и 6 поселения «8 пункт» на Андреевском озере в Тюменском Притоболье [Дубовцева, 2021. С. 90–91]. Весте с элементами сходства отмечаются и отличия, которые вариативны в разных комплексах – наличие/отсутствие «двойной» и шнуровой орнаментации, пояска ямок/жемчужин под венчиком. Е. Н. Дубовцевой также отмечено присутствие немногочисленных сосудов с двойной орнаментацией и на памятниках лесного Зауралья – Полуденка I, Махтыльский и Кокшаровский холмы, Исетское Правобережное, Исток IV, Байрык I, Сосновый остров, комплекс II [Дубовцева, 2021. С. 91].

Таким образом, ареал керамических комплексов с традицией «двойной орнаментации», обозначенный Е. Н. Дубовцевой, значительно превосходит ареал быстринско-умытынского КХГ. Памятники, на которых присутствует посуда с «двойной орнаментацией» находятся в различных природно-географических зонах (среднетаежная, южнотаежная, горно-лесная и лесостепная), жилища и каменный инвентарь на них имеют больше отличий, чем сходства. Полагаю, что использование только одного признака, даже такого яркого как «двойная орнаментация», не всегда эффективно для определения культурной специфики комплексов. Сопоставление комплекса признаков (каменный инвентарь – триада шлифованных сланцевых орудий; домостроение – полуземлянки с прямоугольными котлованами и охристой подсыпкой; глиняные абразивные бруски; керамика – доминирование прореченно-волнистой и шагающе-гребенчатой орнаментации) позволяет рассматривать сумпаньинский КТП в контексте быстринско-умытынского КХГ.

Керамические комплексы немнёлского типа

В некоторых жилищах с посудой умытйинского и / или сумпаньинского и шоушминского типов присутствует посуда, отнесенная к немнёлскому типу. Жилищные комплексы только с такой посудой не известны. Это обстоятельство, с одной стороны, и очень широкий спектр признаков (сосуды с округлыми и плоскими днищами; профилированные и баночной формы; полная, частичная или отсутствующая орнаментация; прочерченная, отступающе-накольная, шагающе- и печатно-гребенчатая техника орнаментации), с другой, стали причинами дискуссии о необходимости выделения еще одного керамического типа с неопределенной хронологической позицией. Полагаем, что сомнения исследователей в правомерности выделения немнёлского типа керамики как самостоятельной классификационной единицы не обосновательны. Тем не менее, для этой посуды есть несколько документированных контекстов: Леуши 7 (рис. 98 – 1–13, 15), Мулымья 3 (рис. 76 – 1–6, 9, 11, 12, 15) и Мулымья 4 (рис. 59 – 1–5, 8, 17–20), БУМ-9 (рис. 28 – 1–3), Геологическое 7 [Гаджиева, 1993]. Сосуды немнёлского типа из этих комплексов – округлодонные непрофилированные емкости с плавным утолщением внутреннего края. Орнамент зачастую расположен только в верхней части емкости. Он состоит из рядов наколов, оттисков длинных гребенчатых и веревочных штампов, волнистых и / или прямых линий, выполненных в технике отступления. Наряду с монотонными узорами присутствуют и геометрические – цепочки ромбов и ромбическая сетка. Не характерны пояски отверстий / ямок / жемчужин под венчиком. Много неорнаментированных сосудов, не исключено, что некоторые из них могли быть украшены нарисованными охрой узорами.

AMS-датирование нагара сосудов немнёлского типа поселений Мулымья 3 (табл. 2: № 73; рис. 72 – А: 2) и Мулымья 4 (табл. 2: № 75; рис. 59 – 20) указывает на вторую половину VI тыс. до н. э. Даты по нагару не коррелируются с датами по углю. Поселение БУМ-9, где присутствовали немнёлские сосуды (рис. 28 – 1–3), отнесено к первой половине VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 11, 12), поселение Мулымья 4 – к концу VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 74), даты поселения Леуши 7 имеют разброс от первой половины VI тыс. до н. э. до первой половины V тыс. до н. э. (табл. 2: № 61–64). Полагаем, что группа керамики, определенная как «немнёлский тип», отражает многочисленные варианты развития традиций керамического производства раннего и среднего неолита на протяжении всего VI тыс. до н. э. Характерный для немнёлской посуды признак – орнаментация штампованными оттисками длинного гребенчатого штампа с крупными зубцами (рис. 59 – 2–5; 76 – 5, 6; 98 – 8, 9) в целом не типична для мулымьинского, умытйинского и шоушминского типов керамики. Применение такого инструмента в этих комплексах эпизодично, встречено на плоскодонной посуде поселения Леуши 3 [Погодин, 1996. Рис. 33 – 4] и объекта 1 поселения Чёртова Гора [Сладкова, 2008. С. 151, рис. 2, 3] (рис. 115 – Б:

3–7), на умытынской посуде поселения БУм-9 (рис. 23 – 5, 8–10), сумпаньинской – поселения Сумпанья 4 (рис. 94 – 13, 14, 17–19). Техника постановки гребенчатого штампа на керамике умытынского и сумпаньинского типов – шагание, редко – штампование.

Оснований для рассмотрения *немнёлского типа керамики в контексте неолитических древностей среднетаежной зоны Западной Сибири* на современном этапе исследований практически нет. Причина в отсутствии документированных контекстов, содержащих только этот тип керамики. Некоторые аналогии посуде немнёлского типа Е. Н. Дубовцева находит в комплексах с печатно-гребенчатой керамикой раннеолитического поселения Ет-то I и городища Амня I, стоянок позднего неолита Барсова Гора I/8а и II/9а [Дубовцева, 2021. С. 98]. Керамика немнёлского типа отнесена ей к позднему неолиту [Дубовцева, 2021. С. 104]. Анализ источников бассейна р. Конды показал, что использование термина «немнёлский тип» приемлемо для характеристики керамики, бытовавшей в VI тыс. до н. э. наряду с посудой умытынского, шоушминского и сумпаньинского типов. Для корректировки хронологической позиции и уточнения типологических признаков немнёлского типа керамики необходимы комплексные исследования ассоциированных с ним жилищных комплексов.

3.3.3. Холмы

Характеризуя культуру кондинского населения в раннем и среднем неолите, нельзя обойти стороной такой вид памятников, как «культовые холмы» – искусственные насыпные сооружения, зачастую окруженные по периметру рвом. В бассейне р. Конды как холмы определяются не менее восьми памятников: холм в низовьях р. Большой Умыты, БУм-46, Вишья 9, Супра 4, Чёртова Гора, Мулымьинское 9, Канда, Сотник 3 (прил. 3). Раскопки холмов в бассейне р. Конды не проводились, за исключением памятника Чёртова Гора [Сладкова, 2008]. Подобные сооружения известны на территории Среднего и Северного Зауралья: Кокшаровский [Шорин, 2010], Усть-Вагильский [Панина, 2008], Махтыльский [Старков, 1969. С. 74–75] холмы (рис. 114).

Объекты, исследованные на Чёртовой Горе, интерпретируются Л. Н. Сладковой как землянка, не использовавшаяся для проживания (объект I), и культовая площадка (объекты II–V). В объекте V культовой площадки найдены захоронения в берестяных коробках. В нижнем заполнении объекта I залегали плоскодонные сосуды с гребенчатым и прочерченным орнаментом (рис. 115), в его верхнем заполнении и на культовой площадке – посуда, определенная Л. Н. Сладковой как кошкинская [Сладкова, 2008]. ¹⁴C-даты по углю с культовой площадки указывают на временной интервал в пределах 5607–5135 кал. л. до н. э. (табл. 2: № 104–106). В зачистке холма на поселении Супра 4 (рис. 116) найдены фрагменты посуды мулымьинского, шоушминского и немнёлского типов [Цеменков, 2018]. ¹⁴C-даты позволяют

предположить время функционирования этого холма в первой половине VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 91–96).

В интерпретации холмов многие исследователи склоняются к их культовому назначению [Шорин, 2010; Панина, 2008; 2011а; 2014; Сладкова, 2006; 2008; Чаиркина, Пиецонка, 2021]. Признаками ритуальных действий на холмах являются слоистая структура культурного слоя, образованная в результате многократной подсыпки грунта; наличие белой глины и охры; следы интенсивного воздействия огня; погребальные или жертвенные комплексы; отличный по составу от поселенческих комплексов набор предметов, включающий сосуды с зооморфными налепами, «утюжки», каменные и глиняные поделки и др. В основании немногих холмов, изученных раскопами, находились углубленные постройки или ритуальные комплексы. Сакральное пространство Кокшаровского холма было отделено от Юрьинского поселения двумя рвами [Шорин, Шорина, 2011. С. 71]. Ранние культовые объекты с посудой кошкинского типа датированы последней третью – четвертью VII тыс. до н. э. Одновременно с кошкинской или чуть позже, не позднее самого начала VI тыс. до н. э., на святилище формируется козловская (кокшаровско-юрьинская) традиция [Шорин, Шорина, 2019. С. 262–264]. На периферии Усть-Вагильского холма, в основании культурных отложений, изучен комплекс из двух скоплений костей животных (лось, северный олень, собака, соболь, рыбы) и семи человеческих черепов [Панина, 2011]. Этот комплекс, содержащий посуду сатыгинского типа и датированный второй половиной VI тыс. до н. э. [Piezonka et al., 2020. P. 11], был перекрыт слоями с посудой сумпаньинского и кокшаровско-юрьинского типов [Панина, 2011. С. 185].

* * *

Культура кондинского населения в среднем неолите развивалась на местной основе в соответствии с эпохальными трендами. В VI тыс. до н. э. она характеризуется многообразием культурных типов керамики и многокомпонентностью жилищных комплексов. Эта мозаичность и пестрота порой вызывает недоумение у специалистов и вопросы в необходимости выделения новых типов керамики и/или памятников. В связи с этим мне хотелось бы процитировать Л. С. Клейна: «... детальное изучение правомернее, чем обобщенное, ибо если есть различия, то они будут зафиксированы, если нет – все будет обобщено. Ущерб не будет. А вот когда берется смазь, то она такой и останется, и детали уже не выявятся» [Клейн, 2012. С. 290]. Проведенный анализ источников позволил не только отметить локальные и/или хронологические отличия комплексов, но и сделать некоторые обобщения. С середины VI тыс. до н. э. на обширной территории, в бассейне рек Конды, Северной Сосьвы, в Сургутском Приобье, отмечено распространение культур и типов памятников с близкими характеристиками керамики, каменного инвентаря и домостроения, предложено выделить быстринско-умытйинского КХГ [Дубовцева, Клементьева, 2022]. В V тыс. до н. э. в бассейне р. Конды

преобладают памятники умытшинского типа. Со второй половины V тыс. до н. э. в умытшинском гончарстве наблюдается переход к новому, печатно-ребенчатому, стилю орнаментации. Появление памятников с ушынским типом керамики ознаменовало поздний этап неолита.

3.3.4. Поздний неолит: ушынский культурный тип памятников

В типолого-хронологической схеме энеолита бассейна р. Конды памятники ушынского типа представляют первую стадию, ограниченную по времени последней третью IV – началом III тыс. до н. э. [Кокшаров, 2009. С. 175–179, 254]. По результатам радиоуглеродного датирования хронологическая позиция ушынских древностей существенно удревнена и определена в интервале последней трети V тыс. до н. э. – первой половины IV тыс. до н. э. (табл. 2: № 35–40, 103). Отсутствие признаков металлургии, преемственность неолитических традиций гончарства, камнеобработки и домостроения являются основанием для отнесения памятников ушынского типа к эпохе неолита [Клементьева, Погодин, 2017б].

В настоящее время известно более 55 памятников с посудой ушынского типа, что составляет 15 % от числа неолитических памятников в бассейне р. Конды. Они распространены по всему бассейну реки, но преобладают, возможно по причине более тщательного и площадного обследования, в ее верховьях (рис. 117). Поселения располагались на террасах крупных (Конда), средних (Мулымья) и малых (Эсс, Большая и Малая Умытша, Лемья, Евра, Сумпанья, Леушинка и др.) рек или по берегам проточных озер (Леушинско-Сатыгинская озерная система). Раскопами изучено 10 памятников, среди которых – поселки (БУМ-8 и 100, Геологическое 7, Усть-Тетер 1) и погребения (могила 7 БУМ-100, погребение 1 БУМ-9) (табл. 1: № 2, 8, 15, 38, 39).

Поселки состояли как из одиночных построек (Геологическое 7, Усть-Тетер 1), так и из групп до семи сооружений (БУМ-100, рис. 18 – Б). Жилища – полуземлянки с прямоугольными котлованами глубиной 0,4–1,3 м и площадью от 6,7 до 64 кв. м (сооружения 14, 17, 25, 27, 28, 33 поселения БУМ-100 (табл. 30: № 47–53)) и наземные площадью до 40 кв. м (сооружение 3 поселения Усть-Тетер 1 (табл. 30: № 54), БУМ-8, городище Неушья 2.1). Углубленные постройки имели каркасно-столбовую конструкцию. Перекрытие опиралось на столбы, установленные по углам и вдоль стен котлована. От крепи стен сохранились пристенные канавки. В конструкции одного из сооружений поселения БУМ-100 присутствовал уступ – плечико. Жилища отапливались очагами, расположенными по центру котлованов. Очаги наземные (сооружения 14, 25, 27 поселения БУМ-100) и углубленные (сооружение 33 поселения БУМ-100). В двух постройках БУМ-100 рядом с очагами были обустроены приочажные ямы, расположенные напротив друг друга. Коридорообразный выход зафиксирован только в

сооружении 2 на поселении Геологическое 7. Вблизи котлованов располагались хозяйственные ямы (сооружения 14 и 25 БУМ-100, Геологическое 7) и наземные площадки. Для ушынских поселений характерно маркирование жилого пространства охрой.

Находки на поселениях представлены обломками глиняной посуды, каменными орудиями, поделками из кости и глины, костями животных. Количество сосудов в жилищах варьируется от 1–2 (сооружение 17 на БУМ-100, сооружение 2 на Геологическом 7) до 215 (сооружение 14 на БУМ-100). Большое количество сосудов, вероятно, является признаком длительности функционирования постройки. Число одновременно использовавшихся в хозяйстве сосудов, скорее всего, было меньше. Ассортимент посуды в жилищах представлен емкостями разных объемов с преобладанием крупных – более 6,5 л (табл. 4, 5).

Посуда ушынского типа (прил. 2.2, 2.9, 2.10, 2.22; табл. 3, 16, 51; рис. 14–16, 60, 61, 66, 91, 92) изготовлена из запесоченной ожелезненной глины, в том числе и илистой. Источники сырья, вероятно, находились вблизи поселений [Дубовцева, Клементьева, 2014]. В рецептуре формовочной массы использовался мелкотолченный шамот, охристая крошка, лимонит и органический раствор. Формовка емкостей выполнялась на формах-основах ленточным способом (табл. 16). Излишки глины по краю сосуда срезались. Для обработки поверхности характерно выбивание и заглаживание мягким материалом. Выравнивание внутренней поверхности гребенчатым штампом не распространено.

Сосуды округлодонные, преимущественно прямостенные. Характерен небольшой прогиб стенок в приустьевой части (рис. 14 – 5, 8, 9, 10, 15, 16; 60 – 3, 4; 91 – 4, 9). Емкости оригинальных форм – плоскодонные прямоугольной формы или тарелки – имеют небольшие размеры, представлены единично. Венчики без внутренних утолщений, равны по толщине стенкам. Единично зафиксированы сосуды с «ушками» (рис. 14 – 1; 60 – 1). Посуда тонкостенная, средняя толщина стенок составляет 0,42–0,47 см, соотношение параметров «диаметр устья» и «толщина стенки» – 44,98–65,2. В жилищах представлены сосуды всех размерных групп. Определенные объемы варьируются от 0,43 до 15,5 л (табл. 4, 5).

Для орнаментации посуды ушынского типа использовались гребенчатые штампы из кости, камня и керамики, а также кости животных: фаланги пальцев лисицы, росوماхи, собаки, рыси и волка [Клементьева, Погодин, 2017б]. Каменные штампы изготовлены из обломков шлифованных орудий и абразивов, плиток сланца и лимонита, керамические – из обломков поселенческой посуды (рис. 64). Зачастую инструменты имели два рабочих края с нарезкой зубцов в один или два ряда. В кинематике орнаментиров абсолютнo преобладает техника штампования, в единичных случаях отмечено шагание, прочерчивание и отступление. Нередко гребенчатый штамп ставился под углом к орнаментируемой поверхности. Сосуды украшены от венчика до дна. Композиции состоят из линейных горизонтальных мотивов: прямых линий,

зигзагов, поясов из наклонных оттисков. Их комбинации создают многообразие орнаментальных схем. Геометрические мотивы представлены «флажками», единично – ромбами. Плотность орнаментов и набор мотивов зависят от инструмента, которым они выполнены. «Флажки» присутствуют только на посуде, декорированной длинными и узкими костяными штампами (рис. 60 – 3, 4). Орнаменты из оттисков этих штампов выглядят разреженными. Узоры из оттисков костей животных отличаются высокой плотностью, состоят, как правило, из поясов близко поставленных друг к другу наклонных отпечатков (рис. 60 – 10, 14, 15). Оригинальны мотивы, приуроченные к «ушкам» (вертикальные ленты из прямых линий и зигзага), и «паркетный» узор (рис. 60– 13). Обязательным элементом декора является поясок отверстий, редко – глубоких ямок вдоль края.

Коллекция изделий из камня ушьянского поселения БУм-100 позволяет говорить о наследовании умытынской традиции изготовления сланцевых шлифованных орудий: наконечников стрел иволжистой формы, ножей с треугольным и прямоугольным клинком, тесел (рис. 62 – 5–14; 63). На этом поселении обнаружены абразивные инструменты: пилы и пилы-абразивы, оселки, бруски, плиты. Расщепление контрударное. Ретушированные орудия представлены остриями и скребками. Они изготовлены из отщепов (72 %) и пластин (36 %). Новыми по сравнению с памятниками умытынского типа являются такие типа каменного инвентаря, как наконечники стрел кельтеминарского типа (рис. 62 – 1, 3) и гребенчатые штампы (рис. 64 – 1–24). Их появление, вероятно, объясняется контактами местного населения с «южным миром» Зауралья и Притоболья. Однако гребенчатые штампы не являются «импортом». Они изготовлены из обломков использовавшихся на поселении каменных орудий и глиняной посуды.

Изделия из кости из жилищ поселения БУм-100 представлены каплевидными подвесками, бисером, обломками игловидных орудий и гарпунов (рис. 18 – 1–6, 7). Из погребений происходят каплевидные подвески и их заготовки (рис. 53 – А, Д: 2–17).

Хронология памятников ушьянского типа. По результатам радиоуглеродного датирования и типологическим характеристикам керамики представляется возможным установить следующую хронологическую последовательность памятников ушьянского типа. Наиболее ранним является поселение БУм-8, существовавшее в последней трети V тыс. до н. э. К рубежу V–IV тыс. до н. э. относится поселок БУм-100, к первой половине IV тыс. до н. э. – поселение Усть-Тетер 1 (табл. 2: № 10, 35–40, 103). В раннем комплексе присутствуют «умытынские» признаки: «ушки», выделенные сменой орнаментального мотива, шагающе-гребенчатая, прочерченная техники орнаментации и отступление. В орнаментах преобладают оттиски костяных гребенчатых штампов и костей животных, отсутствуют двухрядные гребенчатые оттиски. В орнаментации более поздних комплексов абсолютно доминирует печатно-

гребенчатая техника. На поселении БУМ-100 использовались все виды орнаментиров, на поселении Усть-Тетер 1 не применялись кости животных. Преемственность «ушынских» традиций орнаментации прослеживается на керамике еныйского типа второй половины IV тыс. до н. э. Монотонные орнаментальные схемы («вертикальная елочка»; чередование двух мотивов – поясов диагональных оттисков и зигзагов) и использование каменных двухрядных штампов отмечено на поселении БУМ-57 [Погодин, Миронов, 2009. С. 158–159].

Ушынские древности в культурном контексте Зауралья и севера Западной Сибири. Отмечая типологическую близость керамики ушынского типа бассейна р. Конды, шувакишского типа Среднего Зауралья и шапкульской АК Притоболья, С. Ф. Кокшаров отнес памятники с подобной керамикой к одному хронологическому пласту, предположив, что они отражают раннеэнеолитический этап восточно-уральской историко-культурной области [Кокшаров, 2009. С. 252–254]. Согласно калиброванным значениям дат памятников ушынского типа (табл. 2: № 10, 35–40, 103), шапкульской АК [Зах, 2002. С. 35, табл. 3; Зах и др., 2005. С. 39–40], памятников с посудой раннеаятского и шувакишского типов [Арефьев, Рыжкова, 2010. С. 86], временные рамки этого пласта охватывают период со второй половины V тыс. до н. э. до первой половины IV тыс. до н. э. Для перечисленных культурных образований характерны находки каменных и керамических гребенчатых штампов, наконечников стрел кельтеминарского типа, подвесок каплевидной формы⁷⁷ [Старков, 1980. С. 162, 163; Зах и др., 2005; Чаиркина, 2005. С. 276; Арефьев, Рыжкова, 2010; Клементьева, Погодин, 2017б; Клементьева, Погодин, 2020а]. Полагаем, что к обозначенному культурно-хронологическому горизонту относятся и постройки 3–5 поселения Стариков Мыс Ia, расположенного в левобережье Оби в бассейне р. Согом [Чемякин, 2011]. Общность культурного развития во второй половине V тыс. до н. э. – первой половине IV тыс. до н. э. на территории от Кондинского бассейна до Тюменского Притоболья, отмеченная ранее С. Ф. Кокшаровым по особенностям орнаментации посуды [Кокшаров, 2009. С. 179], прослеживается и в погребальных комплексах: ушынских (погребение 1 на БУМ-9; могила 7 на БУМ-100 [Клементьева, Погодин, 2021а]), шапкульских (Чепкуль 21 [Зах и др., 2005] и Бузан 3 [Матвеев и др., 2015]) и сосновоостровских (Сосновый Остров [Викторова, 1968], Второй Перейминский могильник [Зах и др., 1991]).

Предложенное изменение «энеолитического» статуса ушынского КТП на позднеэнеолитический [Клементьева, Погодин, 2020б] вызывает сомнения у ряда исследователей. Разногласия основаны на различном определении понятия «энеолит». Согласно формально-семантическому (технологическому) подходу, критерием отнесения

⁷⁷ Сочетание всех категорий встречено лишь на поселении БУМ-100, на других памятниках их сочетание вариативно.

археологических культур к энеолиту является наличие в них изделий из меди. Сторонники содержательно-исторического подхода считают, что энеолит характеризуется важными в сравнении с эпохой неолита изменениями во всех сферах жизни первобытных коллективов: экономике, социальных отношениях, культуре [Шорин, 1999. С. 16]. Усложнение орнаментальных схем на посуде и появление погребений в гротах и пещерах связано с изменениями мировоззрения энеолитического населения. Возможным хронологическим индикатором энеолитических погребений являются каменные и костяные подвески каплевидной и овальной формы. В энеолите происходит знакомство лесного и лесостепного населения Зауралья со скотоводческими формами хозяйства в результате обменных связей (суртандинская и юртиковская АК), заимствования или начатков доместикации (ботайская, терсекская, большемысская АК). Население лесной зоны Евразии вовлекается в сферу деятельности первых металлургических провинций [Шорин, 1999. С. 18].

Отмечая сложность фиксации важных изменений всех сторон материального производства и духовной жизни древних обществ энеолитической эпохи в северных регионах Евразии по археологическому материалу, А. Ф. Шорин констатирует, что *маркерами выделения энеолитических культур Северной Евразии* остаются прежде всего тенденции изменения *композиционного построения орнаментальных мотивов и техники их нанесения* на посуде, а в индустрии камня – окончательный *переход от пластинчатой к отщеповой технике* изготовления орудий [Шорин, 1999. С. 18, 19].

Хронология энеолита горно-лесного Зауралья основана на ^{14}C -датах, временные рамки эпохи определены в интервале 4000(4300?)–2500(2800?) кал. л. до н. э. [Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 132]. А. Ф. Шориным и А. А. Шориной начало энеолита установлено в пределах третьей – последней четверти V тыс. до н. э. [Шорин, Шорина, 2021. С. 49]. К раннему периоду энеолита Н. М. Чаиркина относит шувакишскую АК, к позднему – аятскую АК. Стратиграфическая позиция липчинских комплексов показывает их существование на протяжении всего энеолита [Чаиркина, 2005. С. 288]. В. С. Мосин, устанавливая хронологические рамки энеолита в пределах второй половины V – начала III тыс. до н. э., отмечает, что попытки периодизации энеолитических памятников по культурным традициям в настоящее время не увенчались успехом. Энеолитические памятники Зауралья – липчинские, сосновоостровские, шувакишские и шапкульские – имеют как ранние даты (вторая половина V – первая половина IV тыс. до н. э.), так и поздние (вторая половина IV – начало III тыс. до н. э.) [Мосин, 2023. С. 68].

Нельзя не согласиться с мнением А. Ф. Шорина, что памятники ушьянского типа по ^{14}C -датам и особенностям керамического производства отчасти соответствуют энеолитическим древностям Среднего Зауралья (*устное сообщение А. Ф. Шорина*). Однако по формальным

признакам – маркерам энеолитических культур Севера Евразии [Шорин, 1999. С. 17, 18] – для памятников ушьянского типа зафиксированы только два важных изменения. Это смена техники орнаментации и появление новых категорий предметов: костяных каплевидных подвесок, наконечников стрел кельтеминарского типа, гребенчатых штампов. За редким исключением⁷⁸ эти категории предметов встречаются в комплексах с печатно-гребенчатой керамикой, традиционно считаются маркерами энеолитических комплексов [Шорин, 1999. С. 18; Чемякин и др., 2015. С. 193; Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 132]. Такие признаки уральского энеолита, как усложнение орнаментальных схем, переход к отщеповой технике расщепления камня, изменения погребального обряда и системы хозяйствования, а также появление медных изделий, на памятниках ушьянского типа не отмечены.

Интересна точка зрения И. А. Спиридонова об энеолитических культурах лесной зоны, расположенных на периферии металлургической провинции. Металлообработка в энеолите горно-лесного Зауралья имела ограниченный характер: большинство медных предметов имеют в это время импортное происхождение, первые опыты металлопроизводства не приводят к сколько-нибудь значимым достижениям, малочисленные медные изделия не влияют на уровень развития камнеобработки [Спиридонов, 2019. С. 92]. По-видимому, северотаежные районы Западной Сибири, более отдаленные от ареала металлоносных культур лесостепи, чем культуры горно-лесного Зауралья, в значительно меньшей мере воспринимали новации энеолита, оставаясь по своей сути неолитическими.

Рассматривая ушьянский КТП в более широком культурно-историческом контексте, нельзя не отметить его сходство с новоильинской АК Среднего и Верхнего Прикамья, существовавшей в период от последней трети IV тыс. до н. э. до середины III тыс. до н. э. [Лычагина и др., 2019]. Это сходство проявляется в орнаментальных схемах и мотивах (наклонные, горизонтальные, вертикальные ряды, горизонтальный и вертикальный зигзаг, ромбы, «флажки»), в технике орнаментации средним и коротким гребенчатым штампом прямоугольной, овальной или изогнутой формы. Керамика новоильинской АК на современном этапе изучения рассматривается как продолжение неолитической камской традиции с некоторыми новациями. Вопрос о наличии собственного металла в этой культуре является дискуссионным. Определяя место новоильинской АК в археологической периодизации, исследователи характеризуют ее как постнеолитическую [Лычагина и др., 2019].

Таким образом, при отнесении материалов ушьянского КТП к энеолитической эпохе возникает методический диссонанс: в материальной и духовной культуре кондинского населения второй половины V тыс. до н. э. – первой половины IV тыс. до н. э. отсутствуют как

⁷⁸ Каменный гребенчатый штамп происходит из неолитического жилища поселения Мулымья 4, датированного VI тыс. до н. э. (табл. 2: № 74, 75; рис. 83 – 2). Костяные подвески каплевидной формы – из слоя с керамикой умытского типа среднего неолита на поселении Усть-Тетер 1.

технологические, так и содержательные (по А. Ф. Шорину) признаки энеолита. Появление изделий из цветного металла фиксируется на р. Конде не ранее конца III – начала II тыс. до н. э. [Кокшаров, 2018. С. 345]. Вместе с тем некоторые изменения в мировоззрении (распространение так называемого «гребенчатого геометризма» и появление антропоморфных персонажей), при сохранении традиционной системы хозяйства и приемов обработки камня, впервые отмечаются в финале каменного века – со второй половины IV тыс. до н. э., когда распространяются памятники еныйского, атымьинского и волвончинского типов.

3.4. Погребальный обряд неолитического населения р. Конды

Фонд источников по изучению погребальной практики мезо-неолитического населения Конды включает 14 комплексов, на которых изучено 147 захоронений (табл. 40; рис. 118). Первые погребения эпохи камня / раннего металла открыты в бассейне Конды более 40 лет назад. Они обнаружены при изучении поселений и стоянок: Сатыга 16а, Леуши 9 [Беспрозванный, Погодин, 1998], Леуши 14 [Беспрозванный, Старостина, 1986], Геологическое 3, Лева 8, Кама 2 [Кокшаров, 2009. С. 148–155, 157]. В последующие десятилетия одиночные погребения и/или могильники с различным числом погребений были обнаружены на береговых террасах при изучении поселений с остатками котлованов сооружений: БУМ-2, 8, 9, 100, Мулымья 3 и 4, Неушья 2.1. Несмотря на компактность расположения могил, принадлежность их к одной эпохе всегда остается под вопросом. Так, на террасе правого берега р. Большой Умыты протяженностью не менее 210 м в границах поселений БУМ-2, 8 и 9 выявлено девять захоронений, из них три одиночных, остальные расположены двумя группами по три могилы (рис. 8 – Б). Погребения на БУМ-9 предварительно были датированы эпохой энеолита [Погодин, 2010б. С. 169]. Позже по радиоуглеродному датированию угля и останков умерших установлено, что захоронения совершены в разные периоды неолита и в эпоху раннего металла (табл. 2: № 13–15). Захоронения на территории поселения БУ-100 совершались в мезолите, в среднем и позднем неолите [Клементьева, Погодин, 2020а]. Неолитические захоронения выявлены на р. Мулымье при раскопках городища Неушья 2.1 [Погодин, Труфанов, 2018. С. 374], поселений Мулымья 3 [Погодин, 2020] и Мулымья 4 [Беспрозванный, 2022], но их хронология в рамках эпохи еще не уточнена. К эпохе неолита, на наш взгляд, относится и погребение на городище БУМ-36 [Кокшаров, 2009. С. 154–155].

Погребения среднего неолита датируются VI – серединой V тыс. до н. э. Они выявлены на трех памятниках: 118 захоронений на могильнике БУМ-100 и по одному погребению на поселениях БУМ-8 и 9. К позднему неолиту, концу V – первой половине IV тыс. до н. э., относятся два захоронения: погребение 1 на поселении БУМ-9 и могила 7 на поселении БУМ-100. Определение культурной принадлежности погребальных памятников в достаточной мере

условно. По наличию обломков посуды в могилах среднего неолита можно предположить, что захоронения на могильнике БУМ-100 выполнялись населением, изготавливавшим посуду шоушминского и, вероятно, умытйинского типов. Характерный набор инвентаря в могиле 7 поселения БУМ-100, включавший каплевидные подвески из кости и гребенчатый штамп, дает основания соотнести это захоронение с населением ушьинского поселка.

Особенностью могильников эпохи камня в бассейне р. Конды являются погребения, в которых отсутствуют либо останки усопших, либо сопроводительный инвентарь, либо то и другое вместе. По нашим наблюдениям, эти вариации не всегда связаны с погребальными традициями. Физико-химические свойства таежной почвы не способствуют длительному сохранению останков погребенных и изделий из органических материалов. В идентификации захоронений каменного века таежной зоны севера Западной Сибири следует учитывать положение могильных ям в культурном ландшафте (планировка могильника), стандарт их формы и размеров, наличие охры (реже угля). Подобная система распознавания мезо-неолитических погребений без останков и вещей применяется на территории Северной Европы [Ahola, 2015]. Отсутствие вещей при исследовании могил не означает их отсутствия при погребении усопшего. По материалам памятников с благоприятной совокупностью почвенных условий известно, что значительная часть погребального инвентаря в мезолите и неолите изготавливалась из дерева, кости, рога, зубов животных [Сальников, 1952. С. 15–16; Гурина, 1956; Костылёва, Уткин, 2010. С. 252; Костылёва, 2018. С. 291–293; Еньшин и др., 2012].

Неолитическое население бассейна р. Конды предавало умерших сородичей земле. Практиковалась ингумация и кремация с последующим захоронением сожженных костей. На могильниках захоронения проводились в соответствии с рядным принципом расположения ям в границах погребального поля. Основой могильных сооружений являлись ямы, размеры и пропорции которых, по-видимому, были индивидуальны и приближены к параметрам тела, уложенного в горизонтальном положении. Не исключено, что в ямах сооружали деревянные конструкции. Косвенными признаками их наличия в могилах являются канавки по периметру дна и уголь в заполнении ям. Наличие ярусных захоронений также может указывать на возведение в могиле разделяющих перекрытий. Ориентировка ям относительно сторон света вариативна, преобладает СЗ–ЮВ. Возможно, что перед помещением в могильную яму тела усопших пеленали. Тело лежало в выпрямленной позе с вытянутыми вдоль туловища руками. Видимо, на этапе пеленания или до него оно обильно посыпалось охрой. Превалируют одиночные погребения с горизонтальным положением тела. Кремированные останки также захоранивали в могилах с охрой. Сожженные кости компактно помещали по центру ям, размеры и глубина которых были близки ямам с труположением. Одиночные захоронения

осуществлялись на территории заброшенных поселений, рядом с котлованами жилых построек (погребение 3 БУМ-9, могила 7 БУМ-100).

Погребальный инвентарь разнообразен по составу. Умерших сопровождали каменные изделия – орудия для обработки дерева (тесла, стамеска, струг) и охоты (наконечник стрелы) и заготовки (пренуклеус), индивидуальные украшения из камня, смолы и кости, фрагменты посуды, погребальная пища. Вещи подготавливались для захоронения: подновлены лезвия каменных тесел, подретушированы грани наконечника, сломана глиняная посуда. Имело место особое отношение к черепам умерших. Череп человека послужил материалом для изготовления перфорированного диска, положенного в одно из погребений могильника БУМ-100. Из черепа человека, захороненного в могиле 7 этого же памятника, вероятно, была изготовлена чаша (?).

При сравнении неолитических погребальных памятников с мезолитическими (Сатыга 16а, Леуши 9, погребения 18, 33 и 35 БУМ-100) и погребальными комплексами эпохи раннего металла (Лева 8, Леуши 14, погребение 2 БУМ-9, Кама 2) прослеживается консервативность погребальной практики кондинского населения. Оформление ее основных черт происходит в эпоху мезолита. Практически без изменений она существует до конца эпохи раннего металла. Хронологические различия погребальных памятников эпох мезолита, неолита и раннего металла прослеживаются главным образом по облику погребального инвентаря. Так, мезолитические кремации Сатыги 16а [Беспрозванный, Погодин, 1998] отличаются от неолитических кремаций могильника БУМ-100 присутствием в захоронении вкладышевых орудий, а энеолитическое погребение на поселении Леуши 14 [Беспрозванный, Старостина, 1986. С. 34] от неолитических могил БУМ-100 – наличием шлифованного наконечника стрелы с шипами и фрагментом керамики с печатно-гребенчатым орнаментом. Возможно, что по мере накопления источников черты, которые выглядят сегодня особенными, например неполное сожжение тел, завернутых в бересту, осуществленное непосредственно в могильных ямах на могильнике эпохи раннего металла Лева 8 [Кокшаров, 2009. С. 154], перейдут в разряд общих.

Региональная специфика неолитической погребальной практики может быть выявлена при сопоставлении погребальных памятников бассейна р. Конды с синхронными памятниками сопредельных (Среднее Зауралье, Среднеобская низменность) и отдаленных территорий (Тюменское Притоболье, Нижнее Приишимье, Барабинская Низменность, Верхнее Приобье), а также северо-востока Европы (Верхнее Поволжье, Карелия, Восточная Балтика). Синхронизация памятников проведена по результатам радиоуглеродного датирования (рис. 76). В ряде случаев они имеют близкие датировки, но относятся к различным археологическим периодам, так как периодизация каменного века в разных регионах отличается.

На территории горно-лесного Зауралья изучены одиночные захоронения, расположенные на поселениях (Аятское Правобережное, Кокшарово I), на погребально-культовых площадках

(Скворцовская гора V, Шайтанский Шихан, Шайтанское озеро I), в гротах и пещерах (Бурмантовский, Камень Дождевой, «У Каменного Кольца», Кульметовский, Жилище Сокола, Усть-Катавская II, Бурановская) или рядом с ними (Старичный гребень)⁷⁹. Хронологическая позиция большинства из них рассматривается в широком временном диапазоне от эпохи неолита до ранней бронзы [Шорин, 1991; Чаиркина, 2011]. Абсолютными датами обеспечены четыре памятника. Погребения в гротах Жилище Сокола и Бурмантовский датированы рубежом V–IV тыс. до н. э.; погребение 1 погребально-культовой площадки Скворцовская гора V – началом IV тыс. до н. э. [Чаиркина, Кузьмин, 2018. С. 127, 129]; коллективное погребение в Кумышанской пещере – второй половиной IV тыс. до н. э. [Сериков, 2013. С. 9]. Для Среднего Зауралья А. Ф. Шориным были выделены основные признаки погребального обряда доандроновского времени. Это одиночные захоронения или могильники с незначительным количеством (три-четыре) погребений; совершение захоронений на территории поселений или в непосредственной близости от них; нестандартные в топографическом отношении места для захоронений (гроты и пещеры, вершины холмов и дюн); преобладание труположения вытянуто на спине, встречаемость необычных поз или нарушения анатомической целостности костяка; культ огня (полная кремация тел на стороне или частичная в могилах) и использование охры; отсутствие погребального сосуда [Шорин, 1991. С. 76]. Практически все признаки доандроновского погребального обряда, за исключением, в силу географических условий, захоронений в гротах и пещерах, в той или иной степени присутствуют в погребальном обряде мезо-неолитического населения р. Конды.

На протяжении всего неолита прослеживается тождество традиций погребального обряда населения Кондинской и Среднеобской низменности, Тюменского Притоболья и отчасти Тоболо-Ишимья. В позднем мезолите – раннем неолите выполнялись захоронения в жилищах. В бассейне р. Конды это захоронение черепа в жилище на мезолитическом поселении Леуши 9 [Беспрозванный, Погодин, 1998. С. 61; Клементьева, Погодин, 2020а. С. 132–134], в Тоболо-Ишимье – погребения младенца и пожилого человека в жилище ранненеолитического поселения Мергенъ 6 [Еньшин и др., 2012]. По мнению исследователей, погребения в жилищах являлись строительной жертвой, их следует рассматривать в контексте поселенческой, а не погребальной обрядности [Еньшин и др., 2012]. Могила, прорезающая котлован ранних сооружений, изучены на стоянке Сосновый остров [Викторова, 1968. С. 165–167] и поселении Мергенъ 7 [Еньшин и др., 2015. С. 72–74], рядом с постройкой – на поселениях Большая Умытья 9 (погребение 3) и БУМ-100 (могила 7). Традиция совершения захоронений на территории могильников фиксируется в бассейне р. Конды с VI тыс. до н. э. (могильник БУМ-

⁷⁹ Ритуальный комплекс раннего неолита в основании Усть-Вагильского холма, включавший семь человеческих черепов, как погребальный не рассматривается [Панина, 2011].

100), на территории Среднеобской низменности (могильник Кулунигый 64 [Дудко, Васильева, 2019]) и в Тюменском Притоболье (могильники Чепкуль 21 [Зах и др., 2005], Бузан 3 [Матвеев и др., 2015], Второй Переиминский [Зах и др., 1991]) – с конца V тыс. до н. э.

При сопоставлении погребального обряда неолитического населения р. Конды и Среднего Прииртышья обнаруживаются отличия в организации захоронений и могильников. Специфическими чертами курганных могильников Протока [Полосьмак и др., 1989], Венгерово-2А [Молодин и др., 2016], Автодром-1 [Бобров и др., 2015], датированных концом VI – V тыс. до н. э., являются: парциальность большинства захоронений при соблюдении общего правила положения вытянуто на спине; групповые захоронения по обряду ингумации в котлованах, огражденных разомкнутыми рвами и перекрытых невысокими земляными насыпями [Бобров и др., 2020. С. 124]. Захоронения в могильниках Сопка-2/1 и Корчуган выполнены в грунтовых ямах по обряду трупоположения [Молодин, 2001]. В погребальном инвентаре захоронений Среднего Прииртышья, помимо каменных и костяных орудий и украшений (в том числе каплевидных подвесок), присутствуют миниатюрные глиняные сосуды. Сопоставляя материалы неолитических могильников Протока, Сопка-2/1, Усть-Куренга и Корчуган с погребальными памятниками северо-западных районов Евразии, В. И. Молодин отмечает многочисленные аналогии в наборах погребального инвентаря. На основании данных антропологии и палеогенетики он предполагает принадлежность населения лесостепной зоны юга Западной Сибири к представителям северной антропологической формации [Молодин, 2001. С. 24–25; Молодин и др., 2016. С. 44].

На основании сравнительного анализа лесостепных и лесных погребальных комплексов Верхнего Приобья А. Г. Марочкиным была выдвинута гипотеза о ландшафтно-территориальной локализации в неолите и ранней бронзе Западной Сибири двух погребальных практик обращения с останками умерших. Первая традиция была распространена в лесной зоне и связана с кремацией останков на стороне. Вторая традиция существовала в лесостепной зоне и была связана с ингумацией вытянуто на спине [Марочкин, 2019].

Материалы погребальных памятников таежной зоны севера Западной Сибири в частности и северо-западной части Евразии в целом не подтверждают эту гипотезу. Вводя в научный оборот материалы стоянки Сатыга 16а, Е. М. Беспрозванный и А. А. Погодин отмечали, что обряд трупосожжения не фиксировался ни на одном известном мезолитическом могильнике [Беспрозванный, Погодин, 1998. С. 60]. В настоящее время известно, что традиция погребальной кремации на территории Центральной Европы распространяется с VII тыс. до н. э. [Küßner, Schunke, 2016]. В европейской части Северной Евразии по этому обряду выполнено 13 % известных мезолитических погребений. При этом доля биритуальных могильников, где использовались два способа захоронения, невелика – 8 % [Grünberg, 2016].

Преобладающим обрядом на биритуальных могильниках является трупоположение. Кремирование проводилось вне могильных ям при высокой температуре, останки представлены достаточно мелкими фрагментами. Характерно использование в погребальном обряде охры [Добровольская, 2010. С. 88]. Все перечисленные признаки прослеживаются в материалах биритуального могильника VI тыс. до н. э. БУ-100. С V тыс. до н. э. традиция погребальной кремации получает широкое распространение в Западной Сибири. Кремированные погребения преобладают в Тюменском Притоболье на могильниках сосновоостровской и шапкульской культур. Останки сжигались полностью на Втором Перейминском могильнике [Зах и др., 1991], частично – на Чепкуле 21 [Зах и др., 2005]. В одиночных погребениях этого времени, расположенных на поселениях Сосновый остров и Мергень 7, присутствуют кости со следами воздействия огня [Викторова, 1968. С. 165; Еньшин и др., 2015. С. 73]. Признаки возможной частичной кремации (?) отмечаются в неолитических могильниках Барабинский лесостепи – Протока и Венгерово-2А [Полосьмак, 1989. С. 33; Молодин и др., 2016. С. 35]. Ко второй половине V – началу IV тыс. до н. э. относятся кремированные погребения игрековской культурной общности Верхнего Приобья. На Томском могильнике, Старом Мусульманском кладбище и погребении на Батурином острове абсолютно доминируют кремации, выполненные на стороне [Марочкин, 2015. С. 83].

Подводя итог, отметим, что погребальная кремация не может использоваться в качестве маркера для определения региональной специфики погребальной практики. По мнению М. В. Добровольской, она относится к «одному из универсальных человеческих феноменов, возникновение которого фиксируется на различных территориях, в разнообразных культурных контекстах во все эпохи существования самой погребальной обрядности». Истоки этой традиции прослеживаются в эпоху мустье и верхнего палеолита, когда происходит формирование связи понятий «погребение» и «очаг». Погребальные кремации в древности совершались в редких, возможно исключительных, случаях [Добровольская, 2010. С. 85, 91]. В таежной зоне севера Западной Сибири две традиции существовали параллельно с мезолита до эпохи раннего металла.

Сходство погребальной практики мезо-неолитических обществ таежной зоны севера Западной Сибири, Верхнего Поволжья [Костылёва, Уткин, 2010], Карелии [Гурина, 1956; Филатова, 2002; Ошибкина, 2007; Manermaa et al., 2022], Прибалтики [Zagorska, 2016], Финляндии, Швеции, Германии, Дании [Герман, 2002; Ahola, 2015; Добровольская, 2010; Grünberg, 2016; Eriksen, Andersen, 2016], проявляющееся в рядной планировке могильников, использовании охры, ингумации и пеленании тел усопших, обусловлено близкими идеологическими представлениями населения северной части Евразии [Молодин, 2001. С. 24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевыми проблемами изучения эпохи неолита севера Западной Сибири является установление времени начала и механизмов процесса неолитизации, характера культурогенеза, критериев внутренней периодизации эпохи. В настоящее время в решении этих вопросов перспективна территория левобережного притока Иртыша – бассейна р. Конды. На площади 72 000 кв. км выявлено свыше 300 неолитических памятников, раскопками на 42 из них изучено более 70 комплексов: укрепленные поселения, стоянки и производственные площадки, могильники и отдельные захоронения.

Традиционно неолит р. Конды характеризуется мозаичностью керамических типов [Косинская, 2006], которая возникла в результате систематизации неолитических древностей, накопленных за более чем 40-летнюю историю изучения археологического наследия этого региона. В период с конца 1970-х до конца 1990-х гг. по материалам 9 памятников – поселений Сумпанья 2, 3, 4, 6, Леуши 7, Геологическое 7, Канда, Чёртова Гора и Чилимка 5 – были выделены сумпаньинский, кошкинский, сатыгинский / боборыкинский, немнёлский, чилимкинский типы керамики и сумпаньинская АК. Первым обобщающим исследованием стала диссертационная работа Е. А. Гаджиевой «Неолит бассейна р. Конды», в которой известные к 1993 г. памятники были объединены по типам керамики в три группы – сумпаньинский, кошкинский и немнёлский, сделаны выводы о неоднородности восточноуральской неолитической культуры и самобытности кондинского неолита [Гаджиева, 1993]. Его ранний период характеризовался памятниками сумпаньинской группы. Хронологическая позиция и культурная принадлежность комплексов с плоскодонной посудой, определенной как сатыгинский и / или боборыкинский и кошкинский типы, на долгие годы оставалась предметом полемики среди исследователей [Глушков, Собольников, 1999; Косинская, 2001; Ковалева, 2008; Ковалева, Зырянова, 2008б]. Точка зрения В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой основывалась на неправомерности выделения Л. П. Хлобыстиным сатыгинского типа, включении бассейна р. Конды в ареал боборыкинской АК позднего неолита [Ковалева, Зырянова, 2008б]. Ранненеолитический возраст комплексов с плоскодонной посудой боборыкинского типа поселения Чёртова Гора и сатыгинского типа поселений р. Сумпанья предполагался И. Г. Глушковым, Т. Н. Собольниковой [1999] и Л. Л. Косинской [2001]. Вопрос остался незакрытым, так как все материалы, которыми оперировали исследователи, были лишены надежного контекста.

В результате интенсивного пополнения источников со второй половины первого десятилетия 2000-х гг. по настоящее время были получены жилищные (полузамкнутые) и погребальные (замкнутые) комплексы, обеспеченные стратиграфическими наблюдениями и радиоуглеродными датами. Это позволило установить относительную и абсолютную

хронологию выделенных ранее типов керамики, проследить динамику традиций домостроения, камнеобработки и погребального обряда кондинского населения в неолите. Для преодоления сложности в определении культурной атрибуции новых материалов, возникавшей из-за дефицита информации об эпонимных памятниках, в качестве инструмента предварительной систематизации керамических комплексов поселений Шоушма 10, Усть-Тетер 1, БУм-2, 8, 9, 57, 100 и 109 была предложена их группировка по трем декоративно-морфологическим группам посуды [Клементьева и др., 2012]. Отличия ДМГ посуды, зафиксированные типологически, подтверждены технико-технологическим анализом [Дубовцева, Клементьева, 2014]. Жилищные комплексы с посудой первой и второй ДМГ керамики объединены в шоушминский [Клементьева, Погодин, 2017a] и умытйинский культурные типы памятников раннего неолита [Клементьева, Труфанов, 2019]. Комплексы с посудой третьей ДМГ, которые соответствовали памятникам ушйинского КТП, рассматриваемого С. Ф. Кокшаровым в контексте первой стадии энеолита [Кокшаров, 2009. С. 173–178], отнесены нами к позднему периоду неолита [Клементьева, Погодин, 2017b]. По мере накопления и осмысления источников была установлена принадлежность немёлского и чилимкинских типов керамики к среднему периоду неолита. Исследованиями стратифицированных поселений Мулымья 3 и 4 в 2019 и 2020 гг. обоснован хронологический приоритет комплексов с плоскодонной валиковой посудой, выделенных в мулымьинский КТП [Клементьева, Погодин, 2020b].

Актуальным направлением изучения неолита таежной зоны Западной Сибири является построение локальных культурно-хронологических схем [Косинская, 2006]. При создании схемы неолита бассейна р. Конды автором были обобщены результаты изучения неолитических памятников, полученные методами археологии и естественных наук. Типология керамических комплексов выполнялась в русле формально-классификационного подхода. Для характеристики традиций производства глиняной посуды использовались результаты технико-технологического анализа, технико-типологические и экспериментально-трассологические определения каменного инвентаря. Неотъемлемой частью работы являются данные остеологического, антропологического, радиоуглеродного анализов. Хронологическая позиция комплексов определялась по аналогии с основными категориями материальной культуры, по стратиграфии и радиоуглеродным датам.

В результате комплексных исследований удалось проследить развитие культуры кондинского населения в длительном временном интервале от позднего мезолита (начало VII тыс. до н. э.) до эпохи раннего металла (конец IV тыс. до н. э.). Расширение хронологических рамок исследования за пределы неолитической эпохи, приходящейся в бассейне р. Конды на последнюю треть VII – середину IV тыс. до н. э., обусловлено необходимостью сопоставления основных категорий неолитической культуры с культурами эпохи мезолита и раннего металла.

Такой подход позволил выявить качественные изменения культуры, определяющие начало и окончание эпохи. По изменениям традиций производства керамики, являвшихся приоритетными для периодизации, каменных орудий и домостроения предложено выделение трех периодов неолита: раннего, среднего и позднего. Комплексы со сходным типом посуды объединены в культурные типы памятников: мулымьинский, умытйинский, шоушминский, сумпаньинский, ушьинский.

В эпоху мезолита, в VIII–VII тыс. до н. э., левобережье Иртыша было достаточно хорошо освоено: ареал мезолитических поселений охватывает весь Кондинский бассейн. Об общем хозяйственном укладе и постоянных контактах мезолитических групп внутри этого ареала свидетельствует близость материальной культуры в значительно удаленных друг от друга местах проживания мезолитических охотников-собирателей. Увеличение количества поселений в конце эпохи мезолита в Кондинском бассейне свидетельствует, вероятно, о естественном приросте населения. Начало неолитической эпохи в этом регионе Западной Сибири определяется распространением керамики в последней трети VII тыс. до н. э.

Ранний период неолита, занимающий последнюю треть VII тыс. до н. э., характеризуется мулымьинским КТП. Гончарная технология появляется на территории Кондинского бассейна уже в «готовом» виде. Древнейшая посуда на р. Конде – плоскодонные горшки и банки, украшенные накольчатым и прочерченным орнаментом, а также скульптурным декором – валиками и налечами. Традиции составления формовочных масс основаны на использовании местных (запесоченных и/или ожелезненных, реже илистых) глин, в качестве примеси к которым добавлялся некалиброванный шамот и органический раствор. Конструирование емкостей выполнялось на плоскости, но были известны и способы лепки с применением формы-емкости. Поверхность посуды тщательно заглаживалась, нередко окрашивалась охрой.

С распространением гончарного производства система хозяйства таежных сообществ не изменилась. Охота и рыболовство оставались основой традиционной системы хозяйства на протяжении всего неолита. Объектами промысла были волк, лисица, заяц, белка, бобр, выдра, соболь, лось, северный олень, птица. Среди ихтиологических материалов определены кости щуки. Останки собак свидетельствуют о содержании этих животных как домашних.

В индустрии камня раннего неолита сохраняются мезолитические традиции: контрударное плоскостное расщепление неизотропного сырья и объемное расщепление качественных пород – кремня, яшмы, горного хрусталя – на пластины. Вместе с тем на памятниках мулымьинского типа появляются и новые по сравнению с мезолитическими комплексами виды изделий: крупные пластины с краевым ретушированием, использовавшиеся для скобления / строгания, а также ретушированные наконечники стрел с черешком. В комплексах раннего неолита распространяется шлифование и пиление, появляются первые

шлифованные тесла с огранкой взамен мезолитических тесел с желобками или «ушками», обработанных пикетажем [Погодин, 1994].

Ранненеолитическое население проживало в жилищах различной конструкции: наземных, площадью 8–12 кв. м, и углубленных до 0,7–1,2 м, состоявших из одного или двух котлованов, соединенных переходом. Площади однокамерных полуземлянок 30–50 кв. м, двухкамерных – 50–80 кв. м. Выход из углубленных сооружений в ряде случаев фиксировался в виде коридорообразного тамбура. Элементы опорных конструкций перекрытия располагались по углам и вдоль стен. По центру котлованов находились очаги, а под полом, вблизи стен, – хозяйственные ямы.

Погребальные памятники раннего неолита на р. Конде не идентифицированы. Отдельные погребения VII тыс. до н. э., например захоронение черепа на поселении Леуши 9, рассматриваются в контексте эпохи мезолита [Клементьева, Погодин, 2020a].

Распространение в VII тыс. до н. э. комплексов с плоскодонной посудой в лесостепной и таежной зонах Западной Сибири (от Среднего Прииртышья и Нижнего Приишимья до Среднеобской и Кондинской низменностей) и Северного Зауралья понимается как явление общеисторического и стадиального характера [Молодин и др., 2020]. Ближайшие территориально центры древнейшего гончарства известны в Среднем Прииртышье [Молодин и др., 2020] и Северном Прикаспии [Васильева, Выборнов, 2016]. Однако свидетельств о появлении керамики в среднетаежной зоне Западной Сибири в результате миграционных процессов из одного из них, как это предполагается для лесостепного Поволжья [Андреев, Выборнов, 2020], у нас нет. По декоративно-морфологическим (плоскодонные банки с накольчато- прочерченным и скульптурным декором) и технологическим (примесь шамота и органического раствора, лоскутный налп) признакам, вероятно, прослеживается юго-восточный вектор культурных связей кондинского населения в конце VII тыс. до н. э. Вместе с тем распространение в ранненеолитических комплексах р. Конды типичных для мезолита и раннего неолита лесной зоны европейской части Евразии двухкамерных землянок и черешковых наконечников стрел на пластинах, вероятно, является маркером западных связей в этот период.

Средний период неолита, длившийся с начала VI тыс. до н. э. до второй половины V тыс. до н. э., характеризуется памятниками с округлодонной посудой – тонкостенной с волнисто-прочерченным орнаментом (умытынского типа) и толстостенной с плотным отступающе-накольчатым декором (шоушминского типа). К началу VI тыс. до н. э. численность населения в таежной зоне севера Западной Сибири заметно увеличивается, количество поселений резко возрастает. Стабильность хозяйственного уклада на основе присваивающих способов добычи ресурсов приводит к совершенствованию домостроения, производства глиняной посуды и

каменных орудий. Типологическое многообразие керамики (умытынский, сумпаньинский, чилимкинский, шоушминский, немнёлский типы) в VI тыс. до н. э. обусловлено, скорее всего, как внутренним развитием культуры, так и внешними факторами. К сожалению, знаний, позволяющих аргументированно охарактеризовать генезис этих керамических типов, на современном этапе недостаточно. Можно лишь наметить возможные варианты. Плоскодонная посуда немнёлского типа, вероятно, является результатом поступательного развития местных ранненеолитических традиций гончарного производства. Округлодонная посуда (умытынского типа) появляется в результате трансформации этих традиций под влиянием эпохального тренда изготовления округлодонных сосудов. С контактами кондинского и зауральского населения связано появление в бассейне р. Конды памятников шоушминского типа. В результате контактов населения с «умытынскими» и «шоушминскими» гончарными традициями сформировались синкретичные комплексы сумпаньинского типа. Для ряда жилищ VI тыс. до н. э. характерны типологически разнородные керамические комплексы (умытынского и шоушминского типов на Шоушме 10 и БУМ-8; сумпаньинского, шоушминского и немнёлского типов на Леуши 7, Мулымье 3 и 4). Жилищные комплексы V тыс. до н. э. в культурном отношении однородны, содержат только посуду умытынского типа (БУМ-57, 100, 109.1 и 109.2). В VI тыс. до н. э. наряду с двухкамерными полуземлянками (Шоушма 10, Усть-Тетер 1) строят большие по площади однокамерные землянки с углубленной центральной частью (БУМ-8, 9 и 57). Кровля строений опиралась на столбы, установленные вдоль стен и по центру котлованов, осыпание песчаных стен удерживалось деревянной крепью. Жилища отапливались наземными очагами, расположенными по центру котлована или у стен, рядом с нишами. Коридорообразный выход из землянки оборудовался в одной из стен котлована (Шоушма 10, БУМ-8). В это время распространяется традиция маркирования жилого пространства охрой.

На памятниках умытынского типа, бытовавших на р. Конде с начала VI тыс. до н. э. до конца V тыс. до н. э., изучены укрепленные жилища (БУМ-9 и 57), огороженные хозяйственные площадки (БУМ-109) и производственный комплекс по обжигу посуды (БУМ-100). Умытынские поселки состоят из одного или нескольких сооружений (БУМ-100). Посуда умытынского типа округлодонная, тонкостенная, по краю украшена пояском ямок / отверстий, по тулову – горизонтальными узорами из прочерченных волнистых линий и шагающе-гребенчатых оттисков. Памятники с подобной керамикой, распространенные в VI–V тыс. до н. э. в таежной зоне севера Западной Сибири – в бассейне рек Северной Сосьвы и Конды, в Сургутском Приобье, – рассматриваются в рамках быстринско-умытынского КХГ [Дубовцева, Клементьева, 2022]. В вопросе о генезисе традиций умытынского гончарства не исключена преемственность ранненеолитических традиций. Она проявляется в технологии (использование шамота в качестве примеси) и орнаментации (декорирование края налепами и пояском ямок,

прочерченные узоры в виде ромбической сетки и треугольных фигур). Изменение плоскодонной формы посуды на округлодонную происходит, вероятно, в соответствии с эпохальным трендом начала VI тыс. до н. э.

Индустрия камня среднего периода неолита характеризуется как кварцево-сланцевая. В VI–V тыс. до н. э. происходит расцвет абразивной обработки мягких пород. Триада шлифованных орудий – наконечники стрел иволистной формы, ножи с треугольным клинком и тесла трапецевидной формы – один из узнаваемых маркеров быстринско-умытйинского КХГ. Генезис этого технокомплекса как оптимального варианта адаптации к сырьевой базе прослеживается на памятниках раннего неолита таежной зоны севера Западной Сибири (Мулымья 3, Амня I [Дубовцева и др., 2019]).

Погребальный обряд среднего неолита основан на ингумации и кремации останков на стороне с последующим их помещением в грунтовые могилы. Захоронения выполнялись на территории поселений (погребение 3 БУМ-9, яма 10 БУМ-8) или крупных могильников с рядной организацией погребального поля (БУМ-100). Тела, вероятно, пеленались, укладывались в могилы в позе вытянуто на спине, головой преимущественно на СЗ. Охрой засыпалось все тело умершего, более интенсивно – голова. Погребальный набор скуден (возможно, по причине неудовлетворительной сохранности предметов из органики в песчаных почвах), представлен каменными орудиями (тесла, стамеска, наконечник стрелы и др.), украшениями (бусы из смолы), изделием из человеческого черепа, керамикой шоушминского типа. Оригинальна подготовка сопровождающего инвентаря: орудия подновлялись, посуда намеренно ломалась.

Поздний период неолита в бассейне р. Конды характеризуется памятниками ушьинского типа. Их появление связано с повсеместным распространением печатно-гребенчатого орнаментального стиля в последней трети V тыс. до н. э. при сохранении основных традиций производства посуды (округлодонные, тонкостенные емкости, лепка на формах-основах), камнеобработки (кварцево-сланцевая индустрия, расцвет абразивной техники), домостроения (полуземлянки с прямоугольными котлованами, маркирование жилого пространства охрой) и погребального обряда. К началу IV тыс. до н. э. умытйинские орнаментальные традиции полностью угасают, ушьинские продолжают до середины IV тыс. до н. э. Распространение печатно-гребенчатой орнаментации сопровождалась появлением новых типов украшений и орудий: подвесок каплевидной формы из кости и камня, наконечников стрел кельтеминарского типа, гребенчатых штампов из камня и керамики. Новации позднего неолита, вероятно, не были связаны с массовым притоком населения из южных регионов, их следует рассматривать как эпохальное явление, охватившее территорию таежной зоны севера Западной Сибири (бассейны рек Конда, Согом), Среднего Зауралья (шувакишская АК [Чаиркина, 2005. С. 273–278]) и Тюменского Притоболья (шапкульская АК [Старков, 1980; Зах, 2009. С. 208–212]).

Погребальная практика кондинского населения в позднем неолите обладает основными признаками предыдущего периода. Стоит отметить, что известные на сегодня немногочисленные погребения расположены на поселениях (могила 7 БУм-100) или вблизи от них (погребение 1 БУм-9), могильники не выявлены.

Периодизация неолитической эпохи, представленная в диссертации, является интерпретационной моделью имеющихся сейчас источников и знаний. С появлением новых данных возможна корректировка хронологической позиции изученных культурных типов памятников. Полученные выводы о хронологическом приоритете керамических комплексов, декорированных в накольчатой, прочерченной и накольчато-прочерченной техниках, лишь отчасти согласуются с концепциями развития неолита, предложенными М. Ф. Косаревым и В. А. Захом. По М. Ф. Косареву, наиболее ранней и автохтонной на территории Западной Сибири являлись носители отступающе-накольчатой орнаментальной традиции [Косарев, 1974. С. 147–160], по В. А. Заху, – носители отступающе-прочерченной орнаментальной традиции, мигрировавшие из районов Приаралья или Прикаспия [Зах, 2009. С. 263]. Распространение гребенчатой орнаментации на территории Кондинского бассейна прослежено в среднем неолите, практически с рубежа VII – VI тыс. до н. э. Сосуществование в определенный хронологический период нескольких традиций керамического производства, в том числе и орнаментальных, отраженное в представленной схеме, не противоречит современным концепциям развития культуры в неолите Зауралья и севера Западной Сибири [Мосин, 2016. С. 22; Шорин, Шорина, 2020. С. 51; Дубовцева, Косинская, 2021]. Необходимо отметить, что в неолите бассейна р. Конды автору не известны керамические комплексы, которые можно было бы соотнести с ямочно-гребенчатой (по В.А. Заху) или гребенчато-ямочной (по М. Ф. Косареву) традицией. В конце неолита наблюдается повсеместное распространение печатно-гребенчатой орнаментации, которая станет основным способом декорирования в раннем бронзовом веке.

В периодизации неолита р. Конды, разработанной на типологии керамических комплексов, учтены и традиции домостроения, камнеобработки, погребального обряда, обладающие более высокой по сравнению с керамическим производством консервативностью. Динамика традиций домостроения и камнеобработки не всегда коррелируется с трансформацией керамических типов, а погребальный обряд, основы которого оформились в эпоху мезолита, оставался неизменным до эпохи раннего металла. На протяжении эпохи неолита культура таежных обществ Кондинского бассейна, оставаясь консервативной, развивалась в соответствии с эпохальными трендами. Хронология и содержание периодов неолита бассейна р. Конды в целом коррелируется с периодизацией эпохи неолита севера Западной Сибири, разработанной Е. Н. Дубовцевой и Л. Л. Косинской [2021].

Верхняя хронологическая граница неолита на р. Конде требует уточнения. Первый металл

в этом регионе появляется в раннеполымьятских комплексах в начале бронзового века (по региональной периодизации) в последней трети III тыс. до н. э. [Кокшаров, 2012. С. 34; 2015. С. 17, 18]. С середины IV тыс. до н. э. в культуре таежных обществ фиксируются маркеры ее развития: изменяются традиции изготовления и орнаментации посуды (еныйский и атымьинский типы); появляются новые категории каменного инвентаря (шлифованные наконечники с жалъцами и тонкие листовидные бифасы, каменные подвески каплевидной формы [Погодин, Миронов, 2010]) и керамические грузила [Кокшаров, 2009. С. 196–197]; в изобразительном искусстве распространяются сложные геометрические схемы и появляются антропоморфные образы [Клементьева, Погодин, 2017б].

В заключение хотелось бы отметить уникальность Кондинского бассейна для изучения древней истории населения Западной Сибири. Научный потенциал региона позволяет проследить динамику культуры кондинского населения от каменного века до современности. Однако в изучении обществ таежных охотников и рыболовов севера Западной Сибири эпохи неолита существуют проблемы источниковедческого и методического плана. К источниковедческим проблемам относятся неудовлетворительные условия сохранности органики. Наши представления о предметах из кости и дерева, которые в хозяйстве неолитического населения играли, вероятно, ведущую роль, могут быть восполнены по материалами торфяников Среднего Зауралья [Чаиркина, 2022] и памятников Нижнего Приишимья [Еньшин, Скочина, 2018]. Существенно ограничены возможности морфологического и палеогенетического изучения антропологических останков и остеозоологических материалов. К проблемам методического плана относятся выборочность и эпизодичность трасологических исследований каменного инвентаря и технико-технологического и статистико-комбинаторного анализа керамических комплексов. При использовании достижений естественно-научных дисциплин, радиоуглеродного датирования в первую очередь, необходимо отметить приоритет методов археологии – типологии и стратиграфии. На протяжении всей истории изучения неолита таежной зоны севера Западной Сибири типологический анализ, являвшийся основой исследования материалов поселений, стоянок, городищ, показал свою состоятельность в первичной классификации источников. К сожалению, за рамками работы осталось изучение знаковых систем неолитической культуры – структуры и семантики орнаментов на посуде, образов, воплощенных в глиняной и каменной пластике. С учетом изложенных нюансов полагаем, что предложенная культурно-хронологическая схема неолита севера Западной Сибири будет дополняться, уточняться, совершенствоваться, что в полной мере соответствует принципам научного познания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК – археологическая культура
- АО – Археологические открытия, М.
- АКА – архив кабинета археологии УрГУ (г. Екатеринбург)
- АУ – автономное учреждение
- АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии (г. Новосибирск)
- БУМ – Большая Умытъя
- БААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии (г. Тюмень)
- ВАУ – Вопросы археологии Урала (г. Екатеринбург)
- ГПЗ – газоперерабатывающий завод
- ДМГ – декоративно-морфологическая группа
- ИА – Институт археологии (РАН)
- ИАЭТ – Институт археологии и этнографии (СО РАН)
- ИИиА – Институт истории и археологии (УрО РАН)
- ИИМК – Институт истории материальной культуры (РАН)
- ИПОС – Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень, СО РАН)
- кал. л. – калиброванных лет
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии (АН СССР – РАН)
- КТП – культурный тип памятников
- КХГ – культурно-хронологический горизонт
- л. н. – лет назад
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института Археологии (АН СССР, г. Ленинград)
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
- МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М.; Л.
- НАЦ – научно-аналитический центр
- НИР – научно-исследовательская работа
- НК – наземный комплекс
- НПЦ – научно-производственный центр
- ООО – общество с ограниченной ответственностью
- ОмГУ – Омский государственный университет (г. Омск)
- РА – Российская археология, М.
- РАН – Российская академия наук

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

СА – Советская археология, М.

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара)

СО – Сибирское отделение (РАН)

ТАС – Тверской археологический сборник

ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева

ТПП – территориально-производственное предприятие

ТюмГУ – Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

УИВ – Уральский исторический вестник (г. Екатеринбург)

УрГУ – Уральский государственный университет им. А. М. Горького (г. Екатеринбург)

УрО – Уральское отделение (РАН)

УрФУ – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев К. М. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17, № 3. – С. 198–211.

Андреев К. М., Выборнов А. А. Миграции и диффузии в неолитизации Поволжья // Stratum plus. – 2020. – № 2. – С. 15–30.

Арефьев В. А., Рыжкова О. В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – Вып. 6. – С. 76–112.

Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. – С. 157–171. (МИА. № 166.)

Беспрозванный Е. М. Отчет о раскопках поселения Леуши VII в Кондинском районе Тюменской области и отчет о разведке по правому берегу р. Иртыш в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1985 г. – Свердловск, 1986. – Архив ИА РАН. Р-1. № 10823.

Беспрозванный Е. М. Отчет о раскопках поселения Леуши IX в 1986 г. – Свердловск, 1987. – Архив ИА РАН. Р-1. № 11756.

Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – Вып. 1. – С. 26–38.

Беспрозванный Е. М. Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 4» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2020 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2022. – Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Беспрозванный Е. М., Косинцев П. А., Погодин А. А. Север Западной Сибири // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография. – М.: ГЕОС, 2014. – С. 168–181.

Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 48–62.

Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолит севера Западной Сибири // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда (г. Новосибирск, 23–28 апреля 2006 года). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН, 2006а. – Т. I. – С. 167–169.

Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолитические стоянки в нижнем течении р. Большая Учинья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006б. – Вып. 3. – С. 4–19.

Беспрозванный Е. М., Старостина Е. Е. Погребение в Нижнем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. – С. 33–38. (ВАУ. Вып. 18.)

Бобров В. В. Хроностратиграфия памятников «плоскодонного» неолита Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 150–163.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // ВААЭ. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 23–27.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // АЭАЕ. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 49–61.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Курганы в погребальной практике поздненеолитического населения юга Западной Сибири // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре: В 3 т. – Самара: СГСПУ, 2020. – Т. I. – С. 124–125.

Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири: в 4 т. Т. 1: неолит и энеолит. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 576 с.

Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. – С. 4–45. (ВАУ. Вып. 22.)

Бочкарев В. С. Значение классификации в современной археологии // Российский археологический ежегодник. – 2015–2016. № 5–6. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2016. – С. 31–35. [Электронный ресурс] URL: [08RAE56Bochkarev.pdf_\(archeo.ru\)](http://08RAE56Bochkarev.pdf_(archeo.ru)) (дата обращения: 10.11.2022).

Васильев Е. А. Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. (г. Суздаль, 1987 г.). – М.: Наука, 1987. – С. 59.

Васильев Е. А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во

Том. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 296–301.

Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 103–124.

Васильева И. Н., Выборнов А. А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. – 2016. – № 3 (17). – С. 104–123.

Викторова В. Д. Сосновый остров – стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. – 1968. № 4. – С. 161–173.

Викторова В. Д. Мифы на сосудах // Северный археологический конгресс: Доклады. 9–14 сентября 2002 г. – Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 80–94.

Виноградов А. С. Керамика неолитического поселения Чэс-Тый-Яг: культурно-хронологический аспект // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVII Региональной (III всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 года). – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2007. – С. 52–53.

Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО – Югры в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – Вып. 16. – С. 296–312.

Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2006. – 124 с.

Выборнов В. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // АЭАЕ. – 2014. – № 1 (57). – С. 33–48.

Выборнов А. А., Андреев К. М., Кулькова М. А., Филлипсен Б. Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Камья // УИВ. – 2018. – № 3 (60). – С. 66–77.

Гаджиева Е. А. Неолит бассейна р. Конды: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 1993. – 199 с.

Гаджиева Е. А., Кокшаров С. Ф. О раскопках поселения Геологическое VII // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. – С. 143–145.

Герасименко А. А. Характеристика керамики поселения Евстюниха // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 44–72.

Герман К. Э. Могилы с красной охрой на территории Дании, Швеции и Финляндии (краткая характеристика) // Кижский вестник № 7. – Петрозаводск, 2002. [Электронный ресурс] URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-7/294.html> (дата обращения: 15.07.19).

Глушков И. Г. Полевой дневник исследования поселения Чилимка V в 1988 г. – Научный

архив МБУК «Сургутский краеведческий музей». – Ф. 11. Д. 72.

Глушков И. Г. Отчет о полевых работах Ханты-Мансийского отряда Тобольской археологической экспедиции Тобольского педагогического института летом 1988 г. (Ханты-Мансийский и Уватский районы Тюменской области). – Тобольск, 1989. – Архив ИА РАН. Р-1. № 13295.

Глушков И. Г. Неолитическая керамика Конды по материалам поселений Чёртова Гора и Канда // Сибирь в панораме тысячелетий: Тез. междунар. симпозиума. – Т. 1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 137–137.

Глушков И. Г. Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Игорь Геннадьевич Глушков: Сб. избр. ст. – Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2011. – Ч. 2. – С. 153–166.

Глушков И. Г., Соболяникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири: Мат-лы совещ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 109–122.

Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Вып. № 47. – 431 с.

Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. – 2010. – Вып. 224. – С. 86–97.

Долганов В. А. Проведение спасательных археологических работ (раскопок) объекта культурного (археологического) наследия «Селище Сумпанья 7» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 г. – Екатеринбург, 2016. – Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 132.

Дубовцева Е. Н. Радиоуглеродные даты с поселений Барсова гора II/9 и Сумпанья III // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 237–239.

Дубовцева Е. Н. Орнаментальные традиции Урало-западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования) // ВААЭ. – 2013. – № 4 (23). – С. 52–58.

Дубовцева Е. Н. Неолитическая валиковая керамика на территории Зауралья и Западной Сибири // IV Северный археологический конгресс: Материалы. 19–23 октября 2015 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015а. – С. 69–71.

Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства на Севере Западной Сибири // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию В. П. Третьякова. – СПб.: ИИМК РАН, 2015б. – С. 208–212.

Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2021. – 233 с.

Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 247–251.

Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // УИВ. – 2022. – № 2 (75). – С. 139–148.

Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Хронология и периодизация неолита таежной зоны Западной Сибири // ТАС. – Тверь: Триада, 2021. – Вып. 12. – С. 11–28.

Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х. Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки ранненеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 149–159.

Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х., Чаиркина Н. М. Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита севера Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 94–108.

Дудко А. А., Васильева Ю. А. Хронология грунтового могильника Кулунигый (бассейн р. Большой Юган) // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре: В 3 т. Т. I. – Самара: СГСПУ, 2020. – С. 141–142.

Еньшин Д. Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // ВААЭ. – 2014. № 1 (24). – С. 14–23.

Еньшин Д. Н. К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 203–215.

Еньшин Д. Н. Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы I и II): характеристика и интерпретация // ВААЭ. – 2021. № 3 (54). – С. 5–19.

Еньшин Д. Н. Керамика эпохи неолита поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (III и IV группы): характеристика и интерпретация // ВААЭ. – 2022а. – № 2 (57). – С. 17–30.

Еньшин Д. Н. Ранний и средний неолит Нижнего Приишимья: векторы связей // XXII Уральское археологическое совещание: Мат-лы Всерос. археол. науч. конф., посвящ. 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т. М. Потемкиной (курган, 21–25 ноября 2022 г.) – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2022б. – С. 34–36.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергень 6 // ВААЭ. – 2017. – № 2 (37). – С. 15–29.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. Промыслово-хозяйственная деятельность ранненеолитического населения оз. Мергень как стратегия адаптации к окружающей среде (по материалам поселения Мергень 6) // ВААЭ. – 2018. – № 3 (42). – С. 5–18.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Зах В. А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергень 6) // ВААЭ. – 2012. – № 4 (19). – С. 43–52.

Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Слепченко С. М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мергень // IV Северный археологический конгресс: Материалы. 19–23 октября 2015 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015. – С. 72–74.

Зах В. А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // ВААЭ. – 2002. – № 4. – С. 25–36.

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 396 с.

Зах В. А. Периоды трансформаций в истории древних обществ Тоболо-Ишимья в голоцене // ВААЭ. – 2012. – № 4 (19). – С. 17–26.

Зах В. А., Еньшин Д. Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 6, № 2 (62). – С. 34–43.

Зах В. А., Зотова С. В., Панфилов А. Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья: Межвед. сб. науч. тр. – Омск: ОмГУ, 1991. – С. 13–42.

Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. – 2005. № 6. – С. 24–41.

Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 7–25.

Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 112–122.

Калинина И. В., Устинова Е. А. Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1990. – Вып. 30. – С. 7–19.

Карманов В. Н. Неолитическое население на Европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 421–448.

Карманов В. Н. Керамическая посуда в культуре бродячих охотников Крайнего северо-востока Европы // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 230–240.

Карманов В. Н. Древнейшая керамическая посуда на крайнем северо-востоке Европы: контекст и пути распространения // Археологические записки. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019.

– Вып. 10. – С. 155–189.

Классификация в археологии / отв. ред. Е. М. Колпаков. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – 248 с.

Клейн Л. С. Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. – Кн.1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2012. – 622 с.

Клементьева Т. Ю. Проведение противоаварийных спасательных работ на территории Даниловского месторождения – поселения Большая Умытъя 100: Отчет о НИР по Договору № 4/013 – 13С1567 от 29.05.2013 г. – Екатеринбург, 2014. – Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Клементьева Т. Ю., Кружемент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 499–526.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Ранний неолит бассейна р. Конды // V (XXI) Всерос. археол. съезд: Сб. науч. тр. – Барнаул: Алт. ун-т, 2017а. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896> (дата обращения: 10.11.2022).

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде с верховьев реки Конды // Археология и история Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Урал. рабочий, 2017б. – С. 50–58.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Урал. рабочий, 2017в. – С. 20–49.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. – 2020а. – Т. 9, № 1 (30). – С. 131–141.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020б. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 216–228.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Мулымьинский культурный тип памятников раннего неолита р. Конды: типология, хронология, стратиграфия // УИВ. – 2023а. – № 3 (80). – С. 105–118.

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Скульптурный декор на посуде раннего неолита Кондинского бассейна // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века: Материалы симпозиума (Самара 24–26 апреля 2023 г.). – Самара–СПб.: ИИМК РАН, 2023б. – С. 117–120

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология. – 2020. – № 3 (33). – С. 84–99.

Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я. Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытъя 109 // Вестник Пермского университета. История. –

2019. – Вып. 1 (44). – С. 20–33.

Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 80 с.

Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 123–134.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Ближневосточный след в неолитической культуре Среднего Зауралья // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2007. – № 49. – Вып. 13. – С. 5–18.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008а. – Вып. 25. – С. 73–113.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. К вопросу о сатыгинском типе керамики // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008б. – С. 135–145.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008в. – Вып. 25. – С. 30–43.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. О роли кельтеминарской культуры в неолитизации Среднего Зауралья и Западной Сибири // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Н. Н. Гуриной. – СПб.: ИИМК РАН; МАЭ РАН, 2009. – С. 173–175.

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. – 306 с.

Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Сибири. – Свердловск, 1984. – С. 32–44. (ВАУ. Вып. 17.)

Кокшаров С. Ф. Отчет об археологических работах в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1987 г. – Свердловск, 1988. – Архив ИА РАН. Р-1. № 121892.

Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита Севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 271 с.

Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // ВААЭ. – 2012. – № 4 (19). – С. 27–42.

Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2015. – 47 с.

Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 185–198.

Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // РА. –

2000. – № 4. – С. 109–127.

Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Каменный инвентарь бронзового века на поселении Геологическое XVI // Вестник Пермского университета. История. – 2017. – Вып. 1 (36). – С. 41–52.

Кольцов П. М. Понятие «неолит» и процессы неолитизации Евразии // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – № 4 (24). – С. 13–19.

Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Косинская Л. Л. Новокаменный век: хозяйство и образ жизни населения по обе стороны Урала // УИВ. – 1997. – Вып. 4. – С. 12–26.

Косинская Л. Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 61–72.

Косинская Л. Л. Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // ТАС. – Тверь, 2002. – Вып. 5. – С. 215–223.

Косинская Л. Л. Поселение Ет-то I и некоторые проблемы неолита севера Западной Сибири // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение», Салехард, апрель 2005 г. – Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедия, – 2005. – С. 3–21.

Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 16–40.

Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // УИВ. – 2014. – № 2 (43). – С. 30–40.

Косинская Л. Л. О характере культурогенеза в неолите лесного Зауралья и Западной Сибири: источники и интерпретации (к постановке проблемы) // ТАС. – Тверь: Триада, 2015. – Вып. 10. – С. 24–33.

Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Черная 3 // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 199–217.

Костылёва Е. Л. Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш Па (Центральная Россия) // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 286–324.

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и

Волго-Окского Междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. – М.: Таус, 2010. – 298 с.

Крижевская Л. Я. Отчет о раскопках поселения Сумпанья VI в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа Тюменской области в 1984 г. – Л., 1985. – Архив ИА РАН. Р-1. № 1123.

Крижевская Л. Я. Отчет о полевых исследованиях 1985 г. – Л., 1986. – Архив ИА РАН. Р-1. № 11113.

Крижевская Л. Я. Исследования Сумпанийского отряда // АО 1985 г. – М.: Наука, 1987. – С. 249–250.

Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 80–99.

Круземент С. А. Проведение противоаварийных спасательных археологических работ на поселении Усть-Тетер 1 в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2011. – Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 101.

Лычагина Е. Л. Ранний неолит Прикамья // АЭАЕ. – 2013. – № 4 (56). – С. 50–57.

Лычагина Е. Л., Выборнов А. А., Жукова О. В. Новоильинская постнеолитическая культура в Среднем и Верхнем Прикамье // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 179–186.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Сериков Ю. Б., Скочина С. Н. Культовые памятники эпохи энеолита. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. – 156 с. (Вып. 3: Древности Ингальской долины.)

Марочкин А. Г. Древнейшие погребальные кремации Томского Приобья (хронологическая и культурно-историческая интерпретация) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Т. 6, № 2 (62). – С. 80–86.

Марочкин А. Г. О двух погребально-обрядовых провинциях в Западной Сибири в периоды неолита – энеолита – ранней бронзы // V Северный археологический конгресс: Тез. докл. 11–14 декабря 2019, Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 110–112.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // АЭАЕ. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 30–46.

Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в

Барабе) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 3: Археология и этнография. – С. 39–51.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Ненахов Д. А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 69–93.

Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. – Екатеринбург: Урал. рабочий. – 1993. – Вып. 21. – С. 143–170.

Мосин В. С. Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестник Пермского университета. – 2016. – Вып. 1 (32). – С. 19–27.

Мосин В. С. Хронология энеолитических памятников лесного Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 3: Археология и этнография. – С. 61–71.

Москвина Н. Н., Козин В. В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. – 36 с.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. – 1986. – № 1. – С. 65–76.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 253 с.

Ошибкина С. В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 6–9. (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах).

Ошибкина С. В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // РА. – 2007. – № 1. – С. 36–48.

Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 137–146.

Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. – Т. 1. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011а. – С. 183–185.

Панина С. Н. Радиоуглеродные даты Усть-Вагильского холма // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011б. – Вып. 26. – С. 246–247.

Пиецонка Х. Старейшие горшки мира: о рассеивании керамических инноваций среди евразийских охотников-собирателей со времен позднего ледникового периода // История и современное мировоззрение. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 66–78.

Погодин А. А. Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. 22–25 марта 1994. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. – С. 173–176.

Погодин А. А. Отчет об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском

районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1995 г. Т. 2. Охранные раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе. – Екатеринбург, 1996. – АКА УрГУ. Ф. II. Д. 571А.

Погодин А. А. Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 5–15.

Погодин А. А. Аварийные раскопки поселения Большая Умытъя 9 (раскоп 2) в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2009 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2010а. – Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Погодин А. А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010б. – Вып. 8. – С. 146–183.

Погодин А. А. Проведение спасательных археологических работ на участке строительства объектов ТПП «Урайнефтегаз» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Большая Умытъя 100» в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2012б. – Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 106.

Погодин А. А. Противоаварийные спасательные работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Убъя 3» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2014 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2015. – Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 3. Д. 123.

Погодин А. А. Спасательные работы на поселении Большая Умытъя 74 // АО 2017 г. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 415–416.

Погодин А. А. Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Поселение Мулымья 3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО – Югры в 2019 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2020. – Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Погодин А. А. Спасательные археологические работы (раскопки) на выявленном объекте археологического наследия «Группа впадин (ловчих ям) Мулымья 6.3» на территории Убинского месторождения в Кондинском районе ХМАО – Югры в 2020 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2021. – Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Погодин А. А., Беспрозванный Е. М. Новые исследования каменного века таежной зоны Западной Сибири // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: Мат-лы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. – Екатеринбург:

Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 8–12.

Погодин А. А., Миронов П. В. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО – Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 132–167.

Погодин А. А., Труфанов А. Я. Спасательные работы на городище Неушья 2.1 // АО 2016 г. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 372–374.

Погодин А. А., Труфанов А. Я. Памятник лозьвинской культуры на поселении Большая Умытья 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Урал. рабочий, 2017. – С. 59–87.

Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балueva Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1989. – 101 с.

Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – 124 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. – 189 с.

Ражев Д. И. Отчет о НИР по обработке антропологического материала из погребений могильника на территории памятника «поселение Большая Умытья 100». – Тюмень, 2013. – Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 11. Д. 2.

Савченко С. Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты): Замятнинский сборник. – СПб.: Наука, 2011. – Вып. 2. – С. 153–181.

Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // КСИА. – 1952. – Вып. XLVII. – С. 15–23.

Святова Е. О. Отчет о НИР по обработке антропологического материала из объектов на территории памятника «Поселение Большая Умытья 100» (раскопки 2013 г.). – Тюмень, 2014. – Архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие». Оп. 11. Д. 2/1.

Сериков Ю. Б. Работы Кондинского отряда // АО 1985 г. – М., 1987. – С. 281. [Электронный ресурс] URL: <http://kronk.spb.ru/library/ao-1985-1987-220-297.htm#281a> (дата обращения: 02.12.2022).

Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники на реке Конде // Археология Западной Сибири. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. – С. 3–23.

Сериков Ю. Б. Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал) // ВААЭ. – 2013. – № 2 (21). – С. 4–10.

Скочина С. Н. Наконечники метательных орудий в неолите лесостепной зоны Западной

Сибири // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 181–186.

Скочина С. Н. Каменная индустрия кошкинского комплекса поселения Мергень 6 в Приишимье // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2017. – С. 165–177.

Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках на Чертовой горе в Кондинском районе Тюменской области летом 1988 года. – Тобольск, 1989. – Архив ИА РАН Ф.1 Р.1, № 12347.

Сладкова Л. Н. Священные реликвии Чертовой горы // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., г. Советский, 3–6 октября 2006 г. – Екатеринбург: Волот, 2006. – С. 215–218.

Сладкова Л. Н. Чёртова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – С. 147–158.

Собольникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита – ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 1998. – 293 с.

Собольникова Т. Н. Реконструкция гончарных традиций неолитического поселения Чилимка V // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Докл. всерос. науч. конф. 20.03.95–22.03.95. – Омск: ОмГУ, 1995. – Ч. 2. – С. 65–67.

Собольникова Т. Н. Неолитическое поселение Чертова Гора на реке Конде // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: Сургут. гос. пед. ин-т, 2001. – С. 4–11.

Собольникова Т. Н. Пространственный анализ памятников археологии таежной зоны Западной Сибири (на примере территории Нижней Конды) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул; Омск: ИД «Наука», 2015. – С. 275–279.

Сорокин А. Н. Пургасовская культура: к 30-летию изучения // КСИА. – 2015. – Вып. 239. – С. 301–325.

Спирidonов И. А. Металл энеолитических комплексов Зауралья // ВААЭ. – 2019. – № 3 (46). – С. 86–95.

Ставицкий В. В. К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур севера и юга // Самарский научный вестник. – 2014. – № 3 (8). – С. 171–177.

Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. История. – 1969. – № 5. – С. 72–77.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 219 с.

Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. – С. 93–111.

Стефанов В. И., Косинская Л. Л., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н., Беспрозванный Е. М. Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита-энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 48–86.

Усачева И. В. Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии // ВААЭ. – 2016. – № 4 (35). – С. 5–17.

Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии: Учеб. Пособие для вузов по спец. «История». – М.: Высш. шк., 1987. – 261 с.

Филатова В. Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. – Петрозаводск. – 2002. – № 7. [Электронный ресурс] URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-7/292.html> (дата обращения: 10.11.2022).

Фильчаков Е. Г. Отчет о раскопках в зоне строительства продуктопровода Краснотенинский ГПЗ – Сетово. – Тобольск, 1989. – Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 11344.

Хлобыстин Л. П. Отчет о работах Заполярной экспедиции в 1980 г. – Л., 1981а. – Архив ИА РАН. Р-1. № 9939.

Хлобыстин Л. П. Раскопки на р. Сумпанья // АО 1980 г. – М.: Наука, 1981б. – С. 219–220.

Хлобыстин Л. П. Отчет о работе Заполярной экспедиции в 1984 г. – Л., 1985. – Архив ИА РАН. Р-1. № 10432.

Хлобыстин Л. П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // AD POLUS. Памяти Л. П. Хлобыстина. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 29–35. (Археологические изыскания. Вып. 10.)

Хотинский Н. А., Волкова В. С., Левина Т. П., Лисс О. Л. Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1979. – С. 10–12. [Электронный ресурс] URL: Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири (arheologija.ru) (дата обращения: 10.11.2022).

Хрусталева И. Ю. Кремневые наконечники поселения каменного века Сертея XIV (Велижский район, Смоленская область) // ТАС. – Тверь: Триада, 2001. – Вып. 12. – С. 193–216.

Чаиркина Н. М. Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1995 году. – Екатеринбург, 1996. – Архив ИИиА УрО РАН. Ф. IIА. Д. 50.

Чаиркина Н. М. Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1996 году. – Екатеринбург, 1997. – Архив ИИиА УрО РАН. Ф. IIА.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 313 с.

Чаиркина Н. М. Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 179–189.

Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 224 с.

Чаиркина Н. М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы. – СПб.: Нестор-История, 2022. – 368 с.

Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н. Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее озеро III // ВААЭ. – 2016. – № 1 (32). – С. 19–31.

Чаиркина Н. М., Кардаш О. В., Пиецонка Х., Дубовцева Е. Н., Визгалов Г. П. Новые исследования ранненеолитических комплексов поселения Каюково 2 в Западной Сибири // V Северный археологический конгресс: Тез. докл. 11–14 декабря 2019 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 143–144.

Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // УИВ. – 2018. – № 2 (59). – С. 124–134.

Чаиркина Н. М., Пиецонка Х. Экологический фон инноваций раннего неолита Севера Западной Сибири // УИВ. – 2021. – № 3 (72). – С. 6–14.

Чайлд В. Г. У истоков европейской цивилизации. – М.: Иностранная литература, 1952. – 466 с.

Чемакин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Чемакин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 19–213.

Чемакин Ю. П. Неолитические комплексы на стоянке Стариков Мыс IA // ВАУ. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 218–231.

Чемакин Ю. П., Погодин А. А., Кlementьева Т. Ю. Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 188–194.

Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 40–53.

Цветкова Н. А. Начало неолитической эпохи на Верхней Волге // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. Вып. 2. – С. 683–717. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.215> (дата обращения: 10.11.2022).

Цеменков А. Е. Проведение археологических раскопок на поселении Большая Умытья 2 (Советский район, Западно-Даниловское месторождение): Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2010. – Архив АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 6185. Д. 1285а.

Цеменков А. Е. Проведение археологических полевых работ (разведок) на территории Советского, Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 г.: Отчет о НИР. – Екатеринбург, 2019. – Электронный архив ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие».

Цетлин Ю. Б. Понятия «качества» для анализа объема сосудов // КСИА. – 2015. – Вып. 239. – С. 393–408.

Шаманаев А. В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевское) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 146–153.

Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 68–79.

Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрРО РАН, 1999. – 181 с.

Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 154–161.

Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // УИВ. – 2010. – № 1 (26). – С. 32–42.

Шорин А. Ф. Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: история формирования основных концепций ее изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 125–138.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // АЭАЕ. – 2011. – № 3 (47). – С. 70–77.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 2 (27). – С. 262–268.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. – 2020. – № 2. – С. 31–56.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Энеолитический комплекс памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение»: начало эпохи энеолита в Зауралье // РА. – 2021. – № 3. – С. 37–51.

Шорин А. Ф., Шорина А. А. Историография неолита Зауралья: козловская и полуденская культуры // ВААЭ. – 2022. – № 2 (57). – С. 5–16.

Экология Ханты-Мансийского автономного округа. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 288 с.

Яблонский Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности?: Мат-лы Круглого стола. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 32–46.

Ahola M. E. Tracing Neolithic Funerary Practices from Finnish Ochre Graves – a Case Study from Kukkaroski Comb Ware Burial Ground // *Thanatos*. – 2015, – 4 (2). – P. 23–40. [Электронный ресурс] URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/310555> (дата обращения: 10.11.2022).

Eriksen B. V., Andersen H. Chr. H. Hammelev. An Early Mesolithic cremation grave from Sjøuthern Jutland, Denmark // *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities*. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte*. – Halle. – 2016. – Band 13/1. – P. 73–80. [Электронный ресурс] URL:

https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (дата обращения: 10.11.2022).

Grünberg J. M. Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities // *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities*. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte*. – Halle. 2016. – Band 13/1. – P. 13–24. [Электронный ресурс] URL:

https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (дата обращения: 10.11.2022).

Küßner M., Schunke T. A Mesolithic cremation burial and a hazelnut roasting site in Coswig, Wittenberg District, Central Germany // *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities*. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte*. – Halle. – 2016. – Band 13/1. – P. 345– 358. [Электронный ресурс].

URL: https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (дата обращения: 10.11.2022).

Kuzmin Y., J. van der Plicht, Panov V., Chairkina N., Klementieva T., Pogodin A. First data on diet of the Neolithic – Eneolithic populations of the Trans-Urals and Central West Siberian plain // «Radiocarbon and Diet: Aquatic Food Resources and Reservoir Effects» Second International Conference, 20-23 June 2017. – Aarhus, Denmark, 2017. – P. 89. [Электронный ресурс]. URL: https://conferences.au.dk/fileadmin/conferences/2017/RadiocarbonAndDiet/RadiocarbonAndDiet2017_BookOfAbstracts.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Manermaa K., Malyutina A., Zubova A., Gerasimov D. First evidence of human bone pendants

from Late Mesolithic Northeast Europe // *Journal of Archaeological Science: Reports*. – 43 (2022) 103488. – P. 1–18. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-archaeological-science-reports/vol/43/suppl/C> (дата обращения: 10.11.2022).

Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable iso-tope evidence. *Journal of Archaeological Science*. – 2020. – no. 116. – P. 1–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://uole-museum.ru/wp-content/uploads/2020/05/S.-Panina-S.-Savchenko.-The-emergence-of-hunter-gatherer-pottery-in-the-Urals-and-West-Siberia.pdf?ysclid=laauo641p542644735> (дата обращения: 13.04.2023).

Vybornov A., Konstantin A., Somov A., Kulkova M. The Neolithic evolution and cultural transformations in the Povolzhye region (Eastern Europe) // *Documenta Praehistorica*. – XLVII (2020). – P. 222–230. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.uni-lj.si/DocumentaPraehistorica/issue/view/711/532> (дата обращения: 10.11.2022).

Zagorska I. Mesolithic burial traditions in Latvia. A case study from Zvejnieki burial ground // *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities*. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte*. – Halle. 2016. – Band 13/1. – P. 229–238. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (дата обращения: 10.11.2022).